

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

доктор юридических наук, профессор, ассоциированный член ЮНИТАР, руководитель Арктического проекта Фулбрайт, Арктический университет Норвегии (Университет Тромсё) (Тромсё, Норвегия)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Александр Геррейро

доктор права, ассоциированный член Института политико-правовых наук юридического факультета Лиссабонского университета (Лиссабон, Португалия)

Душко ДИМИТРИЕВИЧ

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международной политики и экономики (Белград, Сербия)

Лотар ДЕТЕРМАН

доктор права, лектор факультета права Калифорнийского университета в Беркли (Беркли, США)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской Академии наук, член Президиума Российской Академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Виталий Семенович ИВАНЕНКО

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, подполковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных сил» (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, первый проректор, профессор кафедры административного и финансового права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

заслуженный юрист РСФСР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Джон Энтони КАРТИ

доктор права, профессор международного права Пекинского технологического института, главный редактор Оксфордской онлайн-библиографии международного права (Оксфорд, Великобритания)

Рустам Альбертович КАСЬЯНОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН

заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, Председатель МКАС и МАК при ТПП РФ, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Цзэнцзюн КУАН

профессор международного права, Китайский институт приграничных и морских исследований, Уханьский университет (Ухань, КНР)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

Дмитрий Константинович ЛАБИН

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лев Александрович ЛАЗУТИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия (Москва, Российская Федерация)

Александр Борисович МЕЗЯЕВ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Университет управления "ТИСБИ" (Казань, Российская Федерация)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ

доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права (Москва, Российская Федерация)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» (Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН

доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет (Таллин, Эстония)

Борис Иванович НЕФЁДОВ

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Тим ПОТЪЕ

доктор права, профессор и старший научный сотрудник Школы права и дипломатии им. Флетчера, Университет Тафтса (Массачусетс, США)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ

доктор юридических наук, депутат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики, Председатель комиссии по социальным вопросам и правам человека Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, Руководитель рабочей группы по межпарламентским связям Азербайджан-Россия (Баку, Азербайджан)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Российская Федерация)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России (Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**Анна Ивановна ЕФИМОВА**

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 146

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 28.03.2024 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № 588

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии

и множительной техники МГИМО МИД РФ

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Корректор – К.Е. Полтевская

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2024

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Head of the International Law Department,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International
Law Department, Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences,
Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and
Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law
Department, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (*Moscow, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law,
Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law
Department, Saint-Petersburg State University
(*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Doctor of Laws, Professor,
UNITAR Associated Fellow, Fulbright Arctic Chair in Tromsø with
the Arctic University of Norway (*Tromsø, Norway*)

Duško Dimitrijević

Dr. Sci. (Law), Principal Research Fellow,
Institute of International Politics and Economics (*Belgrade, Serbia*)

Lothar Determann

Dr., Lecturer at the UC Berkeley School of Law,
The University of California, Berkeley (*Berkeley, USA*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law
Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(*Moscow, Russian Federation*)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of
Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of
International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium
of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of
Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow
State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign
Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vitaly S. Ivanenko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at
the International Law Department, Saint-Petersburg State University
(*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private
Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces
(*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at
the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of
International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the
International Law Department of the Faculty of International Relations,
Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the
Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor,
Vice-Rector, Professor at the Administrative and Financial Law Department,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebkov

Honoured lawyer of the RSFSR, Candidate of Juridical Sciences,
Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir V. Ustinov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences,
Presidential Envoy to the Southern Federal District
(*Rostov-on-Don, Russian Federation*)

Alexandre Guerreiro

Doctor of Laws, associated member of the Institute
of Political-Legal Sciences of the School of Law, University of Lisbon
(Lisbon, Portugal)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International
and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

John Anthony Carty

PhD, Professor of International Law at Beijing Institute of Technology,
Editor-in-Chief of the Oxford Bibliographies in International Law
(Oxford, Great Britain)

Rustam A. Kasyanov

Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Integration
and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Kostin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Laws,
Chairman of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber
of Commerce and Industry of the Russian Federation, Professor, Professor
of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute
of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of Russia (Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies,
Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and
European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
Professor at the International Law Department,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences,
Professor, Head of the International and European Law Department,
Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences,
Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department,
Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexander B. Mezyaev

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of
International Law, University of Management TISBI (Kazan, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law
Association (Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky,
Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm (Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Laws, Associate Professor, Professor at the International Law
Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Member of the Milli Majlis (Parliament)
of the Republic of Azerbaijan, Chairman of the Commission
on Social Issues and Human Rights of the Interparliamentary Assembly
of the CIS Member States, Head of the Working Group on Interparliamentary
Relations Azerbaijan-Russia (Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor of International Law and Senior Fellow, Fletcher
School of Law and Diplomacy, Tufts University (Massachusetts, USA)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International
Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences,
Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade
Academy of the Ministry for Economic Development of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at
the International Law Department, Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science
Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Author fees

Publication in «**Moscow Journal of International Law**» is free of charge for
all the authors.

The journal doesn't have any Article processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by
the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and
editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be
published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of
International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov

Proofreader – Xenia E. Poltevskeya

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

Боклан Д.С., Коваль В.В.
Односторонние санкции в соответствии
с международным правом и эффективность
блокирования

- 6** *Boklan D.S., Koval V.V.*
Unilateral Sanctions under International Law and
Effectiveness of Blocking

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

LAW OF THE SEA

Коваль В.Н., Васильев С.А., Годованик Е.В., Полищук А.В.
Международно-правовое регулирование деятельности
государств в регионе Большого Средиземноморья

- 24** *Koval V.N., Vasiliev S.A., Godovanik E.V., Polischuk A.V.*
International Legal Regulation of Activities of States
in the Great Mediterranean Region

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

Касьянов Р.А., Язбердиев И.М.
К пятидесятилетию Европейской патентной
конвенции (1973–2023 гг.)

- 44** *Kasyanov R.A., Yazberdiev I.M.*
To the 50th Anniversary of the European Patent
Convention (1973–2023)

Лобанов С.А., Сурхяева Я.Д.
Международно-правовой подход к пониманию
энергетической дипломатии

- 57** *Lobanov S.A., Surkhayeva Ya.J.*
International Legal Approach to Understanding
Energy Diplomacy

МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВPEACEFUL SETTLEMENT
OF INTERNATIONAL DISPUTES

Капустина Н.А.
Соотношение свободы усмотрения арбитров
и принципа справедливости при арбитражном
судопроизводстве

- 80** *Kapustina N.A.*
Correlation between the Arbitrators' Discretion
and the Natural Justice in Arbitration Proceedings

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Малов О.А.
Процесс становления и развития
институционального арбитража в Испании

- 90** *Malov O.A.*
Development of Institutional Arbitration in Spain

МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

Кириллова Е.Б.
Сравнительно-правовой анализ законодательства
об информационных технологиях
в России и Швеции

- 107** *Kirillova E.B.*
Comparative Legal Analysis of IT Legislation
of Russia and Sweden

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-6-23>

Исследовательская статья

УДК: 341.3

Поступила в редакцию: 21.12.2023

Принята к публикации: 13.02.2024

Дарья Сергеевна БОКЛАН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

dboklan@hse.ru

ORCID: 0000-0001-8843-3473

Владислав Вячеславович КОВАЛЬ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

koval_vladislav@bk.ru

ORCID: 0009-0004-7847-7498

ОДНОСТОРОННИЕ САНКЦИИ В СООТВЕТСТВИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ БЛОКИРОВАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ. В статье представлен анализ современного международно-правового подхода к односторонним санкциям. Сделан вклад в развивающуюся дискуссию о квалификации односторонних санкций в соответствии с международным правом.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Настоящее исследование опирается на работы как российских, так и зарубежных специалистов в области международного экономического права, а также на анализ документов и материалов международных организаций (Организации Объединенных Наций (далее – ООН), Всемирной торговой организации (далее – ВТО) и др.) с целью оценки соответствия односторонних санкций нормам международного права. В представленном исследовании использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция и дедукция), специально-юридические методы (формально-юридический, технико-юридический, метод юридической аналогии) и сравнительно-правовой метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Представленный анализ показал, что широко использу-

емый термин «односторонние санкции» приводит к злоупотреблению и неправомерному использованию такого международно-правового понятия, как «санкции». Анализ совместимости односторонних санкций с другими видами мер принуждения, такими как контрмеры, санкции Совета Безопасности ООН, реторсии и репрессалии, выявил, что односторонние санкции не подпадают под определение данных мер. Кроме того, односторонние санкции не должны оправдываться исключениями по соображениям безопасности, действующим в рамках ВТО. Использование экстерриториальных односторонних санкций противоречит одному из основополагающих принципов международного права – принципу невмешательства во внутренние дела. Существующие механизмы блокирования односторонних санкций недостаточно эффективны, чтобы компенсировать негативный эффект от односторонних санкций.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Авторы пришли к выводу, что односторонние санкции в большинстве случаев не удовлетворяют совокупным критериям легитимной контрмеры.

Односторонние санкции не эквивалентны санкциям Совета Безопасности ООН, так как в процессе принятия решений отсутствует система «сдержек и противовесов» в виде определения степени угрозы миру и безопасности и учета гуманитарных исключений. Несмотря на то, что между односторонними санкциями и реторсиями или репрессалиями есть определенная взаимосвязь, реторсии и репрессалии должны соответствовать критериям законности и пропорциональности, в то время как односторонние санкции вводятся по усмотрению государства без каких-либо критериев. Кроме того, авторы утверждают, что во избежание злоупотреблений при использовании исключений по соображениям безопасности, действующим в рамках ВТО, третейские группы должны опираться на сбалансированный подход, использованный в деле Россия – Транзит. Этот подход показывает, что контекст исключений по соображениям безопасности следует понимать как охватывающий только военные и тесно связанные с ними вопросы и не распространять

его на политические, экономические, культурные или любые другие интересы и отношения. Существующие блокирующие механизмы односторонних санкций требуют отдельной квалификации в рамках международного права, включая совместимость с легитимными контрмерами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принудительные меры, санкции, экстерриториальность, контрмеры, реторсии, невмешательство во внутренние дела, законодательство о блокировке

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Боклан Д.С., Коваль В.В. 2024. Односторонние санкции в соответствии с международным правом и эффективность блокирования. – Московский журнал международного права. № 1. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-6-23>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-6-23>

Daria S. BOKLAN

National Research University "Higher School of Economics"
20, Myasnitskaya st., Moscow, Russian Federation, 101000
dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

Vladislav V. KOVAL

National Research University "Higher School of Economics"
20, Myasnitskaya st., Moscow, Russian Federation, 101000
koval_vladislav@bk.ru
ORCID: 0009-0004-7847-7498

Research article

UDC: 341.3

Received 21 December 2023

Approved 13 February 2024

UNILATERAL SANCTIONS UNDER INTERNATIONAL LAW AND EFFECTIVENESS OF BLOCKING

INTRODUCTION. *This article discusses modern international legal concept of unilateral sanctions. The authors contribute to the emerging discussion on the qualifying of unilateral sanctions under international law.*

MATERIALS AND METHODS. *In this study we took into account the works of both Russian and foreign scholars in the field of international economic law, as well as analyzed documents and materials of international organizations (United Nations (UN), World Trade Organization (WTO) and others) in order to assess the compatibility of unilateral sanctions with international law. General scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, and deduction), special legal methods (formal-legal, technical-legal, method of legal analogy) and comparative legal method were used in the presented research.*

RESEARCH RESULTS. *Presented analysis has shown that widely used term “unilateral sanctions” leads to abusive and inappropriate use of international legal term. Analysis of compatibility of unilateral sanctions with other types of coercive measures such as countermeasures, UN Security Council sanctions, retortions, reprisals have shown that unilateral sanctions do not fall under the meaning of all mentioned measures. In addition, unilateral sanctions should not be justified under the WTO security exceptions. The use of extraterritorial unilateral sanctions contradicts one of the fundamental principles of international law – principle of non-interference in internal affairs. Existing blocking unilateral sanctions mechanisms are not efficient enough to compensate negative effect posed by unilateral sanctions.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Authors concluded that unilateral sanctions in most of the cas-*

es do not satisfy cumulative criteria of legitimate countermeasure. Unilateral sanctions are not equivalent to the United Nation Security Council sanctions, as there are no “checks and balances” in the decision-making process in the form of determining the degree of threat to peace and security and taking into account humanitarian exceptions. Although there is some correlation between unilateral sanctions and retortions or reprisals, retortions and reprisals possess criteria of legality and proportionality, while, unilateral sanctions are introduced at the state’s discretion without any standard. Furthermore, the authors argue that to avoid abusive use of the WTO security exceptions WTO panels have to rely on the well-balanced approach used by the Panel in Russia – Transit case. This approach shows that the context of security exception should be understood as encompassing only military and closely related to military issues and does not cover political, economic, cultural or any other interests and relations. Existing blocking mechanisms of unilateral sanctions require separate qualification under international law including compatibility with the legitimate countermeasures.

KEYWORDS: *coercive measures, sanctions, extra-territoriality, countermeasures, retortions, non-interference in internal affairs, blocking law*

FOR CITATION: Boklan D.S., Koval V.V. Unilateral Sanctions under International Law and Effectiveness of Blocking. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 1. P. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-4-6-23>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Introduction

The “sanctions tsunami”¹, which has reached an acute phase since 2022, is one of the most unprecedented phenomena since the Cold War.

In the period from 21.02.2022 to 11.06.2023, 12,594 sanctions were imposed on Russian individuals and legal entities within the framework of the lists of the main Western countries that initiated them². Unilateral extraterritorial sanctions³ have become a promi-

¹ Timofeev I. *Unprecedented Sanctions? By No Means*. Russian International Affairs Council. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/unprecedented-sanctions-by-no-means/> (accessed 05.06.2023).

² As of 11.06.2023. Gerasimov V. *Sanctions against Russia: results of the first half of 2023*. Materials of the report. X-Compliance network publication. Interfax.

³ The use of the term “sanctions” to denote unilateral restrictive (coercive) measures in this paper is used in an attempt to present a consensus definition. From a legal point of view, this term should not be used in international relations, since this contradicts the foundations of international law. “Sanctions” can be used in national legal orders, since they have the function of punishment, which does not apply to unilateral measures of states.

nent and contentious issue in contemporary international relations. These unilateral sanctions, imposed by one state on entities/individuals or another state outside its jurisdiction, have increasingly been used as a foreign policy tool to influence the behavior and policies of other states. It is more of a political tool [Kritskiy 2016:204]. While proponents argue that such measures are necessary for the protection of national interests and the promotion of international peace and security, critics raise concerns about their compatibility with international law and the potential adverse consequences on innocent populations.

Unilateral sanctions represent a departure from traditional conceptions of state sovereignty and non-intervention [Keshner 2015:147], as they extend the reach of a country's laws and regulations beyond its borders. These measures typically involve trade restrictions, financial sanctions, asset freezes, or limitations on specific transactions, aiming to coerce or penalize targeted entities or individuals in third countries.

The legal basis and legitimacy of unilateral sanctions under international law are subjects of ongoing debate. Questions arise regarding their compliance with principles such as state sovereignty, non-intervention, non-interference, and the prohibition of the use of force. Concerns are also raised about the potential adverse effects on innocent populations, human rights, and the global economy. Additionally, the extraterritorial reach of these unilateral sanctions can lead to conflicts with the legal frameworks of other countries and international trade agreements. This article contributes to the mentioned discussion by analyzing interrelation between unilateral sanctions and other coercive measures under international law in section 2, sanctions as trade restrictive measures in section 3, compatibility of extraterritoriality of the unilateral sanctions regime with the principle of non-interference in the internal affairs and blocking mechanisms in section 4, section 5 concludes the analysis.

2. Unilateral sanctions and other coercive measures under international law

The Human Rights Council defines unilateral sanctions as: "the use of economic, trade or other measures taken by a State, group of States or international organizations acting autonomously to compel a change of policy of another State or to pressure individuals, groups or entities in targeted States to influence a course of action without the authorization of the Security Council"⁴.

Similar definition may be found in the literature where unilateral sanctions are defined as "non-forcible (non-military) foreign policy measures adopted by states or international organizations and designed to influence other states or non-state entities or individuals to change their behavior or to take a particular course of action"⁵.

Such unilateral sanctions are imposed without authorization of the United Nations Security Council. Unilateral sanctions, for instance, are considered by the European Union as a key foreign policy tool and the most effective when designed and applied alongside international partners. As well as communicating a clear political signal, sanctions can be used to constrain or help effect a change in behavior⁶. Such an approach to unilateral sanctions often explained by failure of the United Nations Security Council to effectively adopt its decisions due to frequently used veto power by the permanent members [Dasgupta 2022:417].

The present-day discussion on the use of the term "unilateral sanctions" to designate unilateral coercive measures could be the sign of a new evolution in the law of enforcement, even though no consensual rules have so far developed in this respect [Miron 2022:14]. Alongside with that it is specifically underlined in the literature that the term "sanctions" is now extensively and abusively used to designate all types of coercive measures, adopted by a State or by an international organization, either pursuant to its constitutional treaty or without any specified legal

⁴ Human Rights Council, Research-based progress report of the Human Rights Council Advisory Committee containing recommendations on mechanisms to assess the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights and to promote accountability. A/HRC/28/74. 2015. Para. 9.

⁵ Gordon R., Smyth M., Cornell T. *Sanctions Law*. Oxford, UK; Portland, Oregon: Hart Publishing. 1st ed. 2019. 336 p.

⁶ UK White Paper. "The Future Relationship between the UK and the EU". White Paper, CM 9593. July 2019. P. 65.

basis in international law. This abusive terminological conflation appears as inappropriate, since it gives to unilateral measures the anoint of the legal authority and they seem to presume that a State is entitled to adopt such measures⁷. Some scholars indicating the difference between sanctions imposed by the United Nations Security Council and unilateral sanctions define the latter as “restrictive measures” [Beaucillon 2021:6-8]. The same approach is used by some states⁸. At the same time, it looks that term “unilateral sanctions” is being widely used by both scholars and policymakers⁹.

Although according to the 1970 Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations “no State may use or encourage the use of economic political or any other type of measures to coerce another State in order to obtain from it the subordination of the exercise of its sovereign rights and to secure from its advantages of any kind” there are no customary rules in international law prohibiting imposition of unilateral sanctions¹⁰.

The authors of this paper agree with Alina Miron, that widely used term “unilateral sanctions” leads to abusive and inappropriate use of international legal term. Therefore, the issue of compatibility of such unilateral sanctions with other types of coercive measures such as countermeasures, UN Security Council sanctions, retortions, reprisals and trade restrictive measures is on top of the today’s agenda.

a. Countermeasures and unilateral sanctions

The concept of responsibility of states under international law, refers to the legal consequences that arise when a state breaches its obligations under international law. Countermeasures are one of the mechanisms available to injured states to respond to the wrongful acts of another state [Kurdyukov, Keshner 2014:114].

The term “countermeasures” was first introduced in the decision in the *Air Services Agreement* case of 27 March 1946¹¹. Following that decision, the International Law Commission (ILC) replaced the word “sanction” <...> with the word “countermeasure” in its Draft Articles on State Responsibility [Miron 2022:17]. Before ILC’s Articles on State Responsibility were adopted (ARSIWA)¹², the International Court of Justice (ICJ) has used this term in decisions in the *Tehran Hostages case*¹³, *Military and Paramilitary Activities*¹⁴, and the *Gabčíkovo-Nagymaros Project*¹⁵. Today, “countermeasures” is a generally accepted concept, used even by the Dispute Settlement Body of the World Trade Organization (WTO)¹⁶, taking into account that WTO law constitutes according to the ILC so called “self-contained” (special) regime¹⁷. In some cases, WTO panels have referred to ARSIWA because WTO law cannot be isolated from international law [Starshinova 2019:44]. In particular, it is noted that WTO measures should not contravene principles of general international law. For instance, retaliatory measures shall be proportionate in con-

⁷ UK White Paper. “The Future Relationship between the UK and the EU”. P. 70.

⁸ EU Restrictive measures (sanctions). URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/international-relations/restrictive-measures-sanctions_en. (accessed 14.12.2023).

⁹ Pellet A., Miron A. *Sanctions*. *Max Planck Encyclopedias of International Law*. 2013. P. 10; Kern A. *Economic Sanctions: Law and Public Policy*. London: Palgrave Macmillan London. 2009. 377 p.

¹⁰ Carter B.E. *Economic Sanctions*. *Max Planck Encyclopedias of International Law*. 2011. P. 30-31.

¹¹ *Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France*. RIAA. Vol. XVIII. P. 417-493.

¹² UN GA: Articles on State Responsibility for the International Wrongful Act. A/RES/56/83. 2002.

¹³ ICJ: *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran* (United States of America v. Iran) (Merits). ICJ Reports. 1986. P. 53.

¹⁴ ICJ: *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (Nicaragua v. United States of America) (Merits). ICJ Reports. 1986. P.14, 106.

¹⁵ ICJ: *Gabčíkovo-Nagymaros Project* (Hungary/Slovakia) (Merits). ICJ Reports. 1997. P. 69.

¹⁶ WTO: *United States – Subsidies on Upland Cotton*. Recourse to Arbitration by the United States under Article 22.6 of the DSU and Article 4.11 of the SCM Agreement. WT/DS267/ARB/1. Decision by the Arbitrator. 2009. P. 4.40–4.42; WTO: *United States – Subsidies on Upland Cotton*. Recourse to Arbitration by the United States under Article 22.6 of the DSU and Article 7.10 of the SCM Agreement. WT/DS267/ARB/2. Decision by the Arbitrator. 2009. P. 4.30–4.32.

¹⁷ UN ILC: Fragmentation of international law: difficulties arising from the diversification and expansion of international law: report of the Study Group of the International Law Commission/finalized by Martti Koskeniemi. A/CN.4/L.682.

sistency with rules applicable to countermeasures under general international law. Similarly retaliatory measures under the WTO, like countermeasures, are aimed at forcing the offending state to fulfill its obligations; they should be temporary and reversible; they should be applied by the injured state, but not by a third party [Starshinova 2019:14]. However, there are procedural peculiarities applicable under the WTO rules, thus WTO rules on retaliatory measures serves as *lex specialis* to general international law [Starshinova 2019:42].

The ILC has interpreted the concept of countermeasures as conduct in derogation of an existing treaty obligation that is justified as a necessary and proportionate response to an internationally wrongful act of a State¹⁸. James Crawford following the approach used by the ICJ in *Gabčíkovo-Nagymaros Project* case¹⁹ pointed out that “countermeasures involve non-compliance by one state with an international obligation owed towards another state, adopted in response to a prior breach of international law by that other state and aimed at inducing it to comply with its obligations of cessation and reparation” [Crawford 2013:685].

There is no requirement that countermeasures relate to the same obligation that the wrongfully acting State has breached. Thus, a response to a breach of one obligation may be action taken with respect to another obligation, subject to the requirements of necessity and proportionality²⁰. Moreover, countermeasures should be reversible²¹.

The purpose of the application of a countermeasure may only be to induce the State to fulfil the obligations arising from the wrongful act, subject to application in such a way as to make it possible to

resume the fulfilment of such obligation²². Furthermore, they must not affect the obligation to refrain from the threat or use of force as enshrined in the UN Charter, obligations to protect human rights, humanitarian obligations prohibiting reprisals and other erga omnes obligations²³. Moreover, the injured state must call on the responsible state to fulfil its obligations and notify it of any decision to take countermeasures, while offering to negotiate²⁴. It is worth noting that all mentioned criteria of countermeasures are cumulative. This means that to be legitimate countermeasure should satisfy all of them.

Unilateral sanctions in most of the cases do not satisfy mentioned cumulative criteria. One of the relevant examples could be unilateral sanctions imposed on Russia. Thus, UK Foreign Secretary Liz Truss stated that UK’s sanctions are aimed at “tightening the screw on the Russian economy. There will be no let-up”²⁵. The same approach to the purpose of unilateral sanctions may be found in the statement of finance minister of France, according to which they were taken “to cause the collapse of the Russian economy”²⁶. Firstly, it could be reasonably inferred from both statements that unilateral sanctions have nothing to do with the legitimate objective of the countermeasures. It is obvious that “tightening the screw on the Russian economy” or “causing collapse of the Russian economy” could in no way be considered as legitimate objective under ARSIWA described above. Secondly, both statements show that the unilateral sanctions are unlikely to be reversible.

Also, the scale and scope of the unilateral sanctions imposed on Russia is unlikely to satisfy proportionality criterion. Russia became the most sanctioned state in the world by a wide margin from Iran,

¹⁸ ILC: Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries. A/56/10. Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. II. Part Two. P. 128-129.

¹⁹ ICJ: *Gabčíkovo-Nagymaros Project* (Hungary/Slovakia) (Merits). ICJ Reports. 1997. P. 83.

²⁰ *Supra* note 18.

²¹ *Ibid.* P. 76.

²² ARSIWA, art. 49.

²³ *Ibid.* Art. 50.

²⁴ *Ibid.* Art. 52.

²⁵ Foreign Secretary announces 65 new Russian sanctions to cut off vital industries fuelling Putin’s war machine. UK Government. Press release. 24 March 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-announces-65-new-russian-sanctions-to-cut-off-vital-industries-fuelling-putins-war-machine> (accessed 16.10.2023).

²⁶ French Finance Minister Bruno Le Maire said that sanctions aim is to “cause the collapse of the Russian economy”. Smith E. *The West is trying to destroy Russia’s economy. And analysts think it could succeed*. CNBC. 2022. URL: <https://www.cnbc.com/2022/03/03/ukraine-analysts-think-western-sanctions-may-destroy-russias-economy.html> (accessed 16.10.2023); Boris Johnson promises massive sanctions to ‘hobble’ Russian economy. The Guardian. 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/24/boris-johnson-promises-massive-sanctions-to-hobble-russian-economy> (accessed 16.10.2023).

Syria, North Korea, Belarus and Venezuela. Starting from February 2022 G7 countries each imposed more than ten thousand unilateral sanctions²⁷.

Moreover, unilateral sanctions in most of the cases violate human rights. Thus, in a meeting on March 31 2022, more than half of the 47 members of the UN Human Rights Council voted to condemn unilateral sanctions. The resolution titled "The negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights"²⁸, was passed with 27 votes in favor (57 %), 14 votes against (30 %), and six abstentions (13 %). It also "strongly urges all States to refrain from imposing unilateral coercive measures, also urges the removal of such measures, as they are contrary to the Charter and norms and principles governing peaceful relations among States at all levels, and recalls that such measures prevent the full realization of economic and social development of nations while also affecting the full realization of human rights". According to the Human Rights Council, unilateral sanctions violate the International Bill of Human Rights. The resolution emphasized that these sanctions are particularly destructive for poor people, women, children, the elderly, the disabled, and the environment²⁹.

This analysis shows that unilateral sanctions in most of the cases do not satisfy cumulative criteria of legitimate countermeasure.

b. UN Security Council sanctions and unilateral sanctions

Under the United Nations Charter, international sanctions are a mechanism employed by the United Nations Security Council (UN SC) to address threats to international peace and security³⁰. The UN SC has the primary responsibility for maintaining international peace and security, and it can impose sanctions on states or entities that engage in activities deemed to be a threat to peace [Ivanova 2016:185].

The latest practice shows that the UN SC takes coercive measures not only based on political decisions but also in taking into account the consequences of previous violations of international law.

In December 2022, UN SC Resolution 2664³¹, provides for a standing humanitarian carveout to almost all asset freezes implemented under UN sanctions. The resolution authorizes a wide variety of specifically enumerated entities, including those entities' "grantees" and "implementing partners", to support the delivery of humanitarian assistance even if it requires transactions with designated entities. The UN SC now requires that all 193 UN member states "carve out" activities pertaining to humanitarian assistance by certain entities and people from most of the Council's asset-freeze sanctions regimes.

Unilateral sanctions are not legally equivalent to UN SC sanctions, as there are no "checks and balances" in the decision-making process in the form of determining the degree of threat to peace and security and taking into account humanitarian exceptions.

Thus, unilateral sanctions aim solely to unilaterally coerce and restrain a State. They do not take into account humanitarian regimes and do not grant maximum exemptions for humanitarian purposes. Alternatively, they impose a completely closed "licence" procedure³², which is at the discretion of the executive branch. In addition, apart from the lack of international legal grounds, unlike the UN SC sanctions, this decision is taken in the geopolitical interests of the state, without regard to the maintenance of international peace and security.

c. Retorsions, Reprisals and unilateral sanctions

Retorsions and reprisals are two distinct concepts in international law that involve responsive actions taken by states in response to perceived violations by other states.

²⁷ Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (accessed 07.11.2023).

²⁸ UN HRC. A/HRC/49/L.6. 2022.

²⁹ Norton B. Sanctions violate human rights and should be lifted, says UN Human Rights Council. — *Geopolitical Economy Report*. 2022. URL: <https://geopoliticeconomy.com/2022/04/04/sanctions-un-human-rights-council/> (accessed 16.11.2023).

³⁰ Charter of the United Nations. 1945. 1 UNTS XVI. Ch. VII.

³¹ UN SC: S/RES/2664. 2022.

³² Complying with professional and business services sanctions related to Russia. 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/professional-and-business-services-to-a-person-connected-with-russia/professional-and-business-services-to-a-person-connected-with-russia> (accessed 16.10.2023).

Retorsion is defined as “unfriendly conduct which is not inconsistent with any international obligation of the State engaging in it even though it may be a response to an internationally wrongful act”³³ as a measure of self-help.

Reprisals (come from the French *reprandre* (“to re-take”)) involve responsive actions by a state that are intended to induce compliance or seek redress for an alleged violation of international law by another state [Maleev, Rachkov, Yaryshev 2016:82]. They are considered to be measures that go beyond retorsions and involve coercive or punitive actions. Reprisals are subject to specific legal requirements and restrictions to ensure that they remain lawful and proportionate. “Reprisals, indeed, initially involved the taking of property of the wrongdoer to the extent of the injury suffered. Being grounded on notions of collective liability, reprisals could be taken against any member of the community of the wrongdoer”³⁴.

At present, the word “reprisals” is still used in the field of humanitarian law, as equivalent to “belligerent reprisals” [Rachkov 2014:103], i.e., “action taken in time of international armed conflict, which may consist of violations of international humanitarian law”³⁵.

It is important to note that reprisals, while recognized under international law, should not be confused with acts that are illegal under international law, such as the use of force or acts of aggression. Reprisals should not involve measures that violate peremptory norms (*jus cogens*) or human rights obligations.

On the one hand, there is some correlation between unilateral sanctions and retortions or reprisals, since they all represent a measure of inducement for the alleged violation of international law. On the other hand, retortions and reprisals pose criteria of legality and proportionality, while, unilateral sanctions are introduced at the state’s discretion without any standard.

3. Unilateral sanctions as trade restrictive measures

In general terms, sanctions are a controversial tool in the Multilateral Trading System. In particular, they disrupt economic ties between two or more countries, which contradict the original intentions of states under the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) Preamble, especially with regard to ensuring stable, secure, transparent and predictable trade relations. However, it is underlined that they are allowed as part of the exceptions under Article XXI of the GATT [Smeets 2021:282]. Thus, there is a noticeable conflict between these two different approaches.

Trade restrictive measures are an expression of discrimination. They contradict the idea of reciprocity and the basic principles of trade, the national treatment and the most favored nation treatment [Choukroune, Nedumpara 2021:758]. The following grounds for imposing trade restrictive measures within the framework of the WTO are singled out: achieving a set goal by disrupting or terminating the trade relations of the target country; applying sanctions in a knowingly discriminatory manner; applying sanctions as retaliatory measures as part of the dispute settlement process within the WTO and others [Smeets 2021:283]. All of this is also at odds with the goals and principles of the WTO.

Alongside with that in adopting unilateral sanctions, many states justify them based on the presence of a “threat to security” from Russia³⁶. If trade restrictive measures are designed to protect essential security interests, even being inconsistent with the WTO agreements they may be justified under so called “Security exception articles”³⁷, in case they fulfill criteria elaborated by the Panel in *Russia – Transit* case³⁸. This dispute is historic because the WTO Panel for the first time tried to strike a balance between two opposing views on whether it had jurisdiction over

³³ Supra note 18. P. 128.

³⁴ Paddeu F.I. *Countermeasures*. Encyclopedia entries. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. 2015. Oxford Public International Law. P. 4.

³⁵ Supra note 18. P. 128.

³⁶ Moret E. *Sanctions and the Costs of Russia's War in Ukraine*. 2022. URL: <https://reliefweb.int/report/ukraine/sanctions-and-costs-russia-s-war-ukraine> (accessed 16.10.2023).

³⁷ Article XXI of the GATT, XIVbis of the GATS and 73 of the TRIPS agreement. These three security exceptions articles are similarly worded and enshrine the following provision: “Nothing in this Agreement shall be construed <...> (b) to prevent any contracting party from taking any action which it considers necessary for the protection of its essential security interests <...> (iii) taken in time of war or other emergency in international relations”.

³⁸ WTO: *Russia – Measures Concerning Traffic in Transit*. WT/DS512/R. 2019.

the disputes involving security interests of the WTO members and formulated an assessment standard to be applied to the security exception [Boklan, Shau- bert 2019:25].

One of the key questions which the Panel was asked to address was the following: is security excep- tion “justiciable” or “self-judging” in nature? A provi- sion is “self-judging” when it could be assessed sub- jectively by the invoking country without reliance on any legal standard or test. It is non-justiciable when the issue cannot be subject to the findings of a WTO panel or the adjudicative system. On the contrary, a provision is “not self-judging” and “justiciable” if the panel can rely on objective legal standards and in this manner employ an objective approach of in- terpretation [Boklan, Bahri 2020:123-136]. Scholars have observed that the phrase “any action which it considers” gives great importance to a country’s dis- cretion [Lindsay 2003:1277-1313, 1282]. At the same time scholars underline that the discretion provided by this provision should be balanced with the trade interests of other WTO members. Such balance can only be achieved if the measure is reviewable by the WTO adjudicatory mechanism, the absence of which would make the provision “prone to abuse without redress”³⁹. In *Russia – Transit* the Panel employed a combination of objective and subjective approach and decided that Russia in addition to satisfying the requirements of subparagraph (iii) of the security ex- ception provision has also satisfied the conditions of the chapeau⁴⁰. The Panel concluded that for the action to fall within the scope of security exception it must objectively be found to meet the requirements in one of the enumerated subparagraphs of that provision⁴¹. The Panel established the following requirements for the measure to fall under mentioned security excep- tion. *First*, the Panel established a chronological crite- rion for the measure as it underlined that the phrase ‘taken in time of’ describes the “connection between the action and the events of war or other emergency

in international relations”⁴². Therefore, in the Panel’s view, whether the measure was taken in a particular period or not (meaning the period of war or other emergency in international relations) must be de- termined in an objective manner. *Second*, the Panel assessed the nature of “emergency” and defined the phrase “emergency in international relations”. The Panel observed that “war is one example of the larger category of “emergency in international relations”⁴³ and that the emergency in international relations en- compasses “all defense and military interests, as well as maintenance of law and public order interests”⁴⁴. The Panel expressly excluded political and economic interests from the scope of “essential security inter- ests”, as it clarified that “political or economic differ- ences between Members are not sufficient, of them- selves, to constitute an emergency in international relations for the purposes of subparagraph (iii) <...> unless they give rise to defense and military interests, or maintenance of law and public order interests”⁴⁵. Moreover, the Panel added that “emergency in in- ternational relations within the meaning of subpara- graph (iii) of Article XXI (b) [is] a situation of armed conflict, or latent armed conflict, or heightened ten- sion or crisis, or general instability engulfing or sur- rounding a state”⁴⁶. *Third*, the Panel concluded that subjecting this exception to the unilateral will of the member and leaving its interpretation to an “outright potestative condition” would seriously undermine the security and predictability of the multilateral trading system⁴⁷. Following this three-dimensional analysis, the Panel established its jurisdiction by em- ploying an objective approach based on the textual and contextual restrictive interpretation⁴⁸.

Alongside with that the Panel underlined that “emergency in international relations” is a “situation of armed conflict, or of latent armed conflict, or of heightened tension or crisis, or of general instability engulfing or surrounding a state”⁴⁹. To establish that such circumstances indeed are surrounding a state,

³⁹ Van den Bossche P., Werner Z. *The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases, and Materials*. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 5th ed. P. 596.

⁴⁰ Supra note 38. P. 7.8.1.

⁴¹ Ibid. P. 7.82.

⁴² Ibid. P. 7.70.

⁴³ Ibid. P. 7.72.

⁴⁴ Ibid. P. 7.74.

⁴⁵ Ibid. P. 7.75.

⁴⁶ Ibid. P. 7.111.

⁴⁷ Ibid. P. 7.79.

⁴⁸ Ibid. P. 7.83.

⁴⁹ Ibid. P. 7.76, 7.111.

the Panel relied on the factors indicated by Russia, in particular that the situation involves Ukraine (the Complainant) and that the security of Russia's border with Ukraine was affected in various ways⁵⁰. Panel considered that the further a state is removed from armed conflict, or a situation of breakdown of law and public order (whether in the invoking Member or in its immediate surroundings), the less obvious are the defense or military interests, or maintenance of law and public order interests, that can be generally expected to arise. In such cases, a Member would need to articulate its essential security interests with greater specificity than would be required when the emergency in international relations involved, for example, armed conflict⁵¹. The Panel specifically underlined that obligation of good faith, applies not only to the Member's definition of the essential security interests said to arise from the particular emergency in international relations, but also, and most importantly, to their connection with the measures at issue. Thus, as concerns the application of security exception, this obligation is crystallized in demanding that the measures at issue meet a minimum requirement of plausibility in relation to the proffered essential security interests, i.e., that they are not implausible as measures protective of these interests⁵².

In *Saudi Arabia – Intellectual Property Rights*⁵³ the Panel used similar approach and used the following facts to establish emergency in international relations: severance of all diplomatic and consular relations between Saudi Arabia and Qatar⁵⁴, accusa-

tions of Qatar by Saudi Arabia in supporting terrorism and extremism and necessity to protect territory of Saudi Arabia from such threats, and a travel ban on all Qatari nationals from entering the territory of Saudi Arabia and an expulsion order for all Qatari nationals in the territory of Saudi Arabia as part of the comprehensive measures⁵⁵.

Both Panels concluded that the phrase “which it considers necessary” in the chapeau does not extend to the determination of the circumstances in each of the subparagraphs⁵⁶. With respect to the interpretation of the “essential security interests”, the Panels found that phrase “it considers” will determine the term “essential security interests”, leaving its determination largely in the hands of the invoking members⁵⁷.

This analysis shows that justification of unilateral sanctions under the WTO security exceptions is very complicated issue. Nevertheless, for instance unilateral sanctions imposed on Russia by the USA, Canada, EU, Great Britain, New Zealand, Switzerland, Lichtenstein, Norway and Iceland in most of the cases will hardly satisfy criteria elaborated by panels in *Russia – Transit* and *Saudi Arabia – IP Rights* cases.

Firstly, because none of the sanctioning states is directly involved in the conflict with Russia. Secondly, these states do not share border with Russia (except for several EU members) and thirdly, regardless of several cases⁵⁸ of expulsion of Russian diplomats' severance of all diplomatic and consular relation is not in place.

⁵⁰ Supra note 39. P. 7.119.

⁵¹ Ibid. P. 7.135.

⁵² Ibid. P. 7.138.

⁵³ WTO: *Saudi Arabia – Intellectual Property Rights*. WT/DS567/R. 2020.

⁵⁴ Ibid. P. 7.258-7.259, 7.266.

⁵⁵ Ibid. P. 7.263, 7.284, 7.286.

⁵⁶ Ibid. P. 7.101.

⁵⁷ Ibid. P. 7.98.

⁵⁸ Murphy F. *Austria expelling four Russian diplomats*. Reuters. 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/austria-says-it-is-expelling-four-russian-diplomats-2022-04-07/> (accessed 16.10.2023); The Ministry of Foreign Affairs declared two Russian diplomats persona non grata. MFA Bulgaria. 2022. URL: <https://www.mfa.bg/en/news/33191> (accessed 16.10.2023); Bulgaria declares 10 Russian diplomats persona non grata. MFA Bulgaria. 2022. URL: <https://www.mfa.bg/en/news/33387> (accessed 16.10.2023); Deputy Minister of Foreign Affairs Irena Dimitrova presented a note verbale to the Ambassador of the Russian Federation Eleonora Mitrofanova. MFA Bulgaria. 2022. URL: <https://www.mfa.bg/en/news/34434> (accessed 16.10.2023); Statement by Foreign Minister Baerbock on the expulsion of Russian diplomats from Germany today (4 April). MFA Germany. 2022. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/ausweisung-russische-diplomaten/2521128> (accessed 16.10.2023); Statement by the Ministry of Foreign Affairs regarding the declaration of 12 members of the Russian Diplomatic and Consular Missions in Greece as personae non gratae in Greece. MFA Greece. 2022. URL: <https://www.mfa.gr/en/current-affairs/statements-speeches/statement-by-the-ministry-of-foreign-affairs-regarding-the-declaration-of-12-members-of-the-russian-diplomatic-and-consular-missions-in-greece-as-personae-non-gratae-in-greece.html> (accessed 16.10.2023); Danmark udviser 15 russiske efterretningsofficerer. MFA Denmark. 2022. URL: <https://via.ritzau.dk/pressemeddelelse/13648195/danmark-udviser-15-russiske-efterretningsofficerer?publisherId=2012662> (accessed 16.10.2023); Spain to expel around 25 Russian diplomats, foreign minister says. Reuters. 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/spain-expel-around-25-russian-diplomats-foreign-minister-says-2022-04-05/> (accessed 16.10.2023); Russian response to expulsion of intelligence officers by the Netherlands. Government of the Netherlands.

Moreover, sanctions imposed on Russia in majority of cases are economic in their nature and aimed at causing harm to Russian economy but not at protection of the territory of the sanctioning states and secure their governmental functions.

Alongside with that the risk of abusing security exception to justify unilateral sanctions exists. Thus, the Panel's ruling in *United States – Origin Marking Requirement*⁵⁹ applied much broader interpretation of the security exception clause in particular regarding interpretation of the term “emergency in international relations”. The Panel relying on Oxford on-line dictionary defined “international relations” as “relations involving political, economic, social, and cultural exchanges”⁶⁰. Moreover the Panel specially underlined that such international relations are not “exclusively bilateral relations between the invoking Member and the Member affected by the action”. Such approach bears a risk of abusing of national security exception allowing a state not directly involved in particular emergency in international relations violate its obligations under the GATT, GATS and TRIPS agreement. This may lead to the idea that national security is an exception to liberalization of trade and that both values are contradictory in nature and totally destroy multilateral trading system which is already suffers from the crisis.

Therefore, the authors of this article argue that to avoid abusive use of security exception WTO panels have to rely on the well-balanced approach used by the Panel in *Russia – Transit* case. It is worth not-

ing that this is the only one panel's report adopted by the WTO Dispute Settlement Body regarding interpretation of security exception. This approach shows that the context of security exception should be understood as encompassing only military and closely related to military issues and does not cover political, economic, cultural or any other interests and relations.

4. Extraterritoriality of the unilateral sanctions regime and blocking mechanisms and their effectiveness

According to the well-known *dictum* of the Permanent Court of international Justice (PCIJ) in the *Lotus* case, “the first and foremost restriction imposed by international law upon a State is that – failing the existence of a permissive rule to the contrary – it may not exercise its power in any form in the territory of another State”⁶¹. Thus, any action, even indirectly coercive, should be considered prohibited if it is the exercise of the prerogative of state power in a foreign territory [Miron 2022:73].

State sovereignty is protected by the principle of non-interference, which is important for maintaining the stability of the world order. The territoriality of state sovereignty implies, among other things, the exclusivity of the state's competence over its territory.

In the Peace of Westphalia, sovereignty meant a recognition by each party of other states' authorities as full and legitimate governments within their ter-

2022. URL: <https://www.government.nl/latest/news/2022/04/19/russian-response-to-expulsion-of-intelligence-officers-by-the-netherlands> (accessed 16.10.2023); 45 Russian 'diplomats' to be expelled. Government of Poland. 2022. URL: <https://www.gov.pl/web/special-services/45-russian-diplomats-to-be-expelled> (accessed 16.10.2023); 10 Russian officials declared persona non grata. Government of Portugal. 2022. URL: <https://portaldiplomatico.mne.gov.pt/en/communication-and-media/press-releases/10-russian-officials-declared-persona-non-grata> (accessed 16.10.2023); Declararea ca personae non gratae a 10 reprezentanți ai Ambasadei Federației Ruse în România. MFA Romania. 2022. URL: <https://www.mae.ro/node/58335> (accessed 16.10.2023); Slovenia announced the expulsion of 33 Russian diplomats. RIA Novosti. 2022. URL: <https://ria.ru/20220405/vysylka-1781955575.html> (accessed 16.10.2023); Russia – Statement by the Ministry for Europe and Foreign Affairs spokesperson (04 Apr. 2022). MFA France. 2022. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/russia/news/article/russia-statement-by-the-ministry-for-europe-and-foreign-affairs-spokesperson-04> (accessed 16.10.2023); Sweden joins European nations in expelling Russian diplomats. Reuters. 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/sweden-expel-three-russian-diplomats-foreign-minister-says-2022-04-05/> (accessed 16.10.2023); Estonia expels 14 consular staff of Russia and closes Russia's consulate general in Narva and Tartu office. MFA Estonia. 2022. URL: <https://vm.ee/en/news/estonia-expels-14-consular-staff-russia-and-closes-russias-consulate-general-narva-and-tartu> (accessed 16.10.2023); Japan expels eight Russian diplomats, condemns situation in Ukraine. Reuters. 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/japan-expels-eight-russian-diplomats-condemns-situation-ukraine-2022-04-08/> (accessed 16.10.2023); Norway declares three Russian diplomats persona non grata. Government of Norway. 2022. URL: https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/diplomats_nongrata/id2907589/ (accessed 16.10.2023); Statement on the Decision to Initiate the Expulsion of Russian Diplomats in New York. US Mission to the UN. 2022. URL: <https://usun.usmission.gov/statement-on-the-decision-to-initiate-the-expulsion-of-russian-diplomats-in-new-york/> (accessed 16.10.2023).

⁵⁹ WTO: *United States – Origin Marking Requirement*. WT/DS597/R. 2022.

⁶⁰ Ibid. P. 7.280.

⁶¹ PCIJ: *The case of the S.S. Lotus (Merits)*. 1927. Series A. No. 10. P. 18.

ritory [Croxtton 1999:570]. In the *Island of Palmas* case, arbitrator M. Huber stated that sovereignty in the relations between States signifies independence. Independence, in regard to a portion of the globe, is the right to exercise therein, to the exclusion of any other state, the functions of a state⁶². Sovereignty is regarded as an assumption about authority [Hinsley 1967:242] and implies a form of legitimation [Ruggie 1983:276]. A State is not subject to the legal power of another State or any other higher authority and stands in principle on an equal footing with other States: *par in parem non habet imperium* [Schrijver 2000:65].

The Westphalian model, for the first time, established sovereignty not just over people, which had existed before, but sovereignty over a particular territory. It was recognized that in order to protect the population, control over territory was essential. This is evident in Judge Alvarez's separate opinion in the *Corfu Channel* case wherein sovereignty is understood as the whole body of rights and attributes which a State possesses in its territory, to the exclusion of all other States, and also in its relations with other States⁶³.

The basis of the extraterritorial application of domestic law is the doctrine of "effects". Its application is not limited to the objectively territorial principle but only applies when a state assumes jurisdiction on the ground that the conduct of a party causes "effects" in its territory (even if the entire set of conduct is located in the territory of another state). The doctrine is practiced largely by the US⁶⁴, in the area of antitrust regulation [Crawford 2019:447], and with greater qualifications, by the EU⁶⁵. It reflects that "any state may impose liabilities, even upon persons not

within its allegiance, for conduct outside its borders that has consequences within its borders which the state reprehends"⁶⁶.

Jurisdiction and its exercise are territorial⁶⁷. This approach has been inherently traditional in international law. On the other hand, strict adherence to the rule of territoriality can potentially complicate international relations, as the interdependence of economies has now become enormous. Globalization and the strengthening of foreign trade and economic relations, new logistical supply chains and the establishment of types of responsibility have led to a revision of the territorial jurisdictional approach.

The US then softened the approach a bit by adding a balanced criterion, the "jurisdictional rule of reason"⁶⁸. In addition to the requirement of intent and the view that the effects must be substantial, such a balancing test would involve consideration of the interests of other states and the entire nature of the relationship between the states involved and the United States. That is, in this case, the courts have independently determined the relevance of the foreign state's interests. It is worth noting that such approaches of the courts, which applied a diplomatic function were criticized.

This policy of the United States provoked an opposing reaction from other states through the adoption of blocking laws⁶⁹. The story of controversy began to circulate, especially after the freezing of Iranian assets and the episode with the Siberian pipeline⁷⁰ [Glandin 2018:109]. The adoption of legislation in the US imposing sanctions on Cuba⁷¹, Iran and Libya⁷² also was criticized by foreign partners, especially the UK, the EU and Canada. The Inter-American Juridical Committee of the Organization

⁶² Permanent Court of Arbitration. *Island of Palmas case* (Netherlands v. USA). Award of 4 April 1928. UN Reports of International Arbitral Awards. Vol. II. P. 838.

⁶³ ICJ: *Corfu Channel* (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v Albania). Separate Opinion of Judge Alvarez. 1949. P. 43.

⁶⁴ E.g., Restatement (Third) of Foreign Relations Law of the United States. 1987. § 402(1)(c).

⁶⁵ E.g., CJEU. *Intel v Commission*. T-286/09. 2014. P. 547.

⁶⁶ *United States v. Aluminum Co. of America*. 148 F.2d 416 (2^d Cir. 1945). P. 443.

⁶⁷ *Supra* note 61. P. 18–19.

⁶⁸ *Timberlane Lumber Co. v. Bank of America*. 574 F. Supp. 1453 (N.D. Cal. 1983); *Mannington Mills, Inc., Appellant, v. Congoleum Corporation*. Appellee. 595 F.2d 1287 (3d Cir. 1979).

⁶⁹ E.g., the UK Shipping Contracts and Commercial Documents Act 1964, the UK Protection of Trading Interests Act 1980, the Canadian Foreign Extraterritorial Measures Act 1985, also Regulation (EC) 2271/96, amended by Regulation (EU) 2018/1100, and Regulation (EU) 2018/1101.

⁷⁰ Construction of the Soviet Urengoy-Uzhgorod trans-Siberian trunk pipeline in 1982 and amendments to the U.S. Export Control Regulations (Library of Congress. 47 Fed. Reg. 27250 (1982).

⁷¹ E.g., the US Cuban Democracy Act of 1992, the US Helms-Burton Act of 1996.

⁷² E.g., US D'Amato-Kennedy Act of 1996.

of American States noted that “the exercise of such jurisdiction <...> does not conform with the norms established by international law...”⁷³. The European Community has sought to resolve jurisdictional conflicts with the US over European subsidiaries of US companies in the Agreement on the Application of Competition Laws, but the European Court of Justice (ECJ) held that the Commission had acted *ultra vires* in concluding such an agreement⁷⁴. It is noted that it was of uncertain value since the problems were not solved [Shaw 2021:598].

The US explains the extraterritoriality of unilateral sanctions and compatibility with international law through the Helms-Burton Act which indicates that “international law recognizes that a nation has the ability to provide for rules of law with respect to conduct outside its territory that has or is intended to have substantial effect within its territory”⁷⁵. The idea is that investments made by third-country nationals in property confiscated by the Cuban government from US citizens would jeopardize any US attempt to return it to the original owners⁷⁶. Therefore, it will harm the interests of US citizens and, since they are located on US territory, will therefore have an impact on US territory [Kerbrat 2021:177]. The question remains as to whether this is accepted by international law.

As J. Crawford stated, the present UK approach is that “a state has enforcement jurisdiction abroad only to the extent necessary to enforce its legislative jurisdiction” [Crawford 2019:463-464], because such an approach rests on the existing principles of jurisdiction and is close to the principle of substantial connection.

Extraterritorial enforcement of legal acts through unilateral sanctions occupies a grey area in public international law⁷⁷. The issue has also been addressed in a UN special report noting the US tendency to over-extend jurisdictional principles through changes to sanctions laws⁷⁸.

This approach of the United States from the position of many states expresses the concern of some states⁷⁹, which also consider it a violation of international law, in particular, because unilateral sanctions are illegal, their extraterritorial application is an infringement of the sovereignty of other states (violation of the principles of jurisdiction and non-interference in the internal affairs of states), and of conflicts with the obligations of sanctioning States under international trade law and international treaties⁸⁰.

In the sanctions context, extraterritoriality refers to claims by a state to enforce purely domestic restrictive acts outside its territory, as well as situations where that state makes foreign participants in proceedings with a sanctions element liable in its territory [Kritskiy 2021:101]. A current example of this is the sanctions imposed by some states – the Arab League boycott of Israel, which allows for the black-listing of companies from third countries that do business with Israel [Ruys 2020:14]. However, only the US is now actively enforcing its extraterritorial requirements.

Some states take advantage of their position in the world economy to attempt to extend their national acts to unlimited territorial limits (in particular through unilateral as well as secondary sanctions). The use of this state's financial system serves as one of the grounds. This also illustrates a form of political pressure within the domestic legal order on the implementation and adoption of foreign policy decisions.

It is important to note that it is necessary to determine how serious coercion, through the use of unilateral sanctions, is necessary for this to constitute a violation of the principle of non-intervention. International legal doctrine still leaves this question open. However, as the ICJ noted in the *Nicaragua case*⁸¹, intervention becomes unlawful when it uses coercive methods in relation to political, economic,

⁷³ Organization of American States. CJI/SO/II/doc.67/96 rev.5. 1996. P. 9.

⁷⁴ CJEU: French Republic v. Commission of the European Communities. C-327/91. 1994. ECR I-3641.

⁷⁵ US Helms-Burton Act. 1996. 22 US Code § 6081. S. 9.

⁷⁶ Ibid. S. 7.

⁷⁷ Lohmann S. *Extraterritorial U.S. sanctions: Only domestic courts could effectively curb the enforcement of U.S. law abroad*. SWP Comments 5/2019. SWP. German Institute for International and Security Affairs. P. 6.

⁷⁸ UN GA: Secondary sanctions, civil and criminal penalties for circumvention of sanctions regimes and overcompliance with sanctions. A/HRC/51/33. 2022. P. 39.

⁷⁹ Especially Russia, Belarus, Cuba and Syria.

⁸⁰ Supra note 78. P. 13.

⁸¹ Supra note 14. P. 349, 440.

social and cultural systems and in the formulation of foreign policy, which should be free.

By analogy, then, it can be assumed that if unilateral sanctions affect the conduct of the target state's foreign policy, this could constitute a violation of this principle. For example, in March 2023, against the background of dramatic changes in the world, Russia approved a new Foreign Policy Concept⁸², which classifies unilateral sanctions as unfriendly actions against which symmetric and asymmetric measures can be taken. In addition, priority is given to monitoring such actions to protect Russian citizens and organizations⁸³.

However, this issue needs to be worked out in more detail, which remains beyond the scope of this article. For the time being, we believe it is necessary to adopt a stricter approach to this issue.

Thus, the use of extraterritorial unilateral sanctions contradicts one of the fundamental principles of international law – non-interference in internal affairs.

Unilateral sanctions have become a tool of foreign policy for some states. Their extraterritorial reach poses a challenge to the goal of developing and maintaining a rules-based international legal order. UN rejects unilateral coercive measures with all their extraterritorial effects as tools for political or economic pressure against any country⁸⁴. The EU is opposed to “the extraterritorial application of third country's legislation imposing restrictive measures which purport to regulate the activities of natural and legal persons under the jurisdiction of the Member States of the European Union”⁸⁵.

One of the responses to such actions by some states is domestic blocking acts. A blocking statute or regulation is a regulatory act of a state that seeks to neutralise the perceived wrongful scope of a foreign law that extends the state's enforcement jurisdic-

tion beyond any recognised title of jurisdiction under international law. Such an act compels domestic companies, individuals or officials to disregard the law and any foreign enforcement action based on it [Ventura 2021:221].

The EU Blocking Statute⁸⁶ was developed as a countermeasure to extraterritorial sanctions by the US and other countries to avoid damage to European companies [Abdullin, Keshner 2021:80]. The main purpose of the statute is to protect EU companies engaged in international trade under EU law but in violation of the sanction regime imposed by third countries. The political objective is to demonstrate condemnation of the sanctions' regime, which the EU considered unreasonable and derogatory [Potemkina 2018:2]. The EU Blocking Statute allows European companies to make up for losses from extraterritorial measures.

There are potential problems regarding the application of the statute in practice. In the context of the Blocking Statute, European companies may find themselves in a situation of direct conflict between EU and US law.

In 2021, it was deemed ineffective⁸⁷, as a “paper tiger” [Ruys 2020:115], and the recent judicial decision⁸⁸ will serve as a new impetus for change. There are also similar examples in other states⁸⁹.

(1) Such blocking laws are ineffective (in relation to US extraterritorial sanctions) because they leave more discretion to law enforcement agencies, which can be detrimental to domestic companies. However, such acts may be relevant to mitigate some of the negative effects of unilateral sanctions [Ventura 2021:225].

This argument is based on the fact that when such a law is applied, the main role will be played by the recipient itself: it will choose which of the two legal orders is most economically beneficial for it in in-

⁸² The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. 2023. Para 26. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed 16.10.2023).

⁸³ Ibid. Para 15.

⁸⁴ UN GA. A/RES/51/103. 1996.

⁸⁵ EU Council: Guidelines on Implementation and Evaluation of Restrictive Measures (Sanctions) in the Framework of the EU Common Foreign and Security Policy. 5664/18. 2018. P. 52.

⁸⁶ EC Regulation 2271/96, amended by EU Regulation 2018/1100, and 2018/1101.

⁸⁷ European Parliament: Amendment to the Blocking Statute Regulation. 2022. URL: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-a-stronger-europe-in-the-world/file-blocking-statute-regulation> (accessed 04.02.2023).

⁸⁸ CJEU: Bank Melli Iran v Telekom Deutschland GmbH. Case No. C-124/20. 2021.

⁸⁹ E.g., Foreign Extraterritorial Measures Act (RSC, 1985, c. F-29); Russian Federal Law No. 127-FZ “On Measures (Counter-measures) against Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States” 4 June 2018; Ley de protección al comercio y la inversión de normas extranjeras que contravengan el derecho internacional (Ley Antídoto) [Mexican blocking statute of 1996], etc.

ternational economic relations (it will lose more by complying with the blocking law or by complying with the foreign sanctions regime). In this case, only substantial punishment can induce the choice of a single-party [Ruys 2020:99].

This was reflected in the ICJ, where lawyers for Iran demonstrated that updating the EU Blocking Regulation after the renewal of US extraterritorial sanctions against Iran did not prevent European operators from applying such foreign sanctions⁹⁰. The Court found in the interim measures order that the application of US sanctions by foreign operators could cause irreparable harm to the rights invoked by Iran, and justified the indication of interim measures to ensure unrestricted exports to Iran of various goods and services⁹¹.

It turns out that state bodies will punish companies of their state, thereby slowing down economic and business activity. However, this does not have any effect on the reason for such a blocking action.

(2) Another remark is the effect of secondary US sanctions, as a result of ignoring and actual inaction of the blocking mechanism.

Existing blocking statutes prohibit national courts and tribunals from recognizing or granting exequatur to these secondary sanctions. Such a principled prohibition does not deter US courts or law enforcement agencies from applying such secondary sanctions⁹². Also, judicial recognition and exequatur are of no use in cases where the operator voluntarily fulfils its obligations through settlement, given the operational risk it is exposed to in the US market.

It is highly unlikely that US courts or authorities could refrain from issuing secondary sanctions against a foreign operator based on a blocking law [Ventura 2021:233].

(3) The improbability of compensation for damages.

The most important source of losses that local companies may suffer as a result of secondary sanctions, in this case, may be US law enforcement agencies since the provisions of the blocking statutes are written in general terms, and therefore it is possible to apply *prima facie* against them in this case.

It is noted that an action for damages against any such authority would be tantamount to holding the United States responsible for acts committed in the exercise of public authority (*acta jure imperii*) [Ventura 2021:237]. However, this is unlikely to be successful. In this light, again, the compensation mechanism will be applied against individuals when their conduct is detrimental to the injured person through the application of foreign law. And as noted above, this is considered the result of free economic choice, and not the result of the application of foreign law. Thus, national blocking acts are not yet an effective remedy for domestic companies facing foreign extraterritorial sanctions regimes [Ventura 2021:237-238; Ruys 2020:99].

It is noted that the main problem with the effectiveness of blocking statutes lies in their application by national courts. In particular, under the Blocking Statute of the EU, a judge can put forward many grounds for ignoring its applicability. In this context, it is not surprising that operators may willingly comply with foreign sanctions regimes and, depending on the circumstances, make a deal with US law enforcement.

Perhaps the most effective feature of blocking statutes, and the reason for their success, lies in their legal value in terms of public international law. They represent a critical element of state practice. They express a position against the usual rule that allows the extraterritorial application of foreign sanctions regimes.

From this point of view, blocking statutes carry considerable weight in ongoing or forthcoming international litigation, in a hypothetical appeal to the advisory opinion of the ICJ.

Moreover, the blocking of extraterritorial unilateral sanctions may be regarded as the object of a "reciprocal countermeasure". In this regard, the blocking must be temporary, justified and lawful, and conditioned on the fulfilment of the purpose of its imposition, such as inducing compliance with the obligation and cessation of the internationally wrongful act with reparation to the injured State.

Thus, the limitation of extraterritorial legislation may be as a countermeasure in the case of the legality

⁹⁰ ICJ: Alleged violations of the 1955 Treaty of Amity, Economic Relations, and Consular Rights (Islamic Republic of Iran v United States of America). CR 2018/16. Verbatim record. 27 August 2018. P. 71.

⁹¹ ICJ: Alleged Violations of the 1955 Treaty of Amity, Economic Relations, and Consular Rights (Islamic Republic of Iran v. United States of America). Provisional Measures. Order. 3 October 2018. I.C.J. Reports 2018. P. 623. P. 88-90, 98.

⁹² Société Nationale Industrielle Aérospatiale v United States. 482 US 522 (1987). Restatement § 437, Reporter's Note 5, 41-2.

of its application [Keshner 2021:168-169]. However, the subject composition of the application of such a countermeasure remains controversial, since such a blocking act is directed not at the target state, but at its citizens and organizations.

5. Conclusion

Summarizing the above analysis, it can be concluded that the unilateral sanctions imposed by some States today do not have any standard or form. Such measures are not legal under UN SC sanctions. Unilateral sanctions serve as an effective foreign policy tool used as a political signal or to put pressure on another state to change its behavior [Boklan, Murashko 2022:144]. It is more an instrument of coercion, particularly inherent in the “rule-based order” approach.

Unilateral sanctions present a complex and multifaceted issue within the realm of international law. Unilateral extraterritorial sanctions pose challenges to non-intervention. By extending the jurisdiction of imposing states beyond their borders, these measures can be seen as interference in their internal affairs.

From the perspective of international law, the question remains intractable: how to determine whether the impact of economic pressure exerted by, for example, the US, is serious enough to turn it into the necessary level of coercion to violate the principle of non-intervention, or whether it remains within the normal areas of competition between sovereign actors who use economic pressure to influence the policy choices of others [Schmidt 2022:80]?

Unilateral economic sanctions cannot be considered as countermeasures, retaliation and reprisals, economic sanctions or UN SC sanctions. Such actions by States are purely politicized and have no basis or standards. Furthermore, to avoid abusive use of the WTO security exceptions as ground of justification of the unilateral sanctions, its context should be understood as encompassing only military and closely related to military issues and does

not cover political, economic, cultural or any other interests and relations. Russia's Permanent Mission to the WTO has pointed out that “aggressive and politically motivated restrictions” threaten the entire world trade system with a significant impact on supply chains, which are already struggling to recover from the pandemic⁹³. A broad interpretation of the national security exception by WTO DSB will lead to the opening of a “Pandora's box” and the abuse of this tool for protectionist purposes under the guise of national security [Boklan, Murashko 2022:156].

The extraterritorial application of unilateral sanctions indicates that the basic principle of non-intervention is being violated.

The adoption of blocking laws has several advantages. First, it reflects the clear position that the state does not accept the extraterritorial effect of any foreign acts, and it will block unilateral sanctions imposed either on it or on countries that have close partnerships with it. As the EU itself acknowledges, the adoption of its Blocking Regulation “sends an important political message” and was construed as a “bargaining chip” for seeking exemptions from US secondary sanctions for the benefit of EU companies⁹⁴. Secondly, it helps companies reduce legal risks. For example, they can argue force majeure against their business partners by citing their blocking laws. Third, it may discourage foreign companies from complying with unilateral sanctions imposed by other countries. However, such blocking laws may present companies with a dilemma of whether to comply with unilateral sanctions or national blocking laws. Moreover, blocking the extraterritorial reach of unilateral sanctions can be considered a legal countermeasure under international law, but does not directly affect the target state.

Presented analysis shows that unilateral sanctions being new phenomena require clear qualification under international law as unlawful measures inconsistent with international law. Such qualification is required to provide effectiveness and prevent abusive use of international law.

⁹³ Communication from the Russian Federation. WT/GC/245. Doc 22-2317. 2022.

⁹⁴ Immenkamp B. *Updating the Blocking Regulation – The EU's answer to US extraterritorial sanctions*. European Parliamentary Research Service. 2018. URL: [www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/623535/EPRS_BRI\(2018\)623535_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/623535/EPRS_BRI(2018)623535_EN.pdf) (accessed 05.02.2023).

References

1. Abdullin A., Keshner M. *Primenenie ogranichitel'nyh mer v kontekste obshhej vneshnej politiki ES: konceptual'nye podhody* [Conceptualization of Restrictive Measures Policy in the Context of European Security Issues: New Approaches]. – *Journal of Contemporary Europe*. 2021. №7. P. 72-83. (In Russ.)
2. Beaucillon C. An introduction to unilateral and extraterritorial sanctions: definitions, state of practice and contemporary challenges. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. 2021. P. 6-8.
3. Boklan D., Bahri A. The First WTO's Ruling on National Security Exception: Balancing Interests or Opening Pandora's Box? – *World Trade Review*. 2020. № 19. P. 123-136.
4. Boklan D., Murashko E. Sankcii v otnoshenii uslug i nacional'naja bezopasnost': opravdanie ili zloupotreblenie? [Sanctions on trade in services and national security: justification or abuse?]. – *International Justice*. 2022. № 3. P. 139-156. (In Russ.)
5. Boklan D., Shaubert M. Rossiya – Mery, svyazannye s tranzitom gruzov: istoricheskiy doklad Treteyskoy gruppy Organa po razresheniyu sporov VTO [Russian Federation – Measures concerning traffic in transit case: WTO Dispute Settlement Body Panel's historic report]. – *International Justice*. 2019. № 2. P. 20–30. (In Russ.)
6. Boklan D.S., Absaliyev V.V., Kurnosov Yu.S. Are Restrictive Measures and Countermeasures Justifiable by WTO Security Exceptions: Objective or Subjective Approach? – *Moscow Journal of International Law*. 2018. № 3. P. 18-29.
7. Choukroune L., Nedumpara J. *International Economic Law: Text, Cases and Materials*. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 846 p.
8. Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 2019. 872 p.
9. Crawford J. *State Responsibility: The General Part*. Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 906 p.
10. Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. – *The International History Review*. 1999. Vol. 21. No. 3. P. 570.
11. Dasgupta U. Unilateral Sanctions in International Law edited by Surya P Subedi. – *Asian Journal of International Law*. 2022. № 12(2). P. 411-412.
12. Glandin S. Jeksterritorial'nost' amerikanskikh sankcij v dejstvii [Extraterritoriality of US sanctions in action]. – *International Justice*. 2018. № 2. P. 105-122. (In Russ.)
13. Hinsley F.H. The Concept of Sovereignty and the Relations Between States. – *Journal of International Affairs*. 1967. Vol. 21. No. 2. P. 242.
14. Ivanova E.M. Problema sankcij v mezhdunarodnom prave: terminologicheskij aspekt [The Problem of Sanctions in International Law: Aspect of Terminology]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. № 2. P. 181-187. (In Russ.)
15. Kerbrat Y. Unilateral/extraterritorial sanctions as a challenge to the theory of jurisdiction. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. 2021. P. 165-185.
16. Keshner M. Legitimnost' sankcij v otnoshenii Rossijskoj Federacii: mezhdunarodno-pravovoj analiz [The Sanctions against the Russian Federation: International Legal Analysis of Legitimacy]. – *Journal of Russian Law*. 2015. № 7. P. 141-152. (In Russ.)
17. Keshner M. Voprosy legitimnosti ogranicheniya kontrmerami jeksterritorial'noj jurisdikcii gosudarstva [Issues of the Legitimacy of Restriction by Countermeasures of Extraterritorial Jurisdiction of the State]. – *Journal of Russian Law*. 2021. №3. P.152-171. (In Russ.)
18. Kritskiy K.V. *Sankcii i odносторонnie ogranichitel'nye mery v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law]. PhD thesis. Kazan. 2021. 226 p. (In Russ.)
19. Kritskiy K.V. Terminy «mezhdunarodnye sankcii» i «odносторонnie ogranichitel'nye mery» [International Sanctions and Unilateral Restrictive Measures: Problems of Definition]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. №2. P.204-213. (In Russ.)
20. Kurdyukov G.I., Keshner M.V. Sootnoshenie otvetstvennosti i sankcij v mezhdunarodnom prave: doktrinal'nye podhody [Correlation of Responsibility and Sanctions in International Law: Doctrinal Approaches]. – *Journal of Russian Law*. 2014. № 9. P. 103-115. (In Russ.)
21. Lindsay P. The Ambiguity of GATT Article XXI: Subtle Success or Rampant Failure? – *Duke Law Journal*. 2003. Vol. 52. No. 6. P. 1277-1313, 1282.
22. Maleev Yu.N., Rachkov I.V., Yaryshev S.N. Sankcii v mezhdunarodnom prave: tochka ne postavlena [International Sanctions and Unilateral Restrictive Measures: Problems of Definition]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. № 2. P. 81-95. (In Russ.)
23. Miron A. Countermeasures and Sanctions. Courses of the Summer School on Public International Law. Vol. X. Moscow: The International and Comparative Law Research Center. 2022. 80 p.
24. Potemkina O. *Blokirujushhij statut kak instrument suverennej torgovoj politiki ES* [Blocking statute as an instrument of EU sovereign trade policy]. Institute of Europe. Russian Academy of Sciences. Policy Brief. No. 50. 2018 (No. 146). 7 p. (In Russ.). URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an146.pdf/> (accessed 05.06.2023).
25. Racnkov I. Jekonomicheskie sankcii s tochki zrenija prava GATT/VTO [Economic sanctions from the perspective of GATT/WTO law]. – *International Justice*. 2014. № 3. P. 91-113. (In Russ.)
26. Ruggie J. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis. – *World Politics*. 1983. No. 35(2). P. 276.
27. Ruys T., Ryngaert C. Secondary Sanctions: A Weapon out of Control? The International Legality of, and European Responses to, US Secondary Sanctions. – *British Yearbook of International Law*. 2020. P. 1-116.
28. Schmidt J. The Legality of Unilateral Extra-territorial Sanctions under International Law. – *Journal of Conflict and Security Law*. 2022. Vol. 27. Iss. 1. P. 53–81.
29. Schrijver N. The changing nature of state sovereignty. – *British Yearbook of International Law*. 2000. No. 70. P. 65.
30. Shaw M. *International Law*. 9th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 1308 p.
31. Smeets M. Economic sanctions and the WTO. – *Research Handbook on Economic Sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. 2021. P. 280-296.
32. Starshinova O.S. *Primenenie otvetnyh mer v sisteme razreshenija sporov Vsemirnoj torgovoj organizacii* [Retaliation in the dispute settlement system of the World

- Trade Organisation]. PhD thesis. Moscow. 2019. 209 p. (in Russ.)
33. Ventura D. Contemporary blocking statutes and regulations in the face of unilateral and extraterritorial sanc-

tions – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. 2021. P. 221-238.

Информация об авторах

Дарья Сергеевна БОКЛАН,

доктор юридических наук, профессор, заместитель руководителя департамента международного права, заведующий научно-учебной лабораторией исследований в области защиты государственных интересов в условиях экономических санкций, заместитель главного редактора «Журнал ВШЭ по международному праву», факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

Владислав Вячеславович КОВАЛЬ,

студент 2 курса единого трека «магистратура-аспирантура», факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

koval_vladislav@bk.ru
ORCID: 0009-0004-7847-7498

About the Authors

Daria S. BOKLAN,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Deputy Head of the School of International Law, Head of the Laboratory for the Study of Public Interest Protection under Economic Sanctions, Deputy editor-in-chief of the HSE University Journal of International Law, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"

20, Myasnitskaya st., Moscow, Russian Federation, 101000

boklan5@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

Vladislav V. KOVAL,

Student of the 2nd year of the combined Master's-PhD track, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"

20, Myasnitskaya st., Moscow, Russian Federation, 101000

koval_vladislav@bk.ru
ORCID: 0009-0004-7847-7498

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-24-43>

Исследовательская статья

УДК: 341.3

Поступила в редакцию: 12.07.2023

Принята к публикации: 18.10.2023

Владимир Николаевич КОВАЛЬ

Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

v.n.koval@sevsu.ru

ORCID: 0000-0003-1255-920

Станислав Александрович ВАСИЛЬЕВ

Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

mnogoslov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2752-240X

Евгений Валентинович ГОДОВАНИК

Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

evgodovanik@mail.sevsu.ru

ORCID: 0000-0003-2738-2953

Александр Валентинович ПОЛИЩУК

Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

avpolischcuk@mail.ru

ORCID: 0009-0008-0186-8000

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

ВВЕДЕНИЕ. В современном международном и внутригосударственном морском праве все более ощутимой становится региональная фрагментация правового регулирования, что, в свою очередь, объективирует и актуализирует формирование комплексных массивов юридических норм, объединенных согласованностью политико-правовых позиций договаривающихся государств, имеющих национальные интересы в соответствующей акватории, прежде всего, прибрежных государств, распространяющих свой государственный суверенитет на

определенные участки морских пространств. В этом контексте регион Большого Средиземноморья следует рассматривать как один из важнейших в мировом торговом мореплавании и военно-морском обеспечении международного мира и безопасности. Данный бассейн с точки зрения логистики оптимальным образом связывает Атлантический и Индийский океаны, что требует формирования надлежащей научно-методологической основы для полноценной реализации основополагающего принципа международного сотрудничества в морской политике

государств региона и последующего нормативного правового регулирования соответствующих общественных отношений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для обоснования целесообразности выделения Большого Средиземноморья в качестве самостоятельного объекта правового регулирования были рассмотрены общие и специальные международно-правовые договоры, внутреннее законодательство средиземноморских государств, а также документы политико-правового характера, свидетельствующие о наличии определенных споров и ситуаций вокруг некоторых зон средиземноморской акватории, прежде всего, в районе Восточного Средиземноморья. Для получения достоверных и обоснованных результатов исследования применялись методы научного познания: формально-юридический, логический, историко-правовой, метод системно-структурного анализа. Так, формально-юридический метод позволил прояснить содержание и смысл международно-правовых договоров, заключенных в разное время и направленных на урегулирование общественных отношений в морской сфере. Логический метод дал возможность обосновать необходимость всестороннего международного сотрудничества прибрежных государств Большого Средиземноморья. При помощи историко-правового метода был сделан обзор мировой, советской и российской практики применения норм внутреннего и международного права по проблемам, связанным с обеспечением международного правопорядка в регионе Большого Средиземноморья. Логический метод позволил выстроить необходимые связи и закономерности развития международно-правового регулирования в регионе Большого Средиземноморья в общем контексте происходящих универсальных и региональных политико-правовых процессов и трансформаций. При помощи метода системно-структурного анализа удалось отобразить целостную картину правотворчества и правоприменения средиземноморских государств, направленных на фор-

мирование унифицированных принципов и норм осуществления суверенных прав прибрежных государств.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Международно-правовое регулирование отношений в регионе Большого Средиземноморья имеет значительную специфику, требующую дальнейшего развития международного сотрудничества и отображения консенсуальных положений в разрабатываемых многосторонних договорах.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Настоящая работа посвящена исследованию основных тенденций развития региона Большого Средиземноморья в части формулирования ключевых международно-правовых ориентиров и правил поведения входящих в него государств. В качестве объекта исследования взяты правоотношения, осуществляемые в морских пространствах Большого Средиземноморья как одного из ключевых регионов, одновременно со своей экономической и политической значимостью являющегося неотъемлемой зоной реализации национальных интересов Российской Федерации, распространяющихся на весь Мировой океан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: морское право, торговое мореплавание, Большое Средиземноморье, Морская доктрина, межгосударственные отношения, национальные интересы, экологическое сотрудничество, морская безопасность, военно-морские силы, международно-правовой режим морских пространств

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коваль В.Н., Васильев С.А., Годованик Е.В., Полищук А.В. 2024. Международно-правовое регулирование деятельности государств в регионе Большого Средиземноморья. – Московский журнал международного права. № 1. С. 24–43. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-24-43>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF THE SEADOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-24-43>

Research article
UDC: 341.3
Received 12 July 2023
Approved 18 October 2023

Vladimir N. KOVAL

Sevastopol State University
33, Universitetskaya st., Sevastopol, Russian Federation, 299053
v.n.koval@sevsu.ru
ORCID: 0000-0003-1255-920

Stanislav A. VASILIEV

Sevastopol State University
33, Universitetskaya st., Sevastopol, Russian Federation, 299053
mnogoslov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2752-240X

Evgeniy V. GODOVANIK

Sevastopol State University
33, Universitetskaya st., Sevastopol, Russian Federation, 299053
evgodovanik@mail.sevsu.ru
ORCID: 0000-0003-2738-2953

Aleksandr V. POLISCHUK

Sevastopol State University
33, Universitetskaya st., Sevastopol, Russian Federation, 299053
avpolischuk@mail.ru
ORCID: 0009-0008-0186-8000

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF ACTIVITIES OF STATES IN THE GREAT MEDITERRANEAN REGION

INTRODUCTION. *In modern international and domestic maritime law, regional fragmentation of legal regulation is becoming more and more noticeable, which, in turn, objectifies and actualizes the formation of complex arrays of legal norms, united by the consistency of the political and legal positions of the contracting states that have national interests in the relevant water area, primarily-coastal states extending their state sovereignty to certain areas of maritime space. In this context, the Greater Mediterranean region should be considered as one of the most important in the world merchant shipping and naval support of international peace and security, as a basin that optimally connects the Atlantic and Indian Oceans from the point of view of logistics, which requires the formation of an appropriate scientific*

and methodological basis for full implementation of the fundamental principle of international cooperation in the maritime policy of the states of the region.

MATERIALS AND METHODS. *To substantiate the expediency of singling out the Greater Mediterranean as an independent object of legal regulation, general and special international legal treaties, the domestic legislation of the Mediterranean states, as well as political and legal documents indicating the existence of certain disputes and situations around certain zones of the Mediterranean water area, primarily – in the Eastern Mediterranean region. To obtain reliable and substantiated results of the study, methods of scientific knowledge were used: formal-legal, logical, historical-legal, system-structural analysis. Thus, the formal legal method made it possible to clarify the content and*

meaning of international legal treaties concluded at different times and aimed at regulating public relations in the maritime sphere. The logical method made it possible to substantiate the need for comprehensive international cooperation of the coastal states of the Greater Mediterranean. With the help of the historical and legal method, an overview was made of both the world, Soviet and Russian practice of applying the norms of domestic and international law on issues related to ensuring international law and order in the Greater Mediterranean region. The logical method made it possible to build the necessary connections and patterns of development of international legal regulation in the Greater Mediterranean region in the general context of ongoing universal and regional political and legal processes and transformations. Using the method of system-structural analysis, it was possible to display a holistic picture of law-making and law enforcement of the Mediterranean states, aimed at the formation of unified principles and norms for the exercise of the sovereign rights of coastal states.

RESEARCH RESULTS. International maritime merchant shipping seems to be a very complex area of public relations with a large number of entities that have different legal status and, accordingly, are related to each other in a very different way.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. This work is devoted to the study of the main trends in the development of the Greater Mediterranean region in terms of formulating key international legal guidelines and rules of conduct for its constituent states. The object of the study is the legal relations carried out in the maritime spaces of the Greater Mediterranean as one of the key regions, which, along with its economic and political significance, is an integral zone for the implementation of the national interests of the Russian Federation, extending to the entire World Ocean.

KEYWORDS: maritime law, merchant shipping, Greater Mediterranean, Maritime Doctrine, interstate relations, national interests, environmental cooperation, maritime security, naval forces, international legal regime of maritime spaces

FOR CITATION: Koval V.N., Vasiliev S.A., Godovanik E.V., Polischuk A.V. International Legal Regulation of Activities of States in the Great Mediterranean Region. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 1. P. 24–43. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-24-43>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Международно-правовые подходы к определению понятия и пространственной сферы региона Большого Средиземноморья

Анализируя особенности международно-правового регулирования в регионе Большого Средиземноморья, прежде всего, следует подчеркнуть роль и значимость указанных морских пространств в эффективной комплексной реализации национальных интересов Российской Федерации, обозначенных в новой Морской доктрине, утвержденной Указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512¹ (далее – Морская доктрина).

В соответствии с п. 53 Морской доктрины, средиземноморский бассейн относится к атлантическому региональному направлению национальной морской политики Российской Фе-

дерации. С океанографической точки зрения такой подход является вполне обоснованным, поскольку Средиземное море представляет собой межматериковое море, связанное на Западе с Атлантическим океаном Гибралтарским проливом [Грацианский 1971:8].

При этом под Большим Средиземноморьем, на наш взгляд, необходимо понимать всю совокупность составляющих его акваторий (морей, проливов, заливов, каналов), а также территории прибрежных государств, имеющих политические, социально-экономические, экологические, гуманитарные и другие общественно значимые интересы в этих акваториях и обладающих суверенными правами в соответствующих зонах, предусмотренных универсальными и региональными конвенциями по международному морскому праву, а также внутренним законодательством

¹ Морская доктрина Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2022. 1 авг. № 31. Ст. 5699.

(в частности, например, именно нормами внутреннего российского законодательства определяется режим использования Азовского моря как внутреннего моря Российской Федерации).

Исходя из подобной интерпретации пределов акваториальных и прилегающих к ним территориальных пространств, составляющих Большое Средиземноморье, к данному региону следует отнести акватории таких морей, как Адриатическое, Альборан, Балеарское, Ионическое, Кипрское, Критское, Левантийское, Ливийское, Лигурийское, Тирренское и Эгейское, а также входящих в бассейн Средиземного моря Мраморного, Черного и Азовского морей. Кроме этого, неотъемлемой частью Большого Средиземноморья являются многочисленные официально признанные заливы и проливы, включая имеющий ключевое значение для установления атлантической природы Средиземного моря Гибралтарский пролив, и, на наш взгляд, Суэцкий канал как искусственно созданный бесшлюзовый судоходный канал, соединяющий Средиземное и Красное моря, что одновременно означает принципиально необходимое для мирового торгового мореплавания судоходное соединение Атлантического и Индийского океанов.

Вместе с тем к региону Большого Средиземноморья с политико-правовой точки зрения, безусловно, целесообразно относить не только сами акватории морских пространств, но и прибрежные государства, осуществляющие полный либо ограниченный международно-правовыми нормами суверенитет над определенными частями средиземноморских акваторий. К таким государствам относятся Российская Федерация (Азовское и Черное моря), Грузия, Румыния, Болгария, Абхазия, Украина (черноморские государства, рассматриваемые в контексте формирования и развития концепта Большого Средиземноморья), Испания, Франция, Монако, Италия, Мальта, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Албания, Греция, Турция, Сирия, Кипр, Ливан, Израиль и Египет, Ливия, Тунис, Алжир, Марокко, а также территории с иным статусом, такие как Турецкая Республика Северный Кипр, Гибралтар и Сектор Газа.

Столь значительное количество прибрежных государств, имеющих свои политические и экономические интересы, вполне логично детерминирует необходимость комплексного урегулирования, которое должно строиться на компромиссной основе с уважением государственного суверенитета каждой страны.

Рассматривая непосредственно бассейн Средиземного моря как пространственную сферу реализации национальных интересов России на атлантическом направлении, отметим, что согласно п. 58 Морской доктрины к долгосрочным задачам российской морской политики в этом регионе относятся: а) превращение региона в зону военно-политической стабильности и добрососедства; б) обеспечение достаточного военно-морского присутствия Российской Федерации в регионе на постоянной основе; в) развитие круизного судоходства из портов Крыма и Краснодарского края в страны Средиземноморского бассейна.

Актуальность и своевременность стратегической постановки двух первых задач связано, прежде всего, с интенсификацией конфронтационной политики Организации Североатлантического договора (НАТО), направленной, прежде всего, против жизненно важных политических и экономических интересов России. При этом следует отметить, что зачастую потенциально конфликтные ситуации провоцирует военно-политическое руководство государств, непосредственно не входящих в регион Большого Средиземноморья частью своих акваторий и прибрежных территорий, но стремящихся оказывать значительное политическое влияние. В отдельных случаях попытки такого влияния переходят в неприкрытое давление, влияющее на реализацию исключительных суверенных полномочий прибрежными государствами. Такие полномочия, безусловно, относятся к их внутренней компетенции как в соответствии с внутренним законодательством, так и международным правом, включая уровень универсальных многосторонних конвенций в морской сфере.

В качестве примера таких недружественных действий государств – членов НАТО в морских пространствах Большого Средиземноморья, включая прибрежные суверенные территории российского Причерноморья, можно привести инцидент, произошедший 23 июня 2021 г., когда британский эсминец D36 HMS Defender при переходе из г. Батуми (Грузия) в г. Одессу (Украина) по ходу своего движения неожиданно свернул в территориальные воды России, покинув их на траверзе мыса Фиолент вблизи города федерального значения Севастополя только после угрозы применения российской авиации, поднятой по тревоге с аэродрома Бельбек [Головенченко 2022:57]. Такие действия британских военно-морских сил, безусловно, являются абсолютно

недопустимыми исходя из распространения государственного суверенитета прибрежных государств на их территориальные воды, и являются достаточным основанием для применения мер по устранению потенциальной иностранной военной угрозы. При этом российская сторона проявила достаточно взвешенную, полностью основанную на международно-правовых принципах и нормах реакцию на произошедший инцидент, эффективно при помощи авиационного сопровождения вынудив британский корабль покинуть территориальные воды Российской Федерации.

В целом, необходимо подчеркнуть, что вопросы разграничения и особенностей международно-правового режима морских пространств в Большом Средиземноморье (как, впрочем, и любых других регионов, являющихся частями Мирового океана, урегулированы на универсальном конвенциональном уровне соответствующими положениями Конвенции Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по морскому праву от 10 декабря 1982 г.²

Так, все государства Большого Средиземноморья в целом следуют установленным в указанном документе пределам территориальных вод (12 морских миль), прилегающей зоны (24 морские мили) и исключительной экономической зоны (200 морских миль), имплементировав указанные нормы в свое внутреннее морское законодательство.

Наибольшую проблемную составляющую при этом имеют вопросы разграничения континентального шельфа, что связано с такими факторами, как: наличие международно-правовых споров о статусе и принадлежности некоторых островов; перманентные политические разногласия отдельных средиземноморских государств, перетекающие во взаимные территориальные претензии; экономическое и ресурсное значение

континентального шельфа, обусловленное существенным количеством и качеством запасов углеводородов на данных участках.

Актуальным примером международно-правовых разногласий о статусе и принадлежности средиземноморских территорий и акваторий является взаимное непризнание политико-правовых позиций Турции и Греции, обострившееся после подписания 27 ноября 2019 г. Меморандума о разграничении морской зоны в Восточном Средиземноморье между Турцией и Ливией³, в основу которого было положено непризнание права греческих островов на континентальный шельф.

При этом Греция имеет диаметрально противоположную позицию, настаивая на том, что Турция хочет самовольно присвоить себе значительную часть исключительной экономической зоны при отсутствии двухстороннего международного договора между этими государствами о разграничении исключительной экономической зоны. Важно отметить, что Европейский союз сразу поддержал позицию Греции, которая является членом указанного интеграционного объединения, задекларировав в официальном заявлении, что «Меморандум о взаимопонимании между Турцией и Ливией о делимитации морских юрисдикций в Средиземном море нарушает суверенные права третьих государств, не соответствует морскому праву и не может иметь никаких правовых последствий для третьих государств»⁴. Позицию Греции поддержал и посол США в Греции Д. Пайетт, по словам которого населенные острова имеют исключительные морские зоны и континентальный шельф⁵. Вместе с тем, Турция по итогам Меморандума с Ливией опубликовала новые морские карты с разграничением зон без учета морских зон греческих населенных островов⁶. Свою позицию Турция обосновывает утверждением, что острова не могут

² Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. – *Бюллетень международных договоров*. 1998. № 1.

³ Full text of Turkey – Libya maritime agreement revealed. – *Nordic Monitor*. Dec. 5, 2019. URL: <https://www.nordicmonitor.com/2019/12/the-full-text-of-turkey-libya-maritime-agreement-revealed/> (дата обращения: 12.05.2023).

⁴ В ЕС напомнили Турции, что не признают ее меморандума с Ливией о разграничении зон в Средиземноморье. URL: <http://interfax.az/view/877725> (дата обращения: 12.05.2023).

⁵ В США заявили о расхождении с Турцией по вопросу морского шельфа у греческих островов. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7337109> (дата обращения: 12.05.2023).

⁶ ЕС: Меморандум Турции и Ливии о разграничении в Средиземном море не имеет законной силы. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7338779> (дата обращения: 12.05.2023).

создавать зоны морской юрисдикции за пределами их территориальных вод. В качестве примера официальный представитель Министерства иностранных дел Турции Х. Аксой приводит греческий остров Кастелоризо, который, «как предполагается, создает зону морской юрисдикции в 4 тысячи раз больше, чем его собственная площадь»⁷.

Таким образом, с международно-правовой точки зрения основным предметом разногласий между Турцией и Грецией в Восточном Средиземноморье является вопрос о признании либо непризнании за государствами таких же прав по установлению собственных морских зон вокруг островов, как и относительно континентальных прибрежных территорий, юридическая возможность чего никем в современном мире не оспаривается и не подвергается сомнению.

В свою очередь, Греция так же достаточно активно осуществляет в последние годы морскую политику, направленную на международно-правовую легитимацию расширения собственных территориальных вод, главным инструментом которой выступают двухсторонние договоры с другими средиземноморскими государствами. Так, 6 августа 2020 г. между Грецией и Египтом было подписано Соглашение о демаркации морских зон⁸, которое, по мнению Греции, закрепило право греческих островов на свой континентальный шельф и исключительную экономическую зону.

Анализируя сложившуюся спорную ситуацию с международно-правовых позиций, необходимо отметить, что режим островов на универсальном уровне определяется ст. 121 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.⁹, в соответствии с п. 2 которой континентальный шельф острова определяется по правилам, сформулированным для сухопутных территорий прибрежных государств, однако п. 3 той же статьи устанавливает исключение из данного общего правила относительно скал, непригодных для жизни человека либо самостоятельной хозяйственной деятельности, которые не могут иметь своей исключительной экономической зоны или континентального шельфа.

В итоге, с формально-юридической точки зрения, при определении вопроса о признании за тем или иным средиземноморским островом собственной исключительной экономической зоны и континентального шельфа, необходимо исходить именно из международно-правового критерия пригодности для повседневной жизнедеятельности и/или хозяйственной деятельности той или иной территории, которая в зависимости от указанных факторов в каждом конкретном случае может считаться как островом, так и скалой (при этом размер соответствующей территории не упоминается в качестве юридически значимого признака острова).

Иными словами, оптимальным вариантом решения возникшей спорной ситуации было бы достижение, возможно при широком международном посредничестве под эгидой ООН, компромисса между Грецией и Турцией на основе справедливого и публичного комплексного обследования каждого острова с подробным описанием его характеристик с последующим закреплением достигнутых договоренностей в двухстороннем международном договоре, подлежащем ратификации парламентами обоих заинтересованных государств.

Впрочем, в ближайшей перспективе подобный сценарий, основанный на взаимном уважении суверенных прав и признании первоочередного значения универсальных международно-правовых норм в вопросах разграничения морских пространств, представляется маловероятным, принимая во внимание серьезные антагонистические расхождения официальных позиций Греции и Турции, а также систематические попытки одностороннего обозначения кардинально противоположных пределов исключительной экономической зоны и континентального шельфа в политико-правовых меморандумах с третьими странами Большого Средиземноморья, не являющимися непосредственными участниками обозначенной спорной ситуации, вместо налаживания прямого двухстороннего диалога и поиска взаимовыгодного, юридически и фактически обоснованного решения довольно непро-

⁷ Вооруженные силы Греции приведены в повышенную готовность из-за намерений Турции. URL: <https://www.aravot.ru.am/2020/07/22/332527/> (дата обращения: 13.05.2023).

⁸ Парламент Греции ратифицировал соглашение с Египтом о морских зонах. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9308771> (дата обращения: 13.05.2023).

⁹ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.

стого вопроса современной морской политики в средиземноморском регионе.

Кроме вопросов разграничения морских пространств, непосредственным объектом регионального международно-правового регулирования в Большом Средиземноморье выступает экология и защита от загрязнения, находя свое отражение в комплексной и достаточно детальной Конвенции о предотвращении загрязнения Средиземного моря (Барселонской конвенции) 1976 г., вступившей в силу 12 февраля 1978 г.¹⁰

Указанная конвенция принята в рамках Программы региональных морей Программы ООН по окружающей среде (далее – ЮНЕП ООН), созданной в 1974 г. и базирующейся на сегодняшний день на 18 конвенциях (многосторонних природоохранных соглашениях регионального масштаба), принятых по вопросам защиты от загрязнения и обеспечения устойчивого развития отдельных морских регионов, обозначаемых в силу их судоходной значимости и межгосударственного географического положения как «региональные моря»¹¹, т.е. ключевая роль Средиземного моря для целого крупного прибрежного региона конвенционально признана и надлежащим образом определена в документах ООН.

Вполне логично, что именно экология и защита бассейна Средиземного моря от загрязнения является тем объединяющим объектом международно-правового регулирования, который вызывает наименьшее количество политических дискуссий. Это связано с тем, что все без исключения прибрежные государства напрямую заинтересованы в рациональном освоении и использовании принадлежащих им морских пространств, что позволяет извлекать максимальную экономическую выгоду транспортного, промышленного и рекреационного характера. В свою очередь, эффективное использование

морских пространств положительно отражается на наполняемости государственных бюджетов и обеспечении стабильности и роста национальных экономических систем. Так, общей экологической проблемой для всех стран Большого Средиземноморья является резкое увеличение попадания в морскую воду диоксида серы и азота, на чем отдельно акцентировал внимание глава Секретариата Барселонской конвенции К. Загина 22-й официальной встрече сторон Барселонской конвенции, которая проходила в г. Анталье (Турция) в декабре 2021 г.¹²

В данном контексте можно полностью согласиться с имеющей колоссальный методологический потенциал позицией Д.К. Лабина, по мнению которого «право защиты морской среды (Marine Environment Law) сегодня занимает центральное место в науке международного морского права»¹³. Аналогично ключевую роль экологического сотрудничества в структуре международных морских отношений, рассматривая их уже через частноправовую, а не публично-правовую призму, определяет и А.Г. Архипова, иносказательно называя «тремя китами морского права» абандон, общую аварию и загрязнение моря нефтью¹⁴. Действительно, существующие колоссальные объемы грузовых перевозок морским транспортом в бассейне Средиземного моря [Fancello 2022:60-62] обуславливают и объективируют исключительную роль и значение международно-правовых механизмов экологического контроля в системе источников комплексного правового регулирования экономической деятельности в соответствующих морских пространствах.

С точки зрения обеспечения эффективного контроля за состоянием средиземноморской среды важным обстоятельством институционального характера является наделение ЮНЕП

¹⁰ Конвенция о предотвращении загрязнения Средиземного моря (Барселонская конвенция) от 2–16 февраля 1976 г. Барселона, 1976.

¹¹ Программа региональных морей ЮНЕП ООН. URL: <https://www.unep.org/ru/issleduyte-temy/okeyany-i-morya/nashadeyatelnost/programma-regionalnykh-morey> (дата обращения: 13.05.2023).

¹² В Анталье обсуждают экологическую ситуацию в Средиземноморье. URL: <https://www.aa.com.tr/ru> (дата обращения: 13.05.2023).

¹³ *Международное морское право: публичное и частное*: учебник / под ред. Д.К. Лабина и В.Н. Коваля. М.: КНОРУС, 2023. С. 25.

¹⁴ Архипова А.Г. Три кита морского права: абандон, общая авария, загрязнение моря нефтью: видеолекция. URL: <https://m-logos.ru/product/avtorskaya-lekciya-a-g-arhipovoj-tri-kita-morskogo-prava-abandon-obshhaya-avariya-zagryaznenie-morya-neftyu-2/> (дата обращения: 13.05.2023).

полномочиями по управлению выполнением плана действий, предусмотренного конвенциональным режимом Средиземноморья как регионального моря (или, перефразируя, морского региона, что, на наш взгляд, с методологической точки зрения также правильно). Подобным образом непосредственно ЮНЕП администрируются, помимо Средиземного моря, целостные экологические системы Карибского региона, Восточной Азии, Восточной Африки, Северо-Западной части Тихого океана и Западной Африки¹⁵, что, кроме прочих детерминирующих факторов, объясняется необходимостью усиленного экологического контроля именно в обозначенных акваториях Мирового океана ввиду их высокой транспортной загруженности и прохождения через них важнейших морских коридоров глобального значения (например, Суэцкий канал).

Одной из особенностей институционального механизма практической реализации Барселонской конвенции является наличие разветвленной системы региональных центров деятельности, осуществляющих специализированные мероприятия при непосредственной поддержке средиземноморских государств – сторон договора. К таким центрам на сегодняшний день относятся: Программа оценки и контроля морского загрязнения в Средиземном море (MED POL) (Греция); Региональный центр деятельности Plan Bleu (PB/RAC) (г. Марсель, Франция); Региональный центр деятельности по устойчивому потреблению и производству (SCP/RAC) (Испания); Региональный центр деятельности особо охраняемых территорий (SPA/RAC) (Тунис); Региональный центр деятельности Программы приоритетных действий (PAP/RAC) (Хорватия); Информационно-коммуникационный региональный центр деятельности (INFO/RAC) (Италия); Региональный центр реагирования на чрезвычайные ситуации загрязнения морской среды в Средиземном море (REMPEC) созданный совместно с Международной морской организацией (ИМО) (Мальта)¹⁶.

Особое место в конвенциональном механизме правового регулирования морских отношений в Большом Средиземноморье занимает

определение особенностей международно-правового режима средиземноморских проливов, к которым относятся стратегически важный для всего мирового судоходства Гибралтарский пролив, обеспечивающий выход из Средиземного моря в Атлантический океан, и транспортные коридоры, соединяющие через этот канал Атлантический и Индийский океаны, иными словами, Северное и Южное полушария нашей планеты, а также многочисленные международные и внутригосударственные проливы Греции и Италии.

При этом, как справедливо отмечается авторским коллективом Севастопольского государственного университета «основное экономическое и политико-правовое значение для международного судоходства имеет Гибралтарский пролив»¹⁷.

Необходимо отметить, что в настоящее время через эту морскую территорию имеют право проходить любые торговые суда и военные корабли без ограничений. При этом потенциальную опасность для международного судоходства представляет размещение в Гибралтаре военно-морской базы НАТО. Это не может не вызывать определенных опасений ввиду периодически имеющих место недружественных, провокационных действий этого военно-политического блока по отношению к суверенным государствам, не разделяющим однополярные взгляды США и их ближайших союзников на архитектуру международной безопасности. Особенно актуальными обозначенные опасения представляются ввиду недостаточной формализации международно-правового режима Гибралтарского пролива и отсутствия юридических гарантий соблюдения прав всех без исключения государств Большого Средиземноморья на беспрепятственный проход, что могло бы быть установлено многосторонним договором рамочного характера с участием всех прибрежных государств.

Рассматривая международно-правовые основы регулирования бассейна Большого Средиземноморья, также следует упомянуть, что именно в исследуемом регионе (Мальта) находится наиболее крупный и влиятельный в мире научно-исследовательский и учебный Институт между-

¹⁵ Программа региональных морей ЮНЕП ООН. URL: <https://www.unep.org/ru/issleduyte-temy/okeyany-i-morya/nasha-deyatelnost/programma-regionalnykh-morey> (дата обращения: 13.05.2023).

¹⁶ Почему важно сотрудничать с Программой региональных морей? URL: <https://www.unep.org/ru/issleduyte-temy/okeyany-i-morya/nasha-deyatelnost/rabota-po-regionalnym-moryam/pochemu-vazhno> (дата обращения: 13.05.2023).

¹⁷ Международное морское право: публичное и частное. С. 109.

народного морского права (IMO International Maritime Law Institute), созданный в 1988 г. по соглашению между Международной морской организацией (далее – ИМО) и правительством Мальты. Институт предоставляет кандидатам с соответствующей квалификацией, особенно из развивающихся стран, программы повышения квалификации, обучения и исследований в области международного морского права. Особое внимание уделяется международным документам, принятым ИМО, и их имплементации во внутреннее законодательство. Кроме того, институт имеет специализированную программу магистра в области международного морского права, которая открыта для профессионалов в области морского права, не имеющих юридического образования. Институт предлагает программы последиplomного образования и докторантуры, а также краткосрочные курсы и специализированные программы в сотрудничестве со всемирно известными университетами. На базе института организуются лекции и семинары, проводимые видными учеными и практиками в области морского права и соответствующих секторов морской сферы¹⁸.

Таким образом, именно средиземноморский регион является ключевым центром мировой науки международного морского права, концентрируя значительный организационный и интеллектуальный потенциал для проведения перспективных научных исследований под эгидой ИМО, способных создать необходимые предпосылки для значительного совершенствования и оптимизации существующих международно-правовых механизмов, а также поиска принципиально новых подходов к нормативному и институциональному обеспечению взаимовыгодного сотрудничества суверенных государств в пространствах Мирового океана.

2. Актуальные проблемы обеспечения безопасности судоходства в регионе Большого Средиземноморья

В контексте комплексного рассмотрения особенностей международно-правового регулирования в районе Большого Средиземноморья,

необходимо отметить, что современное морское право в значительной части ориентировано на обеспечение безопасности, поскольку угроза из открытого моря для побережья, биологических ресурсов, объектов инфраструктуры, включая платформы (установки) и прочее, гораздо более вероятна, чем в сухопутной части территории государства. Свидетельством этому могут служить многочисленные атаки на г. Севастополь в период проведения специальной военной операции на территории Украины [Марченко 2023:9-38]. Подобные агрессивные действия проходили в основном с воздуха и несколько раз по морю, однако летательные аппараты в абсолютном большинстве случаев заходили со стороны акватории¹⁹.

Средиземное море является эпицентром столкновения большого числа интересов самых разных государств [Косов, Нечаев, Татарков 2021:123-139; Ильин, Нечаев 2022:8-23], в том числе географически далеких от данной местности [Баранов 2017:75].

Указанная территория является одной из самых загруженных с логистической точки зрения [Fancello 2022:60-62], а возможности влияния на правовые режимы судоходства являются предметом большого числа конфликтов, не разрешенных до сих пор политическими методами [Москаленко, Ирхин, Кабанова 2022:258-277]. Например, уже упоминавшиеся военные столкновения в Северном Причерноморье являются основой для международной правоприменительной практики, связанной со сбытом сельскохозяйственной продукции, произведенной в данной местности [Luchian 2022:796-810; Лисьих, Романов, Щербатов 2022:168-170]. Для решения противоречий в указанной сфере пришлось задействовать институции ООН, в результате чего начал работу Совместный координационный центр с участием представителей России, Украины и Турции при подключении ООН, который нацелен на обеспечение безопасности морского транспорта в процессе осуществления торговой деятельности [Айвазян 2022:100].

Важным направлением обеспечения безопасности в регионе Большого Средиземноморья является международное сотрудничество

¹⁸ IMO International Maritime Law Institute. URL: <https://imli.org/about-us/> (дата обращения: 13.05.2023).

¹⁹ Петрова А. «Беспилотный террор» Севастополя: эксперт оценил угрозы. – *Лента новостей Крыма*. URL: <https://crimea-news.com/society/2022/10/30/984626.html>. (дата обращения: 25 марта 2023 г.).

России с иными странами, которые географически далеки от соответствующей территории. Например, интенсификация сотрудничества с Китаем, имеющим разного рода двусторонние соглашения с Марокко, Египтом, Тунисом и пр. [Поляков, Шпортко 2022:284], может опосредованным образом влиять на обеспечение стабильности на мировой арене. Так, китайские резиденты ведут торговлю в регионе, снабжают логистическую инфраструктуру большинства стран необходимым оборудованием и комплектующими, инвестируют в коммерческие проекты, разворачивающиеся в регионе, а значит, и вся страна имеет свой интерес. В связи с этим усиливается роль Шанхайской организации сотрудничества, Организации договора о коллективной безопасности и других акторов, деятельность которых прямо не направлена на рассматриваемый район международного взаимодействия.

Российские ученые отмечают, что в условиях усиливающихся позиций Турции, с акцентом на глобальное противостояние США и Китая, возможно формирование центра обеспечения безопасности именно в данном макрорегионе в качестве подсистемы глобальных мер по сохранению состояния защищенности [Агазаде, Павлова, Николова 2021:121]. В этом контексте актуализируется политическая позиция России, демонстрирующей всему миру в настоящее время свою самостоятельность и готовность безапелляционно исполнять положения международного права. Задачей действительно суверенного государства, заинтересованного в его незыблемости и обеспечении защищенности своего народа, является выстраивание нацеленной на это политики, отраженной в нормативном правовом регулировании и документах стратегического характера.

Пунктом 15 Морской доктрины, акватории Азовского, Черного и восточная часть Средиземного моря отнесены к важным районам (зонам) обеспечения национальных интересов страны, в том числе с позиции создания необходимых условий безопасности. Аналогичным образом указанный документ позиционирует проливы и логистические маршруты вдоль африканского побережья, что делает практически весь регион Большого Средиземноморья зоной особого внимания России.

В п. 56 данного документа указано, что приоритетными направлениями морской политики в атлантическом направлении являются, помимо прочего, развитие отношений с государствами Ближнего Востока и Северной Африки с целью обеспечения военно-политической стабильности; обеспечение постоянного военно-морского присутствия Российской Федерации в Средиземном море, в том числе за счет развития инфраструктуры Военно-Морского Флота на территории Сирии и других государств (например, на основании ст. 2 Соглашения между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г.²⁰; развитие военно-технического сотрудничества с государствами Средиземноморского бассейна; проведение морских научных исследований в интересах сохранения и закрепления позиций Российской Федерации в регионе.

На основании указанных положений в вопросах обеспечения безопасности Россия исходит из собственных ресурсов и возможностей, даже при взаимодействии с другими государствами. Свое присутствие страна видит далеко за собственными пределами, однако все это направлено на недопущение разворачивания потенциального театра войны или иного деструктивного воздействия вблизи границ с соответствующими негативными последствиями для жизни и здоровья людей, обеспечения сохранности материального имущества и пр. На этом фоне не исключается иное международное сотрудничество прямо или косвенно направленное на обеспечение отечественной безопасности и нивелирование разного рода конфликтов в регионе.

Реализуемая практика демонстрирует свою эффективность, а ее игнорирование – потенциал для возникновения разного рода угроз. Так, европейские ученые отмечали недостаточность мер государственного и международного реагирования в центральной части Средиземного моря в период миграционного кризиса 2010-х гг. [Kirillova, Suslikov, Tsokur 2016:3561-3571]. В результате решать проблемы приходилось уже на территории стран Европейского союза [Gruszczak 2017:24], с чем далеко не всегда

²⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г. (ред. от 18 января 2017 г.). – *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. 17 окт. № 42. Ст. 5889.

удавалось справляться. В связи с этим превентивные меры видятся весьма продуктивными, а использование силовых или аналогичных им действий за пределами своего государства – проверенные эффективные методы, применяемые США на протяжении многих десятилетий [Фархутдинов 2020:417].

На основании ст. 122 Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS) от 10 декабря 1982 г.²¹ практически весь регион Большого Средиземноморья является полузамкнутым морем [Nordquist, Nandan, Rosenne 1995:346; Бекашев 2017:512]. Данное обстоятельство обуславливает особое отношение к вопросам обеспечения безопасности в различных сферах, включая экологическую [Боклан 2014:80-86].

Море является средой, привлекающей самых разных экономически активных субъектов и других акторов, осуществляющих свои функции на соответствующей территории. Однако согласно ст. 225 данного международного акта любая деятельность не должна мешать судоходству, а государства-участники гарантируют безопасность его осуществления.

Весьма важной для обеспечения безопасности региона Большого Средиземноморья является Конвенция о режиме проливов от 20 июля 1936 г.²² (далее – Конвенция Монтре). Суть данного документа заключается в том, что прибрежные страны Азово-Черноморского бассейна имеют определенный приоритет над остальными государствами в части свободного прохода через проливы в районе Стамбула, контролируемые Турцией. В результате обеспечивается внутренняя безопасность государств от вхождения в прибрежные воды иностранных, особенно военных, судов. На основании ст. 3 данного документа при прохождении Босфора и Дарданеллы

турецкие власти обязаны обеспечить санитарную безопасность путем проведения соответствующего осмотра всех свободно проходящих судов. Участвуя в данном соглашении, Россия, наряду с другими странами, опосредованным образом обеспечивает собственную безопасность, в указанном ключе, не осуществляя существенных затрат и издержек.

Имеют место другие механизмы, при помощи которых оказывается влияние на состояние защищенности в Средиземном море, нивелируя тем самым угрозы в отношении Российской Федерации. На основании Плана действий совета Россия-НАТО по борьбе с терроризмом от 9 декабря 2004 г.²³, также с минимальными затратами осуществляется организационное участие в противодействии перевозке оружия массового уничтожения и иных опасных грузов под видом продовольствия [Колодкин, Гуцуляк, Боброва 2007:637].

На противодействие терроризму в регионе Большого Средиземноморья направлены и двусторонние договоренности России. Например, на основании Совместной декларации о дальнейшем углублении отношений дружбы и сотрудничества между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой от 25 января 2005 г.²⁴ стороны мобилизуют собственные усилия и призывают международное сообщество к активизации усилий в данном направлении деятельности. Согласно ст. 5 Договора между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве от 17 октября 2018 г.²⁵ осуществляется сотрудничество в военно-технической сфере. Детализация такой деятельности проводится в других соглашениях между этими странами²⁶.

²¹ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.

²² Конвенция о режиме проливов от 20 июля 1936 г. – *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. 1937. 27 апр. № 14.

²³ План действий совета Россия-НАТО по борьбе с терроризмом от 9 декабря 2004 г. – *Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1661385/. (дата обращения: 25.03.2023).

²⁴ Совместная декларация о дальнейшем углублении отношений дружбы и сотрудничества между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой от 25 января 2005 г. – *Официальный сайт Президента Российской Федерации*. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/2167>. (дата обращения: 25.03.2023).

²⁵ Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве от 17 октября 2018 г. – *Бюллетень международных договоров*. 2021. № 3, март.

²⁶ Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет от 24 декабря 2015 г. «Об упрощенном порядке захода военных кораблей в порты Российской Федерации и Арабской Республики Египет». – *Официальный сайт МИД России*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/43756/. (дата обращения: 12.10.2023); Протокол между Правительством

В силу ст. 24 Конвенции Монтре компетентные органы Турции концентрируют информацию о проходящих в соответствующих проливах судах, что может быть использовано для обеспечения безопасности в случаях, не противоречащих международному нормативному правовому регулированию.

В современной юридической науке отмечаются нарушения положений рассматриваемой Конвенции [Гуцуляк 2017]. При этом страной-нарушителем выступает США, которая явно злоупотребляла возможностями прохода через турецкие проливы, а корабли под ее флагом находились в Черном море значительное время, превышающее допустимое положениями международного соглашения. Например, в феврале-марте 2014 г. военное судно США провело в Черном море 33 дня взамен положенных 21-го. Применительно к данному региону Российская Федерация всегда занимала однозначную позицию неукоснительного соблюдения норм международного права, как в случае описанных угроз безопасности, так и в рамках противодействия терроризму [Петров 2018:97-104].

Такого рода правонарушения международно-го характера приводят к деформации настроенных ранее связей между странами, так как виновные фактически становятся ненадежными партнерами, продолжение отношений с которыми может в перспективе деструктивным образом отразиться на состоянии безопасности. Как ни странно, но и такие действия приводят к укреплению, например, энергетической безопасности других государств [Гусяков 2018:14-19]. Так, после сокращения потребления углеводородного сырья из стран Содружества Независимых Государств представителями Европы соответствующие ресурсные потоки были перенаправлены в

страны Ближнего Востока и Северной Африки [Капканщиков, Омаров 2022:272], что положительным образом сказалось на стабильности не только в экономической и социальной сферах соответствующих территорий. Данный позитивный эффект выразился в упрочении экономики, основанной на добросовестности новых партнеров, более широкой возможности политического воздействия во благо стабилизации экономических процессов, не основанных на субъективных и предвзятых мнениях функционеров сильных в международных масштабах государств.

Деятельность компетентных отечественных формирований в рассматриваемой области общественной жизни все чаще становится объектом активного противодействия со стороны недружественных государств²⁷. Например, в п. 6 Стратегической концепции НАТО 2022 от 29 июня 2022 г.²⁸ Россия объявлена в качестве страны-агрессора, практикующей военное вторжение в суверенную деятельность публично-правовых образований евроатлантического региона, следовательно, данное государство потенциально способно атаковать участников НАТО. Такого рода документы дают фактическую возможность указанному альянсу воздействовать на политику Российской Федерации, а макрорегион Большого Средиземноморья видится наиболее вероятным местом конфликтного столкновения интересов.

Помимо удовлетворения собственных интересов, роль России в регионе Большого Средиземноморья видится в обеспечении безопасности, в том числе на территории других стран [Нечаев, Чихарев, Ирхин, Маковская 2019:72]. Обусловлено это может быть уже имеющимся опытом по борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке, а также весьма объемным военным потенциалом [Шевцов 2013:264].

Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет от 25 марта 2014 г. «О военно-техническом сотрудничестве». – *Официальный сайт МИД России*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44146/. (дата обращения: 12.10.2023); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет от 23 сентября 1997 г. «О сотрудничестве в области борьбы с преступностью». – *Официальный сайт МИД России*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47335/. (дата обращения: 12.10.2023); Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Сирийской Арабской Республики от 4 апреля 1983 г. «О морском торговом судоходстве». – *Официальный сайт МИД России*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44146/. (дата обращения: 12.10.2023).

²⁷ Перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц, утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р (ред. от 29 октября 2022 г.). – *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2022. 14 мар. № 11. Ст. 1748.

²⁸ Стратегическая концепция НАТО 2022 от 29 июня 2022 г. – *Официальный сайт НАТО*. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf. (дата обращения: 25.03.2023).

Наиболее масштабным участием Российской Федерации в мероприятиях по обеспечению безопасности в указанном регионе было и остается военное присутствие на территории Сирии. Согласно Соглашению между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г.²⁹ первая получила на безвозмездной основе, не облагаемый какими-либо налогами или сборами аэропорт, где размещено указанное воинское подразделение с соответствующим оборудованием, кадровым, ресурсным обеспечением и пр. Данное пространство, находящееся на берегу Средиземного моря, отвечает ряду признаков государственной территории России [Бабурин 1997:477], так как туда свободно ввозится вооружение и боеприпасы, в этой зоне действует российское право и пр.

Аналогичный правовой режим распространяется в отношении приморской инфраструктуры в соответствии с положениями Соглашения между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о расширении территории пункта материально-технического обеспечения Военно-морского флота Российской Федерации в районе порта Тартус и захода военных кораблей Российской Федерации в территориальное море, внутренние воды и порты Сирийской Арабской Республики от 18 января 2017 г.³⁰ На основании ст. 5 этого документа в соответствующей акватории могут находиться российские суда, на которых размещено ядерное оружие.

Такой юридический порядок позволяет оказывать определенное влияние для защиты интересов России как минимум в восточной части рассматриваемого макрорегиона. Оперативность и эффективность преодоления возникающих угроз безопасности отечественными

Вооруженными Силами уже была подтверждена на практике [Долгов 2021:203; Сивков 2020:75-82].

Обеспечение безопасности в макрорегионе Большого Средиземноморья – важная стратегическая задача России, отраженная в ряде международных и внутригосударственных документов. Однако необходимо понимать, что такая деятельность весьма негативно воспринимается иными субъектами международно-правовых отношений [Чихарев 2021:442], что существенным образом осложняет достижение поставленных в связи с этим целей. Тем не менее, несмотря на все трудности, необходимо продолжать движение в заданном направлении, и на основе соблюдения действующих межгосударственных правил отстаивать собственные интересы с целью защиты суверенитета и сохранения состояния защищенности многонационального народа Российской Федерации.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время Российская Федерация, несмотря на значительное количество проблем в непосредственной близости от собственных рубежей, проводит правильную планомерную политику по обеспечению безопасности в макрорегионе Большого Средиземноморья, включая весьма отдаленные его части. Учитывая сложившуюся международную обстановку и враждебное отношение со стороны значительного количества государств, необходимо осуществлять свои действия в строгом соответствии с нормами международного права. Вместе с тем есть много практических примеров, когда другие участники такого рода соглашений не исполняют правила, которые для них стали обязательными по их же воле. В связи с этим очевидно усиление актуальности внутреннего законодательства и двусторонних соглашений для достижения целей сохранности своего суверенитета в самом широком понимании данного термина.

²⁹ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г.

³⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о расширении территории пункта материально-технического обеспечения Военно-морского флота Российской Федерации в районе порта Тартус и захода военных кораблей Российской Федерации в территориальное море, внутренние воды и порты Сирийской Арабской Республики от 18 января 2017 г. – Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. 1 янв. № 1. Ч. I. Ст. 25.

3. Современные тенденции развития таможенного регулирования в Большом Средиземноморье

Региональное разнообразие и разноректорность развития государств Большого Средиземноморья постоянно приводит к возникновению между ними политических, социальных, религиозных противоречий. В то же время все государства данного региона активно участвуют в международной торговле как между собой, так и с третьими странами.

Именно факторы регионального экономического сотрудничества являются гарантией стабильности и успешности развития Большого Средиземноморья, а также основой для решения многих других возникающих в регионе проблем.

Учитывая выгодное географическое положение, через территории стран черноморского и восточно-средиземноморского региона пролегают транспортно-логистические коридоры, связывающие международную торговлю европейских, азиатских и африканских государств.

Торговое сотрудничество в Большом Средиземноморье в достаточной степени зависит от эффективного правового регулирования вопросов, касающихся таможенного дела.

В Российской Федерации, являющейся членом Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), таможенное регулирование осуществляется как на национальном, так и на наднациональном уровне, который объединяет страны европейского и азиатского региона. Следует отметить, что в настоящее время основная часть вопросов таможенного регулирования является компетенцией органов ЕАЭС.

Положения Таможенного кодекса ЕАЭС базируются на нормах Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершено в Киото 18 мая 1973 г.), а также Рамочных стандартов безопасности и облегчения мировой торговли SAFE 2021 г. (далее – Рамочные стандарты SAFE)³¹.

На внутригосударственном уровне Стратегией развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г. (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая

2020 г. № 1388-р; далее – Стратегия ФТС России до 2030 г.)³², разработанной на основании и во исполнение вышеуказанных международных документов, определены направления развития таможенной службы Российской Федерации, которые в том числе будут способствовать достижению приоритетов национальной морской политики России.

Одним из таких направлений является проведение полномасштабной цифровизации и автоматизации деятельности таможенных органов, в том числе предусматривающей совершение таможенных операций с использованием элементов искусственного интеллекта – через внедрение модели «интеллектуального» пункта пропуска [Скиба, Позднякова 2022:19-33]. Главное его отличие от современных практик работы пунктов пропуска – минимальное участие во всех процессах должностных лиц таможенных органов, максимальное использование технических средств таможенного контроля и применение информационных технологий. Поставленная цель является инновационной и может иметь дальнейшее широкое применение в международной практике, поскольку будет существенно влиять на сокращение временных и финансовых издержек участников внешнеторговой деятельности при перемещении товаров и транспортных средств международной перевозки через таможенные границы.

Внедрение передовых технологий таможенного контроля могло бы стать базой для развития международного сотрудничества и расширения международной торговли между государствами черноморского и средиземноморского регионов. Унификация и упрощение проведения таможенных операций, информационное сотрудничество и взаимодействие по вопросам таможенного регулирования и обеспечения безопасности международной торговли, безусловно, будут способствовать укреплению экономических региональных связей в Большом Средиземноморье.

Не менее важным направлением для укрепления и развития регионального и межрегионального сотрудничества имеет внедрение современных технологий обеспечения соблюдения запретов и ограничений в международной

³¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – *Официальный сайт Евразийского экономического союза*. URL: <http://www.eaeunion.org/>. (дата обращения: 12.04.2017).

³² Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г., утв. Распоряжением Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р. – *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2020. 1 июня. № 22. Ст. 3572.

торговле с использованием интегрированных информационных цифровых систем. Достижение на международном уровне договоренностей об унификации и согласовании стандартов качества продукции, их взаимном признании, будет способствовать росту инвестиций и увеличению объемов международной торговли между договаривающимися странами и региональными союзами.

Реализация международной деятельности по вопросам таможенного регулирования в соответствии с положениями Стратегии ФТС России до 2030 г. может осуществляться в рамках интеграционных объединений, на площадках международных организаций, в рамках совместной проектной деятельности (как в многостороннем, так и двустороннем форматах).

В Рамочных стандартах SAFE³³ (подп. 2.11.1) указано, что правительства должны взаимодействовать со всеми международными партнерами, участвующими в международной торговле с целью обеспечения безопасности цепи поставок, разработки, поддержания и укрепления гармонизированных международных стандартов.

Как один из важнейших приоритетов в международном сотрудничестве Рамочные стандарты SAFE определяют развитие программ уполномоченных экономических операторов (далее – УЭО) региональных таможенных союзов и внедрение процедур их взаимного признания.

Следует отметить, что правовое регулирование института УЭО в таможенном законодательстве ЕАЭС и Российской Федерации не в полной мере отвечает современным практикам и требует дальнейшего совершенствования [Шарощенко 2022:28-33]. Его развитие может происходить в рамках международного сотрудничества со странами черноморского и восточномедиземноморского региона путем создания региональных программ УЭО.

Создание и практическая реализация таких программ, направленных, с одной стороны, на предоставление участвующим в них представителям бизнес-сообщества преимуществ и упрощений при осуществлении таможенных операций, с другой стороны, на обеспечение законности

при проведении внешнеторговых операций через получение таможенными администрациями стран-участников доступа к информационным ресурсам УЭО в режиме онлайн, а также привлечение их к сотрудничеству по минимизации рисков нарушения таможенного законодательства.

Реализация региональных программ УЭО направлена на достижение следующих результатов:

а) таможенные администрации посредством формирования контингента добросовестных участников внешнеторговой деятельности (УЭО) и установления с ними сотрудничества в различных формах обеспечивают соблюдение таможенного законодательства и укрепляют безопасность международной торговли;

б) УЭО получают от таможенных администраций содействие при проведении таможенного контроля, а также защиту своих прав от недобросовестной конкуренции.

На практике это приведет к расширению международной торговли между договаривающимися странами и региональными объединениями, существенно повысит привлекательность территорий и морских акваторий, включая континентальный шельф, для иностранных инвесторов.

Немаловажное значение для развития и укрепления внешнеэкономических связей между государствами имеет заключение договоров о свободной торговле. Учитывая приоритеты в международной торговле каждого из участников международного сотрудничества, наличие экспортно-импортной товарной специализации, такие договоры должны включать номенклатуру товаров для беспошлинной торговли, которая отвечает национальным экономическим интересам и содействует развитию процессов региональной интеграции и кооперации.

Вопросы регионального таможенного взаимодействия не должны быть перспективой отдаленного будущего. Стратегический план развития Всемирной таможенной организации на 2022–2025 гг. (WCO Strategic Plan 2022–2025)³⁴ как одну из приоритетных задач развития таможенного дела определяет интеграцию таможенных администраций в процессы соблюдения в международной торговой деятельности экологических аспектов и внесения вклада

³³ ВТО: Рамочные стандарты безопасности и упрощения процедур мировой торговли 2021 г. – *Официальный сайт ВТО*. URL: <http://www.wcoomd.org/~media/50518838dcad4d4b9600b3e94f37c663>. (дата обращения: 25.12.2021).

³⁴ WCO: Strategic Plan 2022–2025. URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/about-us/administrative-documents/strategic-plan-2022_2025.pdf?db=web. (дата обращения: 12.07.2023).

в глобальную зеленую экономику. Устойчивое развитие предполагает создание и развитие экономического взаимодействия на основе замкнутых циклов и управления отходами. Формирование таких бизнес-процессов происходит уже сегодня. Быстрее и эффективнее они внедряются на региональном уровне. Несвоевременное включение в региональное сотрудничество существенно повлияет на представительство российского бизнеса в международной экономике замкнутых циклов. Поэтому укрепление и расширение сотрудничества с иностранными торговыми партнерами, базирующееся на взаимодействии таможенных администраций договаривающихся государств и региональных союзов, будет содействовать участникам внешнеторговой деятельности России и других стран ЕАЭС в интеграции в глобальные цепочки международной торговой деятельности черноморского и восточносредиземноморского регионов.

4. Выводы

В целом, анализируя конвенциональный механизм и институциональную систему международно-правового регулирования морских отношений в регионе Большого Средиземноморья, можно сделать такие важнейшие выводы:

а) наиболее полное и комплексное международно-правовое регулирование морских отношений в Большом Средиземноморье сформировано в экологической сфере, что находит отражение в Барселонской конвенции, эффективная реализация которой обеспечивается через разветвленную систему региональных центров, отслеживающих состояние морской среды

и принимающих необходимые предусмотренные конвенцией меры;

б) наиболее острыми и спорными вопросами в сфере морских отношений в Большом Средиземноморье в последние годы являются попытки Турции и Греции разграничить исключительную экономическую зону и континентальный шельф в Восточном Средиземноморье в соответствии со своими национальными экономическими и политическими интересами без необходимого в подобных случаях для обеспечения мира и согласия достижения обоюдного компромисса по вопросам, связанным, прежде всего, с определением правового статуса небольших греческих островов, исключительная экономическая зона которых выходит за пределы их территориального моря;

в) международно-правовой режим Гибралтарского пролива требует определенной формализации и установления гарантий прав всех без исключения средиземноморских государств, что может быть сделано путем заключения многостороннего договора максимально инклюзивного регионального масштаба;

г) на фоне стремительно меняющихся международных отношений и места в ней России, большое значение приобретает реализация Морской доктрины за счет двусторонних соглашений с целью обеспечения безопасности страны;

д) модернизация форм и методов осуществления таможенной деятельности в рамках интеграционных объединений является необходимым условием повышения инвестиционной привлекательности и укрепления регионального торгового сотрудничества государств Большого Средиземноморья.

Список литературы

1. Агазаде М.М., Павлова П.М., Николова Г.А. 2021. Большое Средиземноморье как комплекс безопасности. – *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. Т. 8. № 3 (31). С. 117-122.
2. Айвазян Д.С. 2022. Регион Черного моря (июнь – август 2022). – *Европейский Союз: факты и комментарии*. № 109. С. 98-101.
3. Бабурин С.Н. 1997. *Территория государства: Правовые и геополитические проблемы*. М.: Изд-во Моск. ун-та. 477 с.
4. Баранов А.В. 2017. Конкуренция Российской Федерации и НАТО в Черноморском регионе: военные аспекты. – *Потемкинские чтения. Сборник материалов II Международной научной конференции*. Отв. ред. О.В. Ярмук. Севастополь: Севастопольский государственный университет. С. 75-76.
5. Бекашев Д.К. 2017. *Международно-правовые проблемы управления рыболовством: монография*. М.: Проспект. 512 с.
6. Боклан Д.С. 2014. Практика Международного трибунала по морскому праву по делам, вытекающим из международных экологических и международных экономических отношений. – *Международное правосудие*. № 4. С. 80-86.
7. Головенченко А.А. 2022. К вопросу о Конвенции Монте-ре: роль документа сегодня и завтра. – *Власть*. Т. 30. № 4. С. 52-59.
8. Грацианский А.Н. 1971. *Природа Средиземноморья*. М.: Мысль, 1971. 510 с.
9. Гусяков В.Ю. 2018. Понятие и особенности правового режима энергетических объектов нефтегазовой отрасли. – *Правовой энергетический форум*. № 4. С. 14-19.

10. Гуцуляк В.Н. 2017. Российское и международное морское право (публичное и частное). М.: Граница. 448 с.
11. Долгов Б.В. 2021. *Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.)*. Отв. ред. В.В. Орлов. М.: URSS. 203 с.
12. Ильин М.В., Нечаев В.Д. 2022. Вызовы и перспективы изучения Большого Средиземноморья. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 8-23.
13. Капканщиков С.Г., Омаров И.И. 2022. Роль ГУАМ в регионе Большого Средиземноморья. – *Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики*. № 4. С. 267-273.
14. Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. 2007. *Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы*. М.: Статут. 637 с.
15. Косов Г.В., Нечаев В.Д., Татарков Д.Б. 2021. Российский проект Большого Средиземноморья: от имперских традиций к новому витку большого противостояния. – *Вопросы элитологии*. Т. 2. № 3. С. 123-139.
16. Лисьих В.В., Романов М.В., Щербатов М.В. 2022. «Зерновая сделка» – ее представители и возможные варианты развития событий. – *Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности. Сборник материалов IV Международной научной конференции*. ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», Костанайский филиал. Чебоксары: Среда. С. 168-170.
17. Марченко И.Е. 2023. Официальный отдел. – *Морской сборник*. № 1 (2110). С. 9-38.
18. Москаленко О.А., Ирхин А.А., Кабанова Н.Е. 2022. Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.). – *Регионоведение*. Т. 30. № 2 (119). С. 258-277.
19. Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В. 2019. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья. – *Вестник Московского университета*. Серия 5: География. № 1. С. 67-74.
20. Петров О.Ю. 2018. Международно-правовой режим Черноморских проливов применительно к военному мореплаванию. – *Право в Вооруженных Силах*. № 7. С. 97-104.
21. Поляков А.П., Шпортко Д.М. 2022. Значение Шанхайской организации сотрудничества для стран Большого Средиземноморья. – *Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики*. № 4. С. 280-285.
22. Сивков К.В. 2020. Уроки сирийской кампании для военной безопасности России. – *75-летие Великой Победы: исторический опыт и современные проблемы военной безопасности России. Материалы 5-й Международной научно-практической конференции научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук: в 2 т.* М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана. С. 75-82.
23. Скиба В.Ю., Позднякова К.Е. 2022. Современные автоматизированные информационные системы для совершения таможенных операций без участия должностных лиц таможенных органов. – *Вестник Российской таможенной академии*. № 2. С. 19-33.
24. Фархутдинов И.З. 2020. *Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты: монография*. М.: ИНФРА-М. 417 с.
25. Чихарев И.А. 2021. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 21. № 3. С. 441-458.
26. Шарощенко И.В. 2022. Развитие института уполномоченного экономического оператора: совершенствование форм взаимодействия. – *Вестник Российской таможенной академии*. № 1. С. 28-33.
27. Шевцов В.М. 2013. *Национальные отношения и военный потенциал государства: (на примере России): монография*. 2-е изд. М.: Военный университет. 264 с.
28. Fancello G. 2022. Technologies and innovation for improving performances logistic operators: the Techlog project. – *International business logistics journal*. № 2. P. 60-62.
29. Gruszczak A. 2017. European Borders in Turbulent Times: The Case of the Central Mediterranean "Extended Borderland". – *Politeja*. № 5 (50). P. 23-46.
30. Kirillova E.A., Suslikov V.N., Tsokur E.F. 2016. The legal problems of forced migration: a comparative and legal analysis illustrated by the European Union countries and Russia. – *Man in India*. Т. 96. № 10. P. 3561-3571.
31. Luchian V. 2022. The impact of the "grain deal" on global food commodities exports: Northern Black sea region case (Romania, Russia, Ukraine). – *International Agricultural Journal*. Т. 65. № 5. P. 796-810.
32. Nordquist M.H., Nandan S., Rosenne S. 1995. *UN Convention on the Law of the Sea Commentary 1982*. Vol. III. Brill. Nijhoff. 346 p.

References

1. Agazade M.M., Pavlova P.M., Nikolova G.A. Bol'shoe Sredizemnomor'e kak kompleks bezopasnosti [The Greater Mediterranean as a Security Complex]. – *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 2021. Т. 8. № 3 (31). P. 117-122. (In Russ.)
2. Aivazyan D.S. Region Chernogo morya (iyun' – avgust 2022) [Black Sea Region (June – August 2022)]. – *Evropeiskii Soyuz: fakty i kommentarii*. 2022. № 109. P. 98-101. (In Russ.)
3. Baburin S.N. *Territoriya gosudarstva: Pravovye i geopolit. problemy* [Territory of the state: Legal and geopolitical problems]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1997. 477 p. (In Russ.)
4. Baranov A.V. Konkurentsiya Rossiiskoi Federatsii i NATO v Chernomorskom regione: voennye aspekty [Competition between the Russian Federation and NATO in the Black Sea region: military aspects]. – *Potemkinskie chteniya. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Отв. ред. О.В. Yarmak. Sevastopol': Sevastopol'skii gosudarstvennyi universitet, 2017. P. 75-76. (In Russ.)
5. Bekyashev D.K. *Mezhdunarodno-pravovye problemy upravleniya rybolovstvom: monografiya* [International law problems of fisheries management: monograph]. Moscow: Prospekt, 2017. 512 p. (In Russ.)
6. Boklan D.S. *Praktika Mezhdunarodnogo tribunala po morskomu pravu po delam, vytekayushchim iz mezhdunarodnykh ekologicheskikh i mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenii* [Practice of the Interna-

- tional Tribunal for the Law of the Sea in cases arising from international environmental and international economic relations]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2014. № 4. P. 80-86. (In Russ.)
7. Chikharev I.A. Rossiya v Bol'shom Sredizemnomor'e: novyi tikhookeansko-evropeiskii transit [Russia in the Greater Mediterranean: a new Pacific-European transit]. – *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. T. 21. № 3. S. 441-458. (In Russ.)
 8. Dolgov B.V. Siriiskoe protivostoyanie: vnutrennie i vneshnie faktory (2011–2021 gg.) [Syrian confrontation: internal and external factors (2011–2021)]. Otv. red. V.V. Orlov. Moscow: URSS, 2021. 203 p. (In Russ.)
 9. Fancello G. Technologies and innovation for improving performances logistic operators: the Techlog project. – *International business logistics journal*. 2022. № 2. P. 60-62.
 10. Farkhutdinov I.Z. *Amerikanskaya doktrina o preventivnom udare ot Monro do Trampa: mezhdunarodno-pravovye aspekty: monografiya [American Doctrine of Preemptive Strike from Monroe to Trump: International Legal Aspects: monograph]*. Moscow: INFRA-M, 2020. 417 p. (In Russ.)
 11. Golovenchenko A.A. K voprosu o Konventsii Montre: rol' dokumenta segodnya i zavtra [On the issue of the Montreux Convention: the role of the document today and tomorrow]. – *Vlast'*. 2022. T. 30. № 4. P. 52-59. (In Russ.)
 12. Gratsianskii A.H. 1971. *Priroda Sredizemnomor'ya [Mediterranean nature]*. Moscow: Mysl', 1971. (In Russ.)
 13. Guculjak V.N. 2017. *Rossiiskoe i mezhdunarodnoe morskoe pravo (publichnoe i chastnoe) [Russian and international maritime law (public and private)]*. Moscow: Granica. 448 s.
 14. Gruszczak A. European Borders in Turbulent Times: The Case of the Central Mediterranean "Extended Borderland". – *Politeja*. 2017. № 5 (50). P. 23-46.
 15. Gusakov V.Yu. Ponyatie i osobennosti pravovogo rezhima energeticheskikh ob'ektov neftegazovoi otrasli [The concept and features of the legal regime of energy facilities in the oil and gas industry]. – *Pravovoi energeticheskii forum*. 2018. № 4. P. 14-19. (In Russ.)
 16. Il'in M.V., Nechaev V.D. Vyzovy i perspektivy izucheniya Bol'shogo Sredizemnomor'ya. – *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2022. № 3. P. 8-23. (In Russ.)
 17. Kapkanschchikov S.G., Omarov I.I. Rol' GUAM v regione Bol'shogo Sredizemnomor'ya [Role of GUAM in the Greater Mediterranean Region]. – *Aktual'nye voprosy ucheta i upravleniya v usloviyakh informatsionnoi ekonomiki*. 2022. № 4. P. 267-273. (In Russ.)
 18. Kirillova E.A., Suslikov V.N., Tsokur E.F. The legal problems of forced migration: a comparative and legal analysis illustrated by the European Union countries and Russia. – *Man in India*. 2016. T. 96. № 10. P. 3561-3571.
 19. Kolodkin A.L., Gutsulyak V.N., Bobrova Yu.V. *Mirovoi okean. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim. Osnovnye problemy [World Ocean. International legal regime. Main problems]*. Moscow: Statut, 2007. 637 p. (In Russ.)
 20. Kosov G.V., Nechaev V.D., Tatarkov D.B. Rossiiskii proekt Bol'shogo Sredizemnomor'ya: ot imperskikh traditsii k novomu vitku bol'shogo protivostoyaniya [The Russian project of the Greater Mediterranean: from imperial traditions to a new round of great confrontation]. – *Voprosy elitologii*. 2021. T. 2. № 3. P. 123-139. (In Russ.)
 21. Lis'ikh V.V., Romanov M.V., Shcherbatov M.V. "Zernovaya sdelka" – ee predstaviteli i vozmozhnye varianty razvitiya sobytii ["Grain deal" – its representatives and possible scenarios]. – *Aktual'nye problemy menedzhmenta, ekonomiki i ekonomicheskoi bezopasnosti. Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. FGBOU VO "Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet", Kostanaiskii filial. Cheboksary: Sreda, 2022. P. 168-170. (In Russ.)
 22. Luchian V. The impact of the "grain deal" on global food commodities exports: Northern Black sea region case (Romania, Russia, Ukraine). – *International Agricultural Journal*. 2022. T. 65. № 5. P. 796-810.
 23. Marchenko I.E. Ofitsial'nyi otdel [Official department]. – *Morskoi sbornik*. 2023. № 1 (2110). P. 9-38. (In Russ.)
 24. Moskalenko O.A., Irkhin A.A., Kabanova N.E. Chernomorskii region kak prostranstvo konflikta v diskurse zapadnykh analiticheskikh tsentrov (2018–2021 gg.) [The Black Sea region as a space of conflict in the discourse of Western think tanks (2018–2021)]. – *Regionologiya*. 2022. T. 30. № 2 (119). S. 258-277.
 25. Nechaev V.D., Chikharev I.A., Irkhin A.A., Makovskaya D.V. Kontsepsiya geostrategicheskogo atlasa Bol'shogo Sredizemnomor'ya [The concept of a geostrategic atlas of the Greater Mediterranean]. – *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*. 2019. № 1. P. 67-74. (In Russ.)
 26. Nordquist M.H., Nandan S., Rosenne S. UN Convention on the Law of the Sea Commentary 1982. Vol. III. Brill. Nijhoff. 1995. 346 p.
 27. Petrov O.Yu. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim Chernomorskiykh prolivov primenitel'no k voennomu moreplavaniyu [International legal regime of the Black Sea straits in relation to military navigation]. – *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*. 2018. № 7. P. 97-104. (In Russ.)
 28. Polyakov A.P., Shportko D.M. Znachenie Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva dlya stran Bol'shogo Sredizemnomor'ya [Significance of the Shanghai Cooperation Organization for the countries of the Greater Mediterranean]. – *Aktual'nye voprosy ucheta i upravleniya v usloviyakh informatsionnoi ekonomiki*. 2022. № 4. P. 280-285. (In Russ.)
 29. Sharoshhenko I.V. Razvitie instituta upolnomochennogo jekonomicheskogo operatora: sovershenstvovanie form vzaimodejstviya [Development of the institution of authorized economic operator: improving forms of interaction]. – *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii*. 2022. № 1. S. 28-33. (In Russ.)
 30. Shevtsov V.M. *Natsional'nye otnosheniya i voenniye potentsial gosudarstva: (na primere Rossii): monografiya [National relations and the military potential of the state: (on the example of Russia): monograph]*. 2-e izd. Moscow: Voenniye universitet, 2013. 264 p. (In Russ.)
 31. Sivkov K.V. Uroki siriiskoi kampanii dlya voennoi bezopasnosti Rossii [Lessons from the Syrian Campaign for Russia's Military Security]. – *75-letie Velikoi Pobedy: istoricheskii opyt i sovremennye problemy voennoi bezopasnosti Rossii. Materialy 5-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii nauchnogo otdeleniya № 10 Rossiiskoi akademii raketnykh i artileriiskikh nauk: v 2 t.* Moscow: Izdatel'stvo MGTO im. N.E. Bauman, 2020. P. 75-82. (In Russ.)
 32. Skiba V.Ju., Pozdnjakova K.E. Sovremennye avtomatizirovannye informacionnye sistemy dlja soversheniya tamozhennykh operacij bez uchastija dolzhnostnykh lic

tamozhennyh organov [Modern automated information systems for performing customs operations without the participation of customs officials]. – *Vestnik*

Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2022. № 2. S. 19-33. (In Russ.)

Информация об авторах

Владимир Николаевич КОВАЛЬ,

доктор юридических наук, директор Юридического института, Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

v.n.koval@sevsu.ru

ORCID: 0000-0003-1255-920

Станислав Александрович ВАСИЛЬЕВ,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

mnogoslov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2752-240X

Евгений Валентинович ГОДОВАНИК,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права, Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

evgodovanik@mail.sevsu.ru

ORCID: 0000-0003-2738-2953

Александр Валентинович ПОЛИЩУК,

кандидат исторических наук, доцент кафедры международного, морского и таможенного права, Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

avpolischcuk@mail.ru

ORCID: 0009-0008-0186-8000

About the Authors

Vladimir N. KOVAL,

Doctor of Legal Sciences, Director of Judicial Institute, Sevastopol State University

33, Universitetskaya st., Sevastopol, Russian Federation, 299053

v.n.koval@sevsu.ru

ORCID: 0000-0003-1255-920

Stanislav A. VASILIEV,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Sevastopol State University

33, Universitetskaya st., Sevastopol, Russian Federation, 299053

mnogoslov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2752-240X

Evgeniy V. GODOVANIK,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Sevastopol State University

33, Universitetskaya st., Sevastopol, Russian Federation, 299053

evgodovanik@mail.sevsu.ru

ORCID: 0000-0003-2738-2953

Aleksandr V. POLISHCHUK,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International, Maritime and Customs Law, Sevastopol State University

33, Universitetskaya st., Sevastopol, Russian Federation, 299053

avpolischcuk@mail.ru

ORCID: 0009-0008-0186-8000

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-44-56>

Исследовательская статья

УДК: 341.3

Поступила в редакцию: 09.02.2024

Принята к публикации: 18.03.2024

Рустам Альбертович КАСЬЯНОВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

r.kasyanov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0003-2946-5744

Ихлас Мурадович ЯЗБЕРДИЕВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

ООО «Иванов, Макаров и Партнеры»

Даев пер., д. 20, Москва, 107045, Российская Федерация

yazberdiev_i_m@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0005-3504-8252

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПАТЕНТНОЙ КОНВЕНЦИИ (1973–2023 гг.)

ВВЕДЕНИЕ. В статье представлен исторический обзор многолетнего процесса становления механизмов судебной защиты патентных прав, представляемых европейским патентом, который начался еще в 1950-х гг. и завершился началом деятельности Единого патентного суда в 2023 г. Показано, что создание подобных механизмов в пределах Евразийской патентной организации и Евразийского экономического союза может потребовать иных подходов из-за возможной централизации системы правовой охраны объектов промышленной собственности в рамках Евразийской патентной организации.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ. В качестве исследовательских материалов для данной статьи были взяты научные труды зарубежных и российских ученых и должностных лиц Европейского патентного ведомства и Евразийского патентного ведомства, правовые акты международного и регионального уровней и их проекты. Методологическую основу данного исследования составили общенаучные и специальные методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье предлагается периодизация возникновения и становления механизмов разрешения споров по европейским патентам, раскрываются причины и предпосылки создания единой патентной судебной системы в Европе и намечаются направления дальнейших исследований в части изучения перспектив создания аналогичных механизмов в Евразийском регионе. Некоторые выводы, сделанные в настоящей статье, могут способствовать увеличению числа таких исследований.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. Европейский союз накопил существенный опыт в процессе создания механизмов разрешения споров по европейским патентам. Уникальность Единого патентного суда представляет особый интерес, когда речь идет об изучении перспектив создания судебных или квазисудебных механизмов разрешения патентных споров в рамках Евразийской патентной конвенции. Однако тенденции развития Евразийской патентной организации и возможная централизация региональной системы охраны объектов

промышленной собственности может означать, что евразийский аналог Единого патентного суда может получить иную институциональную форму.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Единый патентный суд, Европейский патентный суд, европейский патент, единый патент, евразийский патент, Евразийский суд по интеллектуальным правам, Евразийский патентный суд, патентные споры в Европе*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Касьянов Р.А., Язбердиев И.М. 2024. К пятидесятилетию Европейской патентной конвенции (1973–2023 гг.). – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 44–56. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-44-56>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-44-56>

Research article

UDC: 341.3

Received 9 February 2024

Approved 18 March 2024

Rustam A. KASYANOV

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
r.kasyanov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-2946-5744

Ihlas M. YAZBERDIEV

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
Ivanov, Makarov & Partners
20, Daev Lane, Moscow, Russian Federation, 107045
yazberdiev_i_m@my.mgimo.ru
ORCID: 0009-0005-3504-8252

TO THE 50TH ANNIVERSARY OF THE EUROPEAN PATENT CONVENTION (1973-2023)

INTRODUCTION. *This paper reflects historical overview of long-standing emergence of mechanisms of judicial protections of patent rights conferred by European patents which begun even in 1950-s and ended with start of operations of the Unified Patent Court in 2023. The paper demonstrates that the establishment of the similar mechanism within the Eurasian Patent Organization or Eurasian Economic Union may require different approaches because of possible centrali-*

zation of industrial property protection under Eurasian Patent Organization.

METHODS AND MATERIALS. *The research materials for this paper are scientific works of foreign and Russian scientists and officials of the European Patent Office and the Eurasian Patent Office, legal acts of international and regional levels and drafts thereof. Methodological basis of this research are general and special scientific methods.*

RESEARCH RESULTS. *This paper suggests periodization in emergence and evolution of dispute resolution mechanisms for European patents, reveals rationales for establishment of the unified patent judiciary in Europe and outlines directions for further research of prospects of creation of the similar mechanism in the Eurasian region. Some findings made in this article may facilitate the growth of such researches.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *European Union (EU) accumulated broad experience in establishment of the dispute resolution mechanisms for European patents. Due to uniqueness the Unified Patent Court is of great interest when researching prospect of improvements of the patent judiciary and quasi-judicial mechanisms under the Eurasian Patent Convention. However, trends of developments of the Eurasian Patent Organization and possible centralization of the*

regional protection of industrial property may testify that a Eurasian analogue of the Unified Patent Court would have a different institutional form.

KEYWORDS: *Unified Patent Court, European Patent Court, European patent, unitary patent, Eurasian Patent, Eurasian Intellectual Property Rights Court, Eurasian Patent Court, patent litigation in Europe*

FOR CITATION: Kasyanov R.A., Yazberdiev I.M. To the 50th Anniversary of the European Patent Convention (1973–2023). – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 1. P. 44–56. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-44-56>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Introduction

In 2023, the key international treaty under which patent law is unified in Europe, the European Patent Convention (EPC), celebrated its fiftieth anniversary. Furthermore, the much-anticipated Unified Patent Court (UPC) became operational on June 1, 2023. The development of a common patent court system for the EPC countries and the EU member states has been the subject of long-standing expert and academic debate. The European experience is relevant for the EAEU and the countries of the Eurasian Patent Convention (EAPC), which, in turn, celebrates its thirtieth anniversary this year. Grigory Ivliev, the 4th President of the Eurasian Patent Office (EAPO), has consistently advocated the creation of a Eurasian Intellectual Property Rights Court (EAIPRC). In 2023, this issue was officially included in the agenda of the Eurasian Patent Organization (EAPOrg) and reflected in the EAPOrg Development Program until 2028¹.

It is worth noting that at the moment there is no clear answer to the question of the necessity of establishing the EAIPRC within the framework of the

EAPOrg. Some believe that it will have a positive impact on cross-border trade within the EAEU, while others find more disadvantages than advantages. However, one thing is certain – with the adoption of the EAPOrg Development Program, the intensity of discussions and debates on this issue is expected to increase. According to the task list of the EAPOrg Development Program, the model of the Eurasian patent judiciary is expected to be developed only by the fourth quarter of 2025, while the relevant discussions are scheduled for the third quarter of 2026. In this light, it is of particular interest to study the numerous European efforts to develop a patent judiciary and the recent experience of the EU in creating the UPC.

2. Development of the patent judiciary in the EU and EPC countries

2.1. Contribution of the Council of Europe: 1949 to 1963

The European patent finds its roots in 1949, when Mr. Henry Longchambon put forward a plan (the so-called Longchambon Plan)² to establish

¹ Programma Razvitiya Evrazijskoj Patentnoj Organizacii na 2023–2028 gody, utverzhdena na sorok vtorom (trinadcatom vneocherednom) zasedanii Administrativnogo soвета Evrazijskoj patentnoj organizacii 18 maja 2023 g. [The Program of the Development of the Eurasian Patent Organization for 2023–2028, approved on forty second (thirteenth extraordinary) meeting of the Administrative Council of the Eurasian Patent Organization on May 18, 2023]. URL: https://new.eapo.org/wp-content/uploads/2023/06/pr_2023_2028.pdf (accessed date: 08.02.2024).

² Report “Creation of a European Patent Office”. Doc 75, 06.09.1949. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML-2HTML-en.asp?fileid=34&lang=en> (accessed date: 08.02.2024).

a European Patent Office (EPO) that would issue “European Certificates for Inventions”. Patent experts who studied the Longchambon Plan concluded that such an initiative would require significant changes in national laws, which were very diverse in both substantive patent law and patent enforcement. This seemed impossible at the time without a central legislative body with the power to enact a supranational patent law. Thus, the creation of an EPO (as proposed in the Longchambon plan) was out of the question, but the study of possible ways to unify and harmonize national patent laws continued [Kranakis 2007:704-705].

In 1950, the Council’s Committee of Experts on Patents (CEP) was formed. The first efforts of the CEP resulted in two conventions (signed in 1953 and 1954) establishing uniform requirements for patent applications and providing for the classification of patents. The CEP then considered two more options for unifying national patent law: the first was to mutually recognize and validate national patents granted in other jurisdictions using different criteria, and the second was to unify substantive patent law and create a Unified Patent Court with exclusive enforcement powers [Plomer 2015:517]. Both proposals were rejected as they would have been too expensive and difficult. Finally, the CEP focused on harmonizing standards of patentability and the result of this effort was the 1963 Strasbourg Patent Convention (SPC). The SPC set only criteria and standards for patentability of patent applications, leaving enforcement to national laws, but it is believed that the SPC contributed to the later practical implementation of the EPC [Plomer 2015:517].

2.2. The patent judiciary in the First Draft: 1958 to 1965

With the establishment of the European Economic Community (EEC), the institutional torch of patent unification passed to the EEC, which took the initiative to draft a European Patent Convention (First Draft), published in 1962. The First Draft provided for the establishment of a European Patent Court. Conceived as a court of last instance, the relationship of the European Patent Court with the Court of Justice of the European Communities (EEC Court of Justice) remained unclear: on the one hand, the European Patent Court was possibly intended to be integrated as a specialized chamber (division, tribunal) within the structure of the EEC Court of Justice [Froschmaier 1963:896], on the other hand, the competence of the EEC Court of Justice was to be limited only to the examination of the public law

aspects of the operation of European patents [Plomer 2015:517]. It is noted that a separate judicial institution competent to hear the civil law aspects of European patent disputes was envisaged [Plomer 2015:517]. Apparently, such a proposal took place, as this initiative was in line with the trends of unification in the field of industrial property in general (i. e. trademark and industrial design laws, among others), the exclusive rights to which are required judicial protection as well.

The First Draft was developed by the EEC countries, which were motivated primarily by the objectives of the Common Market – “the elimination of all economic barriers to free trade... by the introduction of a patent which would be valid in all countries of the Common Market” [Nicolai 1971:135]. But the First Draft was not only designed to supplement the Treaty of Rome (1958) as far as industrial property law was concerned; it also aimed at ensuring uniform patent legislation for several European states that were members of the European Free Trade Association (EFTA) but not part of the EEC at that time [Nicolai 1971:135]. The delegations could not agree on the nature of the European patent: the EEC countries (Benelux, France, Germany, Italy and Germany, which were also known then as the “inner six” [Kur, Dreier 2013:43-44]) insisted on a unitary and indivisible “patent particularly adapted to the conditions of the Common Market” [Froschmaier 1963:892]. The EFTA countries, led by the United Kingdom (the so-called “outer seven” [Kur, Dreier 2013:43-44]), proposed the introduction of a bundle of patents, which, once granted, should be divided into national patents of the patentee’s choice. In addition, there was reportedly disagreement even among the inner six countries about the membership of non-EEC countries and whether a European patent should be available to be obtained by the residents of non-signatory states [Pila 2013:924]. These issues were fundamental, but not the only ones that caused conceptual differences between the delegations [Thompson 1973:54]. Thus, the First Draft became bogged down in disagreements and was shelved despite the fact that it was close to completion from a technical point of view [Nicolai 1971:140].

2.3. The concept of the “two conventions”: 1967 to 1989

European cooperation on the path of patent unification was resumed in the late 1960s. In order to strike a balance between the different views on the nature of the European patent, a two-convention approach was proposed. The first (the so-called

“international convention”) was supposed to be open to states outside the EEC and to deal only with the procedure for granting a patent. This is how the EPC came into being (signed in 1973 and entered into force in 1975). The EPC provides for a centralized procedure for the grant of a European patent, which once granted is treated as a set of national patents subject to national laws. The EPC was not developed as part of EEC/EU law and therefore it still formally exists outside the EU legal order.

The second convention was intended to be concluded only between EEC countries and within that territory a European patent granted by the EPO would enjoy uniform protection. To this end, the EPC establishes that a special agreement may be concluded establishing that a European patent will have a uniform effect for a group of EPC member states (Article 142 EPC). With reference to this provision, the EEC countries signed the Convention for the European patent for the common market in 1975 (CPC 1975)³, which was supplemented in 1989 by the Agreement relating to the Community Patent (CPC 1989)⁴ (both concluded in Luxembourg and better known as the Community Patent Convention, or CPC). The CPC provided for the uniform character of the European patent, which was granted in accordance with the procedure established by the EPC and was called the Community patent.

In the CPC 1975, national infringement courts as courts of first instance were required to treat a Community patent as such and therefore had no power to decide whether it was valid or not. Claims for invalidation were to be heard before the Enlarged Board of Appeal, a division of the EPO, under the judicial control of the Court of Justice of the EEC. The CPC 1989 proposed to eliminate this separation. The drafters of the updated CPC believed that it would be best to transfer jurisdiction over Community patent infringement suits to national courts of first instance, which could simultaneously examine the validity of the patent in suit and, if necessary, amend or invalidate it. A Common Court of Appeal was envisaged to ensure uniform application of the law on infringement and validity of Community patents. The EEC countries followed the approach taken in the EPC, leaving the determination of the criteria for patent

infringement to national law. The CPC 1989 was supplemented by protocols that provided for detailed regulation of litigation and procedures before the Common Court of Appeal.

The CPC was never ratified and therefore did not enter into force. Despite this, the “two conventions” concept has proved to be perhaps the most promising way of achieving political agreement in the process of unifying patent law in Europe. The “two conventions” concept is reflected in Title X of the EPC, which was later supplemented by rules providing for the possibility of special agreements in the field of establishing a European Patent Convention or a quasi-judicial institution with the power to interpret the EPC. The most obvious need for such a judicial mechanism was observed within the framework of the EU as an integration association. However, the prospect of a unitary European patent and a unitary patent system together with a Unified (Common) Patent Court has long been questionable. EU Member States have for almost 40 years used the so-called “classical” European patent, which is an instrument of international law and not of EU law.

2.4. Criticism of the patent judiciary under the EPC

The EPC provides for the establishment of a legislative system for the granting of European patents, which, in brief, once granted, are transformed into a set (bundle) of national patents subject to national law, unless otherwise defined in the EPC (Articles 1–3 EPC). Thus, the determination of the rights conferred by a European patent under the EPC was placed within the competence of national legislations (Art. 64(1) EPC). Although the drafters of the EPC considered the possibility of harmonizing the rights conferred by a European patent, they decided not to do so because of the complexity of the issue [Pila 2013:927-928]. Accordingly, infringement of a European patent must be litigated before national courts and must be governed by national law (Art. 64(3) EPC).

The EPC provides uniform grounds for invalidating a European patent (Art. 138 EPC), but invalidation actions must be considered by national courts, whose decisions can only affect the relevant

³ 76/76/EEC: Convention for the European patent for the common market (done at Luxembourg on 15 December 1975). OJ L 1726.01.1976.P.1-28.CELEX41975A3490. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41975A3490> (accessed date: 08.02.2024).

⁴ 89/695/EEC: Agreement relating to Community patents (done at Luxembourg 15 December 1989) OJ L 401, 30.12.1989. P. 1-27. CELEX: A41989A0695. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A41989A0695%2801%29> (accessed date: 08.02.2024).

“national part” of the European patent. In other words, 38 actions for the invalidation of a European patent granted in respect of all EPC member states would have to be brought in each country in order to invalidate the patent in its entirety (decentralized invalidation procedure). Decisions of the EPO taken in the course and outcome of the examination of European patent applications are subject to quasi-judicial control within the EPO through opposition and appeal procedures conducted by Opposition Divisions, Boards of Appeal and the Enlarged Board of Appeal (centralized invalidation procedure). The decision is then self-enforceable in all countries in respect of which a European patent has been granted. Time limit for filing an opposition against grant decision is nine months. Deadline for appealing is two months of notification of decision plus four months for filing statement setting out the grounds of appeal. The patent judiciary under the EPC is often criticized for its fragmentation. In order to invalidate a European patent by judicial review, it is necessary to bring the relevant action in each EPC country in respect of which such a European patent has been granted. Even though the European patent in all these countries is granted in respect of the same invention, the court of one state is not bound by the judgment of another state. In terms of infringement of a European patent, an action may be found to be infringement in one jurisdiction, whereas it may not be found to be infringement in another. Consequently, it is not uncommon for courts to issue contradictory decisions in relation to the same European patent. With a lack of sufficient unification measures and divergent national court decisions interaction of national law and community law might have been determined by the case law of the Court of Justice of the EU [Abdullin 2012:99].

The fragmented nature of the judiciary's adjudication of European patent disputes is due to various interrelated factors. Some of them will be highlighted and discussed: structural heterogeneity of judiciaries, different approaches to claim interpretation and jurisdictional issues.

Structural heterogeneity of national patent judiciaries. This problem is reflected in the national judiciaries of leading European countries in terms of the number of European patents granted. For ex-

ample, in Germany, infringement cases are heard by twelve regional courts (Landregichte), which consider the patent as it is (i. e. without having jurisdiction to decide on its validity or lack thereof). The Federal Patent Court (Bundespatentgericht), which is a separate judicial institution, hears patent invalidation suits. In France, there is only one judicial body (Tribunal de Grande Instance), which has jurisdiction to hear both infringement and invalidation actions. In the UK, patent disputes are heard by either the Intellectual Property Enterprise Court or the Patent Court, depending on the value of the claim and the complexity of the case [Cremers, Ernicke, Gaessler, Harhoff, Helmers, McDonagh, Schliessler, van Zeebroeck 2017:1-44]. And in total, 38 countries are parties to the EPC. Obviously, associated with this are the high financial costs of long-standing litigation involving experts in the relevant area of law and technology in multiple jurisdictions.

Jurisdictional issues. In the EPC countries, the jurisdictional aspects of resolving most types of disputes, including patent disputes, are determined by the so-called Brussels I Regulation⁵, which is adopted within the EU, and the Lugano Convention⁶, to which both the EU itself and a number of non-EU European Patent Convention countries are parties. In accordance with both legal acts, the dispute is generally examined at the place of location of the defendant, although other criteria are provided, for example, at the place of infringement of the European patent, at the location of the branch or representative office of the defendant, at the location of one of the co-defendants, at the place of examination of the main claim - in case of counterclaim.

In other words, the Brussels I Regulation and the Lugano Convention provide the legal basis for so-called forum shopping. In this regard, both legal acts define the so-called *lis pendens* rules, which imply the suspension by the courts of different countries of the accepted proceedings of a case brought on the same grounds and between the same parties, except for the court that first accepted the claim for consideration. All of this, taken together, makes it possible to apply such a legal trick, which is known as *torpedo* action. The procedure is as follows.

The patent or procedural laws of a number of European countries provide for such a remedy as a

⁵ Regulation (EU) No. 1215/2012 of the European parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgements in civil and commercial matters (recast). OJ L 351, 20.12.2012. P. 1-32.

⁶ Convention on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgements in civil and commercial matters. OJ L 339, 21.12.2007. P. 281-319.

“declaration of non-infringement”. In *The Tarty and The Maciej Rataj* case, the ECJ held that an action for declaration of non-infringement has the same legal basis as an action for infringement⁷. Accordingly, in those situations where an infringement claim is brought before the court of one state after the court of another State has already accepted a claim for a declaration of non-infringement, the principle of *lis pendens* comes into play. The legal trick “Italian torpedo” is based on the above-mentioned case law of the Court of Justice of the EU. In *Folien Fisher v. Ritrama*⁸, the ECJ allowed a claim for declaration of non-infringement of a European patent to be brought before the court both at the location of the holder of the European patent, acting in this case as a defendant, and at the court at the place of infringement. The essence of “torpedo action” is to hinder a potential patent dispute by filing a suit for a declaration of non-infringement in a court with long time limits for review [Vede 2020:25].

Different approaches to claim interpretation.

According to Article 69(1) EPC, the scope of legal protection granted by a European patent is determined by the claims of the invention and the descriptions and drawings are used to interpret them. The inclusion of this rule in the text of the EPC was due to the fact that only by understanding the principles on which the claims will be interpreted, the applicant will be able to properly formulate the relevant suggestions (patent claims) [Pila 2015:927]. However, a European patent, once granted, is subject to national law as if it were a national patent (with some exceptions provided for by the EPC).

By the time the EPC was adopted in European countries, two different approaches to the interpretation of claims for the purpose of determining the scope (limits) of legal protection granted by a patent had developed – the so-called “peripheral” and “central” methods. In practical terms, the use of one or the other approach means determining a narrower scope of protection due to the use of strict (literal) meaning of the claims or, on the contrary, a broader scope of protection because, first of all, the central idea of the

patented technical solution is revealed⁹. In order to ensure a uniform interpretation of the claims of an invention protected by a European patent by the national courts of different European countries, Article 69(1) of the EPC was adopted and supplemented by the Protocol on Interpretation¹⁰. This document left States wide latitude in applying different standards to the interpretation of claims, provided that they did not exceed the established limits. The disagreement over the rules of claims interpretation is illustrated by the approach of European courts to the so-called “doctrine of equivalence”, which, having been widely applied in the practice of German courts, was not recognized by British judges until recently [England 2016:689-690].

A landmark case is “Improver”, in which English and German courts reached conflicting conclusions regarding the use of the same protected invention in counterfeit products [Khuchua 2019:261-263]. This case, however, is not the only case in which courts in different EPC countries have reached conflicting decisions regarding the same European patent [Khuchua 2019:261-263]. Therefore, at the Munich Diplomatic Conference of 2000 the Protocol on Interpretation was supplemented by a second paragraph that essentially enshrined the application of the doctrine of equivalents in European patent litigation. The amended Protocol of Interpretation did not enter into force until the end of 2007, due to the extensive changes to the EPC adopted at that conference. By 2007, however, efforts to develop proposals for a unified judiciary patent system on the part of the EU institutions had intensified. We now turn back a few years again and look at this track in more detail.

2.5. Further proposals: 1999 to 2009

In 2003, the EPO Working Group on Litigation established in 1999 proposed a draft Agreement on the Establishment of a European Patent Litigation System, better known as the European Patent Litigation Agreement (EPLA)¹¹. The EPLA envisaged the establishment of a European Patent Judiciary as a new international organization open for

⁷ CJEU: case C-406/92. ECR I-5460, 1994.

⁸ CJEU: case C-133/11. ECLI:EU:C:2012:664.

⁹ Patent Litigation Manual and Terminology. Block 1. Procedures to obtain a patent and legal framework. – *European Patent Academy*. 2015. P. 95-135. URL: <https://e-courses.epo.org/pluginfile.php/1365/course/section/353/Patent%20litigation%20Manual%20and%20terminology%20-%20Block%201.pdf> (accessed date: 08.02.2024).

¹⁰ Protocol on the interpretation of the Article 69 EPC. – OJ EPO. 2001. Special edition No. 4. P. 17. URL: <https://www.epo.org/xx/legal/official-journal/2001/etc/se4/2001-se4.pdf> (accessed date: 08.02.2024).

¹¹ Draft Agreement on the Establishment of a European patent litigation system. Working Party on Litigation. 16.02.2004. URL: https://www.biicl.org/files/2465_european_patent_litigation_agreement.pdf (accessed date: 08.02.2024).

accession by any EPC member states. The bodies of the European Patent Judiciary were to be the European Patent Court and the Administrative Committee. In turn, the European Patent Court was to consist of the Court of First Instance, the Court of Appeal and the Registrar. In 2004, the European Commission proposed the creation of a Community Patent Court with a structure similar to that of the European Patent Court within the European Patent Judiciary [Falah, Koller, Stadler 2021:662]. Both proposals generated a great deal of interest among judges specialized in patent law, who advocated closer cooperation in this field¹².

A public consultation followed in 2006. The European Parliament believed that the EPLA required substantial improvements and asked its own legal service to prepare an interim opinion on the EU-related prospects for the possible conclusion of the EPLA by EU member states, in light of the consistency between the EPLA and the *acquis communautaire*, and to clarify legislative powers in this area. In 2007, the European Parliament's legal service issued a negative opinion on the EPLA because it concluded that the matters governed by the EPLA fall within the exclusive competence of the Community and therefore the member states are not entitled to conclude such an international agreement on their own [Wszolek 2021:1145-1146].

In 2009, the European Commission presented its own draft agreement on the establishment of the European and Community Patents Court (ECPC)¹³. The draft agreement was broadly similar to the EPLA and it was intended that accession to it would be open to non-EU states as well. However, in 2011, the draft agreement was rejected by the Opinion No. 1/09 of the Court of Justice of the EU (Opinion No. 1/09) as incompatible with the EU founding treaties¹⁴. In its Opinion, the CJEU emphasized that the proposed exclusive jurisdiction of the ECPC would deprive national courts "of their task as 'ordinary' courts within the European Union legal order, to implement

European Union law and, thereby, of the power provided for in Article 267 TFEU, or, as the case may be, the obligation, to refer questions for a preliminary ruling in the field concerned"¹⁵.

2.6. Unified patent package: from 2010 to 2012

Pursuant to the Treaty of Lisbon, the European Parliament and the Council, acting in accordance with the ordinary legislative procedure, establish measures for the establishment of European intellectual property rights to ensure uniform protection of intellectual property rights throughout the Union and to establish centralized EU-wide mechanisms for authorization, coordination, supervision; The Council, acting in accordance with a special legislative procedure and unanimously after consultation with the European Parliament, shall, by means of regulations, establish the linguistic conditions for European intellectual property rights (Article 118 TFEU).

The inability to reach a political compromise over disagreement on translation rules due to numerous protests along with other reasons has led to the use of mechanisms to implement enhanced cooperation measures with a view to the European Commission's efforts to introduce an EU patent granting uniform protection¹⁶. In 2012, on the basis of Article 118 TFEU, EU countries agreed on a legislative initiative consisting of two regulations and an international treaty. Regulation (EU) No 1257/2012 introduced "uniform patent protection" in the EU Member States participating in enhanced cooperation¹⁷. In this sense, a European patent granted by the EPO should have unitary effect and be called a European patent with unitary effect (EPUE or unitary patent). Once a European patent has been granted, its owner may request the EPO to enter the unitary effect in a special register. The second EU legal act adopted under enhanced cooperation, Regulation (EU) No 1260/2012, defined the rules for the translation of such patents¹⁸.

¹² Resolution passed by the named judges specializing in patent law at the judge's forum held in San Servolo, Venice. October 14–16, 2005.

¹³ Draft agreement on the European and Community Patents Court and Draft Statute 7928/09 (PI 23). URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/09/st07/st07928.en09.pdf> (accessed date: 07.02.2024).

¹⁴ CJEU: Opinion 1/09 of 8 March 2011, ECR 2011, I-01137.

¹⁵ CJEU: Opinion 1/09, para. 80.

¹⁶ 2011/16/EU: Council Decision of 10 March 2011 authorizing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection. OJ L 76, 31.12.2012. P. 53-55.

¹⁷ Regulation (EU) No. 1257/2012 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2012 implementing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection.

¹⁸ Regulation (EU) No. 1260/2012 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2012 implementing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection with regard to the applicable translation arrangements.

2.7. Agreement on the Unified Patent Court: 2013 to 2023

According to Regulation (EU) No 1257/2012, a unitary patent gives its owner the right to prohibit any third party from performing acts in respect of which the patent provides protection, but the scope of this right and its limitations are to be determined by the Agreement on the Unified Patent Court (which is better known as the UPCA). The above regulations therefore emphasize that ratification of the UPCA by the requisite number of its contracting states is of paramount importance. The UPCA is named as a third element of the unitary patent package [Visser 2019].

The geographical scope of a single European patent may not correspond to all EU countries involved in advanced cooperation, despite the indivisible nature of such a patent. The granting of an EPUE depends on the application of UPCA in the relevant territory. The unitary nature of the validity of the EPUE will not be available in those countries which, although participating in advanced cooperation, are still not non-adhering or have not ratified UPCA.

Under UPCA, this international treaty is subject to ratification by thirteen contracting states, including France, Germany and Italy. It was originally intended that, instead of Italy, the UK's instrument of ratification would be mandatory for UPCA to enter into force. Although the UK successfully ratified the UPCA and this country seemed to have a string desire to be a part of the newly established court¹⁹, Brexit forced the country to withdraw its instrument of ratification because membership of the Unified Patent Court (UPC) requires compliance with EU law, at least as far as European patents are concerned, which was not in line with the objectives of Brexit²⁰.

In Germany, due to a constitutional complaint filed against the UPCA ratification act, the Federal Constitutional Court (FCC) asked the German President not to sign the law. In 2020, the complaint was upheld for violating procedural requirements. The FCC qualified the UPCA as an international agreement "supplementing or being otherwise closely tied to the European Union's integration agenda" [Graf von Luckner 2022:168], i. e. those international

agreement by which EU Member States take integration steps outside of EU law [Graf von Luckner 2022:169]. Then the ratification of the UPCA by the required two-thirds majority followed, followed by two more constitutional complaints, which, however, were declared inadmissible by the FCC in 2021, and on February 17, 2023, Germany finally deposited its instrument of ratification, becoming the 17th state party to the UPCA.

Although the UPCA is an instrument of international law which was developed outside of EU legal framework but is problematically interdependent with EU law [De Lange 2021:1078], it explicitly states that the UPC shall apply EU law in its entirety and respect its supremacy (Art. 20 UPCA). To this end, the UPC not only replaces national courts in the exercise of exclusive jurisdiction to hear disputes over both unitary and classical European patents but is also considered a part of their judiciary. Like any national court, the UPC must cooperate with the Court of Justice of the EU, i. e. request so-called adjudicated decisions from it, in order to ensure the correct application and uniform interpretation of EU law (Art. 21 UPCA). These provisions reflect the position of the Court of Justice of the EU as set out in Opinion No. 1/09 [Wszolek 2021:1147].

The UPC is a patent judiciary consisting of the Court of First Instance, the Court of Appeal and the Registry. The Court of First Instance consists of a central unit located in Paris, as well as local and regional units. The central division of the Unified Patent Court is located in Paris with sections in Milan and Munich. At the time of writing, thirteen local branches have been established. Estonia, Latvia, Lithuania, Sweden and Latvia have agreed to establish a North Baltic Regional Office of the UPC. The UPC is to be composed of both legally and technically qualified judges appointed by the Advisory Committee.

Although having started its work on June 1, 2023 by the end of last year the UPC had registered a total of 160 cases with 67 infringement suits and 24 invalidation actions and the first judgments were handed down in September 2023, there is still uncertainty about the legal fundamentals of the UPC [Baldan 2022:6].

¹⁹ Patents if there's no Brexit deal. Guidance. 24.09.2018. Withdrawn on 26.09.2019. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/patents-if-theres-no-brexit-deal/patents-if-theres-no-brexit-deal> (accessed date: 08.02.2024).

²⁰ UK withdraws ratification of the Unified Patent Court Agreement. – *Kluwer Patent Blog*. 2020. URL: <https://patentblog.kluweripr.com/2020/07/20/uk-withdraws-ratification-of-the-unified-patent-court-agreement/> (accessed date: 08.02.2024).

3. Prospects for the development of a Patent judiciary under the Eurasian patent convention

The EAPC was signed in 1994 and entered into force in 1995. Under the EAPC the Eurasian Patent Organisation (EAPOrg) was established and its executive, the Eurasian Patent Office (EAPO), is responsible for granting Eurasian patents for inventions through a centralized procedure conducted entirely in Russian, available in the EAPC member states. The EAPOrg is an international organization operating outside the legal order of the Eurasian Economic Union (EAEU) and previous integration associations.

In 2019, the EAPC was supplemented by a Protocol for the Protection of Industrial Designs, for which Eurasian patents have been granted since 2021. In 2023, the EAPOrg Development Plan until 2028 was adopted, according to which it is expected to expand the range of intellectual property objects protected under the EAPOrg to trademarks and utility models. This circumstance may speak in favor of potential centralization of legal protection of intellectual (industrial) property objects within the EAPOrg, which will qualitatively distinguish the EAPOrg from the EPOrg. This will also be important when considering the prospects of development and improvement of the system of patent dispute resolution within the EAPO.

Under the EAPC the examination procedure of a Eurasian patent is completely centralized from filing to grant. Once granted the Eurasian patent is valid in each EAPC countries without any validation procedures, but it must be maintained by payment of annual fees in respect of each EAPOrg member states in which its validity is desired. The Eurasian patent may be revoked fully or partially or amended through the centralized post-grant opposition procedure and administrative revocation procedure. In the Eurasian patent has been revoked, it is considered to be invalid in all EAPC countries from the date of the patent grant decision (centralized invalidation procedure). It may be appealed to the EAPO President whose decision is final. Then the Eurasian patent may be invalidated only in national courts or other competent authorities, whose decisions may affect only the respective “national” part of the Eurasian patent (decentralized invalidation procedure).

The EAPC establishes that the owner of a Eurasian patent has the exclusive right to use, also to

authorize or prohibit others from using the patented invention (Art. 9 EAPC), while the scope of the exclusive right to it is disclosed in the rules of the Patent Regulation (e. g. Rules 16–19). In other words, the exercise of rights under the Eurasian patent is based on a single legal regulation, which clearly speaks in favor of the more unitary nature of the Eurasian patent compared to the European patent [Eremenko 2011:13]. As regards the patent claim interpretation under the EAPC and the Patent Regulation middle way to be found between the two extreme approaches (broad and strict interpretation) that it describes [Grigoriev, Eremenko 2012:66]. Litigation over Eurasian patent takes on national basis: national courts of the EAPOrg member countries resolve disputes concerning infringement or validity of Eurasian patents on the ground of the EAPC and the Patent Regulation, but with the application of national rules of their procedural legislation. Thus, the Eurasian patent like the classical European patent has the “bundle” nature, but unlike the EPC (before the UPCA’s entry into force) having more uniform post-grant regulation.

While earlier the creation of a specialized court within the EAPO was only occasionally discussed [Grigoriev 2007:10; Eremenko 2011:13], at present there is a growing interest in discussing the prospects of creating a single judicial body to hear disputes over Eurasian patents. Thus, in 2020, the former head of Rospatent, Mr. Grigory Ivliev, proposed to discuss approaches to the development of the dispute examination system within the Eurasian Patent Organization, taking into account the European experience, “including with regard to... invalidation of a Eurasian patent by creating an appropriate Eurasian jurisdiction” [Ivliev 2020:211]. Already being the 4th President of the EAPO, he began to actively speak in favor of the creation of an appropriate jurisdiction in view of the potential expansion of the number of intellectual property objects that can be granted legal protection under the EAPOrg [Ivliev 2024:23]. In 2023, the relevant area of EAPOrg activity was officially included in the EAPOrg Development Program until 2028. The draft Eurasian Intellectual Property Development Strategy 2035 (Draft Strategy – 2035) identifies the creation of the Eurasian Intellectual Property Rights Court (EAIPRC) as one of the tasks to achieve the set goals²¹.

²¹ Proekt Evrazijskoj strategii razvitiya v sfere intellektual'noj sobstvennosti do 2035 goda (Strategiya – 2035) [Draft of Eurasian strategy in the filed of intellectual property until 2035 (Strategy 2035)]. URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/12/nir-razrabotka-proekta-evrazijskoj-strategii-razvitiya-intellektualnoj-sobstvennosti-do-2035-goda.pdf> (accessed date: 08.02.2024).

It is not by chance that the Draft Strategy – 2035 speaks about the prospects of creating EAIPRC, i. e. as a judicial body to resolve disputes on several intellectual property objects. First, the relatively small number of judicial disputes on Eurasian patents (and in some EAPOrg countries such disputes are not known at all) indicates the inexpediency and futility of creating a single specialized court whose jurisdiction could be limited only to patent disputes on inventions (similar to the UPC). Secondly, one should take into account the potential expansion of the EAPO's powers to grant legal protection to other industrial property objects, including trademarks and utility models. In the conditions of possible centralization of systems of legal protection of industrial property objects, the establishment of the EAIPRC will allow to ensure uniform practice of law enforcement.

It is noted that the number of disputes over the Eurasian patents are relatively low in comparison with European patents. In accordance with EAPOrg's annual reports a tendency of the recent years is a low number of appealed decisions of refusal to grant Eurasian patent and oppositions against grant of Eurasian patents (less than 1 % of the total number of patents granted per year)²². The Draft Strategy – 2035 reflects insignificant invalidation actions filed against the Eurasian patents both in national courts and through opposition procedure, but the most numbers of revocation actions were filed in Russia²³.

4. Conclusions

European countries have accumulated an impressive experience in the creation and development of dispute resolution mechanisms for European patents, which should be given special attention when assessing the prospects for the introduction of simi-

lar mechanisms in the framework of Eurasian integration processes (EAEU, EAPOrg, etc.). The periodization of the initiatives to establish the European Patent Court proposed in this study is aimed at highlighting its possible institutional models depending on its jurisdiction, composition and correlation with the EU Court of Justice.

For example, the institutional model of the Unified Patent Court can be labeled as “absolutely supranational”, i. e. it does not envisage the division of jurisdiction between it and the national courts of its member states (leaving aside the seven-year transitional period envisaged by the UPCA). In turn, the CPC 1975 envisaged a “mixed” institutional model of judiciary, where national courts retained jurisdiction to hear disputes over infringement of Community patents, while disputes over invalidation were to be heard by the relevant divisions of the EPO under the judicial control of the Court of Justice of the EEC. The ECPC was another institutional model, which was intended to bring together, on the one hand, the countries belonging to the EU as a key regional integration association and, on the other hand, other European countries.

EAPOrg proposal for creation of a supranational judicial body with the competence to adjudicate disputes over Eurasian intellectual (industrial) property rights (something similar to the UPC) sounds attractive. It is justified by the possible expansion of the powers of the EAPO to trademarks and utility models. In other words, the EAPOrg tends to be a centralized system of protection of industrial property by expansion its power to grant Eurasian regional trademarks and utility models that inevitably leads to increase the number of contentious matters. Therefore, the EAPOrg Development Plan demonstrates the prospects of establishment of a supranational judicial body with a wider jurisdiction than the UPC.

References

1. Abdullin A.I. *Mehanizm vzaimodejstvija Suda ES i nacional'nyh sudov gosudarstv-chlenov v sfere pravovoj ohrany intellektual'noj sobstvennosti* [Mechanism of interaction of the Court of EU and national courts of member states in the field of intellectual property protection]. – *Vestnik Jekonomiki, Prava i Sociologii* [Herald of Economy, Law and Sociology]. 2012. No. 2. P. 97-101. (In Russ.)
2. Baldan F. *Judicial Coherence in the European Patent System. Lessons from the US and Japan*. Cheltenham, UK. Edward Elgar. 2022. 304 p.
3. Cremers K., Ernicke M., Gaessler F., Harhoff D., Helmers C., McDonagh L., Schliessler P., van Zeebroeck N. Patent litigation in Europe. – *European Journal of Law*

²² Annual Reports of the Eurasian Patent Organization. URL: <https://www.eapo.org/en/documents-2/annual-reports/> (accessed date: 08.02.2024).

²³ Proekt Evrazijskoj strategii razvitija v sfere intellektual'noj sobstvennosti do 2035 goda (Strategija – 2035) [Draft of Eurasian strategy in the field of intellectual property until 2035 (Strategy 2035)]. P. 46. URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/12/nir-razrabotka-proekta-evrazijskoj-strategii-razvitiya-intellektualnoj-sobstvennosti-do-2035-goda.pdf> (accessed date: 08.02.2024).

- and Economics. 2017 Vol. 44. P. 1-44. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10657-016-9529-0>.
4. De Lange D. EU patent harmonization policy: reconsidering the consequences of the UPCA. – *Journal of Intellectual Property & Practice*. 2021. Vol. 16. No. 10. P. 1078-1090. DOI: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpab096>.
 5. England P. The scope of protection of patent claims in Europe and the UPC. – *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2016. Vol. 11. Issue 9. P. 689-697. DOI: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpw116>.
 6. Eremenko V.I. Vozmozhnye puti razvitiya Evrazijskoj patentnoj sistemy [Possible ways of developments of the Eurasian patent system]. – *Izobretatel'stvo [Inventiveness]*. 2011. No. 5. P. 7-14. (In Russ)
 7. Fallah S.M., Koller A., Stadler M. The UPCA's Path to Entry into Force between Delayed and Withdrawn Ratifications – Dead-end Street or Bumps in the Road? – *Journal of European and International IP Law*. 2021. Vol. 70. Issue 7. P. 662-666. DOI: <https://doi.org/10.1093/grurint/ikab007>.
 8. Froschmaier F. Some Aspect of the Draft Convention Relating to a European Patent Law. – *International & Comparative Law Quarterly*. 1963. Vol. 12. No. 3. P. 896.
 9. Graf von Luckner J. The End of Satellite Treaty Law as We Know It? The German Federal Constitution Court, European Integration by International Law and Treaties "Supplementing or Being Otherwise Closely Tied to the EU". – *German Law Journal*. 2022. No. 23. P. 157-172. DOI: <https://doi.org/10.1017/glj.2022.14>.
 10. Grigor'ev A.N., Eremenko V.I. *Evrazijskoe Patentnoe Pravo: Kommentarij i normativnye pravovye akty [Eurasian Patent Law: Comments and Legal Acts]*. Moscow, OAO INIC «PAT-ENT». 2012. 520 p. (In Russ)
 11. Grigor'ev A.N. Evrazijskaja patentnaja sistema – instrument jekonomicheskoy integracii na postsovet'skom prostranstve [Eurasian patent system – an instrument of economic integration in the post-Soviet area]. – *Jekonomicheskie strategii [Economic strategies]*. 2007. No. 3. P. 6-13. (In Russ.)
 12. Ivliev G.P. Srednesrochnye i dolgosrochnye zadachi prava v sfere intellektual'noj sobstvennosti v Evrazijskom regione [Mid-term and long-term challenges of law in the field of intellectual property in Eurasian region]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]*. 2024. No. 1. P. 18-24. (In Russ.)
 13. Ivliev G.P. *Transformacija sfery intellektual'noj sobstvennosti v sovremennyh uslovijah [Transformation of field of intellectual property in modern conditions]*. – Moscow. Gorodets. 2020. 336 p. (In Russ.)
 14. Khuchua T. Different 'Rules of the Games' – Impact of National Court Systems on Patent Litigation in the EU and the Need for New Perspectives. – *Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law*. 2019. Vol. 10. No. 2.
 15. Kranakis E. Patents and Power: European Patent-System Integration in the Context of Globalization. – *Technology and Culture*. 2007. Vol. 48. No. 4. P. 689-728.
 16. Kur A., Dreier T. *European Intellectual Property Law. Text, cases and materials*. Cheltenham, UK. Edward Elgar. 592 p.
 17. Nicolai T.R. The European Patent Convention: A Theoretical and Practical Look at International Legislation. – *The International Lawyer*. 1971. No. 5. P. 135-164.
 18. Pila J. European Patent: An Old and Vexing Problem. – *International and Comparative Law Quarterly*. 2013, Vol. 62. No. 4. P. 917-940. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020589313000304>.
 19. Plomer A. A Unitary Patent for A (Dis)United Europe: The Long Shadow of History. – *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. Vol. 46. 2015. P. 517-533. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40319-015-0356-6>.
 20. Thompson D. The Draft Convention for a European patent. – *International & Comparative Law Quarterly*. 1973. Vol. 22. No. 1. P. 51-82.
 21. Vede lu. V. Torpedoklage as kind of abuse of the procedural rights. – *European Journal of Law and Political Sciences*. 2020. No. 1. P. 23-26. DOI: <https://doi.org/10.29013/EJLPS-20-1-23-26>.
 22. Visser D. *Visser's Annotated European Patent Convention*. Kluwer. 2019. 976 p.
 23. Wszolek A. Still Unifying? The Future of the Unified Patent Court. – *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2021. No. 52. P. 1145-1146. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40319-021-01123-0>.

Информация об авторах

Рустам Альбертович КАСЬЯНОВ,

доктор юридических наук, профессор кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

r.kasyanov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-2946-5744

About the Authors

Rustam A. KASYANOV,

Doctor of Judicial Sciences, Professor of Department of Integration Law and Human Rights, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

r.kasyanov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-2946-5744

Ихлас Мурадович ЯЗБЕРДИЕВ,

аспирант кафедры интеграционного права и прав человека, юрист, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

ООО «Иванов, Макаров и Партнеры»

Даев пер., д. 20, Москва, 107045, Российская Федерация

yazberdiev_i_m@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0005-3504-8252

Ihlas M. YAZBERDIEV,

Post-graduate student, Department of Integration Law and Human Rights, Attorney, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

Ivanov, Makarov & Partners

20, Daev Lane, Moscow, Russian Federation, 107045

yazberdiev_i_m@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0005-3504-8252

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-57-79>

Исследовательская статья
УДК: 341.3
Поступила в редакцию: 05.06.2023
Принята к публикации: 15.02.2024

Сергей Александрович ЛОБАНОВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского проспект, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Яна Джамалутдиновна СУРХАЕВА

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского проспект, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
Yano4ka.02@inbox.ru
ORCID: 0009-0008-8262-0946

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность темы исследования определяется, во-первых, возрастающим значением энергетической дипломатии для решения современных проблем, возникающих в сфере международного энергетического сотрудничества, во-вторых, значимостью изучения проблем энергетической дипломатии с точки зрения науки международного права. Несмотря на то что энергетическая дипломатия формируется и реализует свой потенциал в международно-правовой среде, ей не уделяется должного внимания в юридической литературе, в том числе в научных работах по международному праву, что, в свою очередь, выглядит пробелом международно-правовой науки.

Цель работы – обосновать международно-правовое понятие энергетической дипломатии, выявить ее связь с классической моделью дипломатии и одновременно специфику, предметно обозначить основные направления взаимосвязи энергетической дипломатии и международного права.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Проанализированы относящиеся к теме научные труды, международные договоры и документы международного права, акты национального законо-

дательства государств. В качестве метода исследования использованы общенаучные и специальные методы познания, в том числе сравнительно-правовой и формально-юридический.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Энергетическая дипломатия производна от классической модели дипломатии. Существуют разнообразные трактовки дипломатии, акцентирующие внимание на ее различных аспектах и проявлениях. В статье обосновывается понимание дипломатии как средства осуществления внешней политики государства при помощи деятельности специальных субъектов (органов внешних сношений), применяющих невоенные приемы и методы в соответствии с международным правом. Прослеживается эволюция дипломатии и появление ее новых форм, отмечаются их особенности и международно-правовая составляющая. С учетом специфики энергетики, международного энергетического сотрудничества, их правового обеспечения с опорой на потенциал международного и национального права обосновывается самостоятельный характер энергетической дипломатии, ее возрастающая роль в современных условиях. Выявлены особенности энергетической

дипломатии и предложено ее понятие, учитывающее международно-правовую составляющую. В современных условиях не сложились полноценные нормативно-правовые и институционально-правовые основы внешней энергетической политики и энергетической дипломатии Европейского союза (далее – ЕС). Отмечено, что легитимность применяемых в энергетической дипломатии рядом государств односторонних ограничительных мер небесспорна с точки зрения международного права. Предметно обозначены основные направления взаимосвязи энергетической дипломатии и международного права, выделены варианты легитимации национальных интересов государств в энергетической сфере с опорой на потенциал международного права.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Основные выводы проведенного исследования состоят в следующем. Во-первых, энергетическая дипломатия выступает новым функциональным направлением дипломатической деятельности. Она имеет единую сущность с классической дипломатией (служить средством осуществления внешней политики в соответствии с международным правом) и одновременно характеризуется рядом производных от энергетического сектора и энергетического права особенностей (специальная направленность на реализацию целей и задач внешней энергетической политики государства, участие в ней энергетических ведомств и подключение энергетических компаний, применяемые методы). Во-вторых, энергетическая дипломатия и международное право в процессе своего развития и функциони-

рования взаимосвязаны и оказывают взаимовлияние друг на друга. Международное право определяет правовые рамки и формы реализации энергетической дипломатии (как и в целом дипломатической деятельности), а также играет определяющую роль в легитимации национальных интересов государств в сфере внешней энергетической политики, осуществляемой посредством энергетической дипломатии. В свою очередь, энергетическая дипломатия с опорой на потенциал международного права содействует обеспечению энергетической безопасности (национальной и международной) и тем самым – поддержанию международного энергетического правопорядка. В целом, энергетическая дипломатия оказывает влияние на процесс создания и действия норм международного права и вносит вклад в развитие международного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: энергетическая дипломатия, дипломатия, международное энергетическое сотрудничество, внешняя энергетическая политика, международное право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лобанов С.А., Сурхаева Я.Д. 2024. Международно-правовой подход к пониманию энергетической дипломатии. – Московский журнал международного права. № 1. С. 57–79. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-57-79>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-57-79>

Research article

UDC: 341.3

Received 5 June 2023

Approved 15 February 2024

Sergey A. LOBANOV

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Yana J. SURKHAYEVA

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
Yano4ka.02@inbox.ru
ORCID: 0009-0008-8262-0946

INTERNATIONAL LEGAL APPROACH TO UNDERSTANDING ENERGY DIPLOMACY

INTRODUCTION. *The relevance of the research topic is determined, firstly, by the increasing importance of energy diplomacy for solving modern problems arising in the field of international energy cooperation, and secondly, by the significance of studying the problems of energy diplomacy from the point of view of the science of international law. Despite the fact that energy diplomacy is being formed and realizing its potential in the international legal environment, it is not given adequate attention to its role in the legal literature, including in scientific works on international law, which, in turn, looks like a gap in international legal science.*

The purpose of the work is to substantiate the international legal concept of energy diplomacy, to identify its connection with the classical model of diplomacy and at the same time specific, to objectively identify the main directions of the relationship between energy diplomacy and international law.

MATERIALS AND METHODS. *When writing the work, scientific works related to the topic, international treaties and documents of international law, acts of national legislation of states are analyzed. General scientific and special methods of cognition, including comparative legal and formal legal, were used as a research method.*

RESEARCH RESULTS. *Energy diplomacy is derived from the “classical” model of diplomacy. There are various interpretations of diplomacy, focusing on its various aspects and manifestations. The article substantiates the understanding of diplomacy as a means*

of implementing the state’s foreign policy through the activities of special entities (bodies of foreign relations) using non-military techniques and methods in accordance with international law. The evolution of diplomacy and the emergence of its new forms are traced, their specificity and international legal component are noted. Taking into account the specifics of energy, international energy cooperation, their legal support based on the potential of international and national law, the independent nature of energy diplomacy, its increasing role in modern conditions is substantiated. The specific features of energy diplomacy are identified and its concept is proposed, taking into account the international legal component. In modern conditions, full-fledged regulatory and institutional legal foundations of the EU’s foreign energy policy and energy diplomacy have not developed. It is noted that the legitimacy of unilateral restrictive measures applied in energy diplomacy by a number of states is indisputable from the point of view of international law. The main directions of the relationship between energy diplomacy and international law are outlined in detail, options for legitimizing the national interests of states in the energy sector based on the potential of international law are highlighted.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The main conclusions of the study are as follows. Firstly, energy diplomacy is a new functional area of diplomatic activity. It has a single essence with “classical” diplomacy (to serve as a means of implementing foreign policy, in accordance with international law) and, at the same*

time, is characterized by a number of features derived from the energy sector and energy law (a special focus on the implementation of the goals and objectives of the state's foreign energy policy, the participation of energy departments in it and the connection of energy companies, methods used in it). Secondly, energy diplomacy and international law in the process of their development and functioning are mutually linked and have a reciprocal influence. International law, firstly, defines the legal framework and forms of implementation of energy diplomacy (as well as diplomatic activity in general), and secondly, plays a decisive role in legitimizing the national interests of states in the field of foreign energy policy carried out through energy diplomacy. In turn, energy diplomacy, relying on the potential of international law, contributes to ensuring energy security (national and international) and,

thereby, to maintaining the international energy order. In general, energy diplomacy influences the process of creation and operation of international law norms and contributes to the development of international law.

KEYWORDS: energy diplomacy, diplomacy, international energy cooperation, foreign energy policy, international law

FOR CITATION: Lobanov S.A., Surkhayeva Ya.J. International Legal Approach to Understanding Energy Diplomacy. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 1. P. 57–79. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-57-79>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Категория «энергетическая дипломатия» введена в научный оборот относительно недавно, при этом используется политическими деятелями и активно разрабатывается представителями целого ряда наук (экономики, политологии, истории и др.)¹. Возрастающий интерес к энергетической дипломатии со стороны ученых и практиков, в свою очередь, объясняется ее потенциалом для обеспечения энергетической безопасности и для расширения возможностей энергетического сектора (соответствующей страны, либо регионального межгосударственного объединения) в современных условиях международного сотрудничества и соперничества в энергетической сфере². Исследователи подчеркивают особую значимость междисциплинарного подхода к изучению энергетической дипломатии [Жизнин, Трусова 2019:475-476].

Вместе с тем, как это ни странно, феномен энергетической дипломатии пока не получил адекватного его теоретической и практической значимости отражения в юридической литературе, включая литературу по международному праву. Так, в отдельных публикациях [Жукова 2010:51-54] рассматриваются некоторые правовые аспекты энергетической дипломатии, однако монографические исследования, посвященные проблеме энергетической дипломатии в контексте международно-правового регулирования, отсутствуют.

Принимая во внимание то обстоятельство, что энергетическая дипломатия формируется и реализует свой потенциал в условиях международно-правовой среды и подвержена международно-правовому регулированию, данная ситуация выглядит пробелом науки международного права и, как представляется, не только обедняет понимание рассматриваемого феномена, но и,

¹ См., напр.: Богучарский М.Е. *Энергетическая дипломатия Европейского Союза*. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2005; Григорьева О.В. *Энергетическая дипломатия стран Северной Европы: процесс становления и перспективы развития*. Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2015; Жизнин С.З. *Основы энергетической дипломатии: учеб. пособие*. М.: МГИМО-Университет, 2017; Райнхардт Р.О. *Сравнительный анализ систем экономической дипломатии в странах Европейского Союза*. Дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2015; Серегина А.А. *Экономико-энергетическая дипломатия в условиях четвертого энергоперехода: учеб. пособие*. М.: ИНФРА-М, 2022; Черницына С.Ю. *Роль энергетической дипломатии во внешней политике России*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015 и др.

² Подробнее о сочетании сотрудничества и соперничества в международных отношениях, см., напр., [Боровский 2018].

по всей видимости, сдерживает развитие энергетической дипломатии, снижает ее эффективность.

2. Дипломатия – средство осуществления внешней политики в соответствии с международным правом

Следует начать с того, что энергетическая дипломатия производна от понятия «дипломатия», последнее выступает по отношению к первому как родовое. Имеющий греческое происхождение, термин «дипломатия»³ используется в официальных документах для обозначения официальной деятельности по ведению международных дел начиная с середины XVII в. Постепенно происходит теоретическое осмысление дипломатии как искусства и науки ведения международных дел и переговоров. В дальнейшем дефиниции дипломатии эволюционируют, отображая изменения в данном феномене во взаимосвязи с развитием международных отношений [Попов 2010:14-16].

Как отмечают исследователи [Монастырецкая 2015:83-86], в настоящее время дипломатию трактуют в широком (как совокупность разнообразных средств, методов и правовых форм, к которым прибегает государство в процессе осуществления своих внешних функций) и узком (как искусство осуществления международной политики путем представительства своей страны в международных отношениях) смысле слова. С широких позиций дипломатию также рассматривают и как «способ влияния на принятие решений зарубежными акторами и их поведение через диалог и переговоры, то есть через невоенные и ненасильственные методы» [Зонова 2014:7].

В целом же, как не без оснований отмечено в литературе, «определение дипломатии пока не получило однозначной и всеми признанной формулировки и подчас порождает немало споров» [Уртаева 2011:4].

Изучение специальной литературы позволяет также вести речь о преемственности и развитии научных подходов к пониманию дипломатии, ее форм и связи с международным правом.

Авторитетный отечественный ученый в области международного права Д.Б. Левин определял дипломатию как деятельность глав государств, правительств, ведомств иностранных дел, специальных делегаций и миссий, дипломатических представительств по осуществлению мирными средствами целей и задач внешней политики государства [Левин 1962:14-15].

Согласно Дипломатическому словарю, дипломатия – это «средство осуществления внешней политики государства, представляющее собой совокупность невоенных практических мероприятий, приемов и методов, применяемых с учетом конкретных условий и характера решаемых задач; официальная деятельность глав государств и правительств, министров иностранных дел, дипломатических представительств за рубежом, делегаций на международных конференциях по осуществлению целей и задач внешней политики государства, защите прав и интересов государства, его учреждений и граждан за границей»⁴. Здесь же отмечено: «С понятием „дипломатия“ связывают искусство ведения переговоров в целях урегулирования международных конфликтов, поисков компромиссов и взаимоприемлемых решений, а также расширения и углубления международного сотрудничества»⁵.

Дипломатия (в ее классическом понимании), как это следует из приведенных дефиниций, обладает рядом отличительных признаков: выступает средством осуществления внешней политики государства; носит официальный характер (проявляющий себя среди прочего в официально закреплённом круге полномочных на ее осуществление субъектов); реализуется посредством невоенных (не связанных с применением силы) мероприятий, приемов и методов; направлена на защиту национальных интересов государства за его пределами, предупреждение и урегулирование международных конфликтов, содействие международному сотрудничеству.

Представляется, что понимание дипломатии в качестве средства осуществления внешней политики и деятельности государства (в лице его органов и должностных лиц, наделенных

³ Словом *diplōma* в Древней Греции именовались сдвоенные таблички с нанесенными на них письменами, выдававшиеся посланниками по мере прибытия в страну, в качестве верительных грамот и документов, подтверждающих их полномочия. См.: *Российский энциклопедический словарь*. Кн. 1. Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 2001. С. 460.

⁴ *Дипломатический словарь*: в 3 т. Т. 1. Под ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалева, П.П. Севостьянова, С.Л. Тихвинского. М.: Наука, 1984. С. 327.

⁵ Там же.

соответствующими полномочиями) не заключает в себе противоречия. Более того, такой подход позволяет выявить содержательную и институциональную связь дипломатии и внешней политики.

В целом, как отмечает Е.Я. Павлов, «дипломатия, в ее классическом варианте, представляет прежде всего политическую деятельность компетентных государственных органов, направленную на реализацию внешней политики государства» [Павлов 2018:102].

В свою очередь, внешняя политика государства определяется в различных словарях, как «общий курс государства в международных делах»⁶, «политика, призванная регулировать взаимоотношения между государствами и народами на международной арене»⁷, «сфера деятельности государства, которая охватывает отношения между государствами»⁸.

Заметим, что согласно подходу, отраженному в современной отечественной литературе по международному праву, частью внешней политики государства является его (государства) международно-правовая политика (последняя, как отмечает В.С. Хижняк «направлена на решение именно юридических вопросов») [Хижняк 2021:5]. Исследовавшая проблему международно-правовой политики государств в современном международно-правовом порядке О.С. Магомедова понимает под международно-правовой политикой государства деятельность государства (его органов и представителей), определяемую его национальными интересами, направленную «на международно-правовую легитимацию позиций данного государства, занятых по вопросам международного права»⁹. А.Н. Вылегжанин и И.П. Дудыкина, проанализировав ряд актуальных вопросов проблемы международно-правовой политики государства, также при ее характеристике используют термины «внешняя правовая политика», «внешняя юридическая

политика государства» [Вылегжанин, Дудыкина 2016:21-37].

Важно отметить, что в некоторых определениях дипломатии, данных юристами-международниками, указано также на ее связь с международным правом.

По обоснованному мнению И.Н. Арцибасова, «дипломатия – это важнейшее средство осуществления внешней политики государства, это важнейший инструмент создания норм международного права. При проведении внешней политики государства должны соотноситься свои действия со своими обязательствами по международным делам»¹⁰.

Как отмечает П.Н. Бирюков, «дипломатическая деятельность государств регулируется нормами международного и национального права, в которых устанавливаются органы внешних сношений государств, регламентируются их полномочия, определяются формы дипломатической деятельности и другие вопросы»¹¹. В свою очередь, к правовым формам (урегулированным нормами международного права, мероприятиям, приемам и методам дипломатической деятельности государств) указанным автором отнесены: международные переговоры, заключение международных договоров, дипломатическая переписка, представительство государств в международных организациях и участие в работе международных конференций¹².

Констатация взаимосвязи дипломатии и международного права, проводимая в работах ряда юристов-международников [Ашавский 2018:77-84; Левин 1981:3-130; Тункин 1970:3-130; Сорокина 2003:13-18], имеет принципиально важное значение для выработки ее корректного понимания, а также представления о ее новых формах, включая энергетическую дипломатию.

Исходя из приведенных дефиниций дипломатии и обобщения указанных в них конститутивных признаков, ее сущность¹³ может быть

⁶ *Дипломатический словарь*. М., 1985. С. 207.

⁷ *Краткий политический словарь*. М., 1987. С. 64.

⁸ *Большой энциклопедический словарь*. М., 2000. С. 934.

⁹ Магомедова О.С. *Концепция международно-правовой политики государства в зарубежных юридических исследованиях*. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 38.

¹⁰ Арцибасов И.Н. *Международное право: учеб.* М.: Военный университет, 1997. С. 149.

¹¹ Бирюков П.Н. *Международное право: учеб. для вузов*. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2013. С. 471.

¹² Там же.

¹³ Сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия. См.: *Философский энциклопедический словарь*. Под ред. А.М. Прохорова. М., 1989. С. 458.

представлена следующей формулировкой: *дипломатия – это средство осуществления внешней политики государства при помощи деятельности компетентных субъектов, связанной с применением невоенных мероприятий, приемов и методов, в соответствии с международным правом*. При этом применительно к классической модели дипломатии речь идет о деятельности наделенных соответствующими полномочиями государственных органов и должностных лиц (органов внешних сношений государств), направленной на реализацию целей и задач внешней политики государства¹⁴.

3. Новые формы дипломатии и их международно-правовая составляющая

Как отмечал известный ученый в области международного права И.П. Блищенко, «с развитием отношений между субъектами международного права могут возникать новые формы дипломатической деятельности» [Блищенко 1990:4].

Этот тезис подтверждается современной практикой международных отношений и их международно-правового регулирования, получает поддержку и развитие в работах юристов-

международников и представителей других отраслей научных знаний. Во взаимосвязи с изменениями в системе международных отношений и их международно-правового регулирования, развитием международных организаций и конференций при определяющей роли Организации Объединенных Наций (далее – ООН), эволюционирует многосторонняя дипломатия¹⁵. Некоторые современные исследователи¹⁶ [Smith, Keukeleire, Vanhoonacker 2015] обосновывают появление интеграционной дипломатии (как новой разновидности многосторонней дипломатии), рассматривая ее главным образом на примере организации многосторонней дипломатии в ЕС.

В научной литературе и официальных документах, принимаемых как в рамках международно-правового сотрудничества, так и во внутреннем праве государств выделяются и характеризуются в качестве перспективных направлений: парламентская [Варлен 2019:54-65], экономическая [Дегтерев 2010], культурная [Ганиевой 2020:209-214], спортивная [Мартыненко 2018:25-29], научная [Павлов 2018:102-120; Berkman, Kullerud, Pope, Vylegzhanin, Young 2017:596-598], превентивная¹⁷, а также публичная дипломатия [Шамугия 2017:137], включаю-

¹⁴ Лукашук И.И. *Международное право. Особенная часть*: учеб. М., 1997. С. 42.

¹⁵ Под многосторонней дипломатией в широком смысле принято понимать «дипломатическую деятельность с участием представителей нескольких государств, связанную с работой международных межправительственных организаций и конференций, проведением переговоров, консультаций и т. п.». См.: Винокуров В.И. *Современная дипломатическая система: Теория и практика*: учеб. Под общ. ред. М.П. Торшина. Дипломатическая академия МИД РФ. М., 2022. С. 158.

Вопросы многосторонней дипломатии, включая международно-правовые основы, а также возрастание ее роли и современные тенденции развития, нашли отражение в литературе. См., напр.: Лебедева О.В. *Институты многосторонней дипломатии*: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2019; Рыбаков Ю.М. *Современная дипломатия и формирование новой политико-дипломатической системы*: учеб. пособие. М., 2015. С. 210-221; [Kaufmann 1988; Ганюшкин 1972; Олеандров 2013:69-76].

¹⁶ Дурдыева А.А. *Дипломатические структуры и инструменты дипломатии Европейского Союза и государств-членов: соотношение и взаимосвязь*. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2017. 245 с.

¹⁷ Автор термин «превентивная дипломатия», обосновывающим ее применение в условиях современных международных отношений, принято считать бывшего Генерального секретаря ООН Бутроса Гали. См.: Гали Б.Б. *Повестка дня для мира: превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира*. Нью-Йорк: ООН, 1992.

Термин «превентивная дипломатия» употребляется в различных международно-правовых документах, принятых на универсальном, региональном и двустороннем уровнях (в их числе: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» (принят в г. Нью-Йорке 02.12.2004 на 59-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН); Протокольное решение Совета министров иностранных дел СНГ «О реализации Плана многоуровневых межмидовских консультаций в рамках Содружества Независимых Государств на 2021 год» (принято в г. Душанбе 13.05.2022); Программа сотрудничества между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Туркменистана на 2010 год (принята в г. Ашхабаде 16.03.2010)).

Следует учитывать, что по инициативе Туркменистана, получившей поддержку со стороны других государств и ООН, в Ашхабаде был создан Региональный центр ООН по превентивной дипломатии (РЦПД) для Центральной Азии. Примечательно, что среди направлений его работы обозначены проблемы, связанные с ухудшением экологической обстановки и совместного использования энергоресурсов. Об этом см.: Джамиева Г.Н. *История становления и развития Туркменистана как нейтрального государства (1995–2015 гг.)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2018. С. 22.

чая ее новейшую форму – «цифровую» или «публичную дипломатию Web 2.0» [Сурма 2020].

Нужно пояснить, что перечисленные новые формы дипломатии, строго говоря, не являются дипломатией в ее классическом понимании, не содержат всех признаков последней (в частности, имеется в виду присущий классической дипломатии официальный характер, проявляющий себя среди прочего в официально закреплённом круге полномочных на ее осуществление субъектов, представляющих соответствующее государство). Как обоснованно отмечают исследователи, в литературе и официальных документах отсутствует единый понятийно-терминологический аппарат, применимый к трактовке указанных форм, а также и к их соотношению друг с другом [Шамугия 2017:136-142], что, по всей видимости, препятствует системной выработке мер по их реализации, снижает их эффективность.

Вместе с тем, во-первых, указанные формы дипломатии реализуются при поддержке государств, используются для осуществления внешней политики, содействуют международному сотрудничеству в определенных областях (экономика, культура, наука) и, в целом, – поддержанию нормальных политических отношений между государствами.

Во-вторых, эти формы дипломатии (так же как и классическая дипломатия) развиваются в условиях правовой среды и подвержены нормативно-правовому регулированию (нормами международного права и внутригосударственного права соответствующих государств – участников международного общения, поддерживающих внешнеэкономические, международные культурные и научные проекты национальных компаний, общественных и научных организаций, своих граждан). Кроме того, осуществление указанных форм дипломатии может оказывать влияние на развитие международного права и национального права государств.

Особая значимость ресурсов в современном мире в сочетании с возможностями внешней политики (и ее инструмента – дипломатии) обеспечивать ресурсные потребности государств, способствовала появлению такого термина, как

«дипломатия ресурсов». Как отмечает академик А.В. Торкунов, «синтез двух терминов „дипломатия“ и „ресурсы“ дает в результате новое понятие, обладающее большим эвристическим потенциалом. Формирование нового термина „дипломатия ресурсов“ связано с максимально широкой трактовкой каждого составляющего компонента» [Дипломатия ресурсов... 2008:9].

По мнению С.Ю. Черницыной, исследовавшей проблему роли энергетической дипломатии во внешней политике России, «в современном мире понятие „энергетическая дипломатия“ не полностью характеризует происходящие на мировом рынке энергоресурсов события. Помимо энергетики, которая на сегодняшний день уже получила статус традиционного инструмента реализации внешней политики государства, есть еще термин „ресурсы“, который в широком смысле понимается не только как уголь и нефть, газ и запасы воды, но и как передовые технологии, новые методы организации производства, использование международных финансовых механизмов»¹⁸.

Вместе с тем отметим, что термин «энергетическая дипломатия» получает все большее распространение в специальной литературе (отечественной и зарубежной), используется в официальных документах внешнеполитических ведомств. Как представляется, именно термин «энергетическая дипломатия» выглядит наиболее устоявшимся и наиболее точно отражает суть рассматриваемого феномена – нового функционального направления дипломатической деятельности.

Следует также иметь в виду, что наряду с термином «энергетическая дипломатия» в специальной литературе используются «нефтегазовая дипломатия», «газовая дипломатия», «нефтяная дипломатия», «дипломатия энергетического сервиса», «трубопроводная дипломатия»¹⁹ [Гумарова 2008; Кондаков 2012; Proedrou 2018:409-419].

Однако, во-первых, при таком подходе не принимается во внимание системный характер энергетики и энергетической дипломатии, их правового обеспечения. Во-вторых, следует согласиться с замечанием А.А. Серегиной,

¹⁸ Черницына С.Ю. *Роль энергетической дипломатии во внешней политике России*. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 24-25.

¹⁹ Гумарова И.С. *Приоритеты энергетической дипломатии России*. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2008. 325 с.; Зайцев М.С. *Исторический опыт нефтегазовой дипломатии России в СНГ на рубеже XX–XXI веков*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. 28 с.

что «под влиянием энергоперехода эти партикулярные определения и дробления энергетической дипломатии теряют смысл. Даже специализирующиеся на углеводородах или энергосервисе государства и транснациональные компании расширяют в своих энергобалансах или продуктовых портфелях долю возобновляемых источников энергии и атомной энергетики»²⁰.

4. Особенности энергетики и энергетической дипломатии, значимые с точки зрения международного права

В специальной литературе энергетическую дипломатию нередко рассматривают в качестве одной из составляющих экономической дипломатии [Дегтерев 2010:7], некоторые авторы также используют термин «экономико-энергетическая дипломатия»²¹.

Согласно распространенной в отечественной литературе позиции, экономическая дипломатия в широком смысле является средством реализации внешнеэкономической политики государства. В предельно обобщенном виде экономическая дипломатия характеризуется как «система инструментов осуществления внешнеэкономической политики с помощью мирных (не военно-экономических) методов»^{22, 23}. В свою очередь, внешнеэкономическая политика представляет собой систему «государственных мероприятий, направленных на достижение экономикой данной страны определенных преимуществ на мировом рынке и защиту внутреннего рынка от иностранной конкуренции»; в связи с этим энергетическая дипломатия как составляющая экономической дипломатии, определяется формулой «внешнеполитическая деятельность по отстаиванию своих интересов в международных энергетических отношениях» [Дегтерев 2010:9].

Тезис о том, что энергетическая дипломатия выступает составляющей экономической дипломатии, как представляется, не лишен определенных оснований, принимая во внимание органичную связь энергетики с экономикой, то

обстоятельство, что энергетика выступает важнейшей инфраструктурной частью экономики.

Вместе с тем с опорой на специальную литературу [Салиева 2015:117-1121; Лисицын-Светланов 2021:8-12] правомерно вести речь и о существенной специфике энергетического сектора, международного энергетического сотрудничества, внешней энергетической политики и ее важнейшего средства – энергетической дипломатии, значимости и особенностях их правового (при помощи международного и внутригосударственного права) обеспечения.

Энергетика (в понимании энергосистемы, охватывающей, прежде всего, топливно-энергетический комплекс конкретной страны), исходя из сложившегося в науке подхода, представляет собой область народного хозяйства, включающую энергетические природные ресурсы, их поиск, разведку, добычу, выработку, преобразование, передачу, транспортировку, хранение, реализацию и использование различных видов энергии, энергетических материалов и продуктов [Правовой... 2002:247; Лахно 2019:32-45; Ефимцева 2019:82-84]. Одновременно энергетика характеризуется как область стратегических интересов страны, принимая во внимание то, что она оказывает решающее влияние на ситуацию во всех сферах жизнедеятельности общества (политической, экономической, социальной, экологической, военной и др.) [Новак 2019:6-11].

Общественные отношения, возникающие в топливно-энергетическом комплексе, в свою очередь, входят в предмет энергетического права. Не углубляясь в дискуссионные вопросы о месте энергетического права в системе права, его предмете, методе и составе его норм²⁴, отметим здесь солидарную позицию ученых-правоведов относительно значимости энергетического права в жизни общества. Как в полной мере обоснованно подчеркивает В.В. Романова: «Энергетическое право – отрасль права, объединяющая правовые нормы, регулирующие общественные отношения в связи с использованием энергетических ресурсов, без которых невозможна

²⁰ Серегина А.А. Экономико-энергетическая дипломатия в условиях четвертого энергоперехода: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2022. С. 10.

²¹ Там же.

²² Райнхардт Р.О. *Сравнительный анализ систем экономической дипломатии в странах Европейского Союза*. С. 45.

²³ Здесь мы абстрагируемся от разнообразных трактовок экономической дипломатии в отечественной и зарубежной литературе. Об этом более подробно см.: [Дегтерев 2010:5-7].

²⁴ Об этом см., напр., [Селиверстов 2008:52-58; Bradbrook 1996:193-217] и др.

жизнедеятельность ни физических, ни юридических лиц, ни бытовая, ни какая-либо профессиональная»²⁵.

Рост энергетических потребностей в конкретных странах, регионах и в мировом хозяйстве в целом, трансграничное развитие топливно-энергетических структур, рост цен на энергоносители предопределяют конкуренцию и международное сотрудничество в сфере энергетики, ее различных секторах и сегментах. В связи с этим, как уже отмечалось, особую роль играют дипломатические средства урегулирования разнообразных проблем международного энергетического сотрудничества и межгосударственного соперничества в энергетической сфере.

Международные отношения в энергетической сфере, очевидно, воспринимают специфику объекта (энергетические ресурсы, в свою очередь, подразделяемые по ряду оснований) и предмета (в самом общем приближении – деятельность в рамках международного сотрудничества в связи добычей, производством, транспортировкой и поставкой энергетических ресурсов). Различия правовой природы участников данной деятельности предопределяют постановку в специальной литературе вопроса о разграничении международных отношений в сфере энергетики на два вида: международные частные отношения (отношения между энергетическими компаниями разных государств) и международные публичные отношения (отношения между государствами, между государствами и международными организациями, между международными организациями, в том числе интеграционными объединениями)²⁶. Исследователи отмечают сложный и специфичный характер природы международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов [Богоненко 2017:131].

В юридической литературе [Гликман 2020:72-77] поднимается вопрос обособления совокупности соответствующих международно-правовых норм, объединяемых термином «международное

энергетическое право», при этом высказываются различные суждения относительно объектно-предметной сферы его регулирования и места в системе международного права.

Характеризуя *энергетическую дипломатию*, следует исходить из того, что она направлена на реализацию *внешней энергетической политики государства*.

Здесь следует обратить внимание на отмечаемую в современной специальной литературе [Гудков 2016:10-17; Кавешников 2013:82-91; Юдина 2021:190-199] тенденцию формирования внешней энергетической политики интеграционного межгосударственного объединения – ЕС. С учетом политической установки (заложенной в принятой в 2015 г. Стратегии Энергетического союза²⁷, ориентированной на появление у государств – членов ЕС «единого голоса» на международной энергетической арене) Европейская комиссия активно продвигает инициативы по усилению наднациональных полномочий в топливно-энергетическом комплексе как в вопросах регулирования внутреннего энергетического рынка, так и в области внешних энергетических отношений. Следует также обратить внимание на то, что в рамках проводимого курса на формирование общей внешней политики ЕС Лиссабонским договором²⁸ был введен пост Высокого (Верховного) представителя по иностранным делам и политике безопасности, а также учреждены и вспомогательные органы – Европейская служба внешнеполитической деятельности и Комитет по вопросам внешней политики и безопасности.

Между тем, как отмечает О.М. Мещерякова (с опорой на соответствующие положения Договора о Европейском союзе в Лиссабонской редакции), «по сути, полномочия Верховного представителя являются лишь представительскими, а последнее слово остается за двумя межправительственными органами – Европейским советом и Советом Европейского союза, т. е. за государствами-членами» [Мещерякова 2013:20-23].

²⁵ Романова В.В. *Энергетическое право*: учеб. для подготовки кадров высшей квалификации. М.: Издательская группа «Юрист», 2021. С. 9.

²⁶ Там же. С. 10.

²⁷ Communication from the Commission "A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy". 25.02.2015. COM (2015) 80 final.

²⁸ Договор, изменяющий Договор о Европейском союзе, и Договор, учреждающий Европейское сообщество. 2007 г. (Лиссабонский договор).

Вопросы внешней энергетической политики ЕС остаются за рамками полномочий указанных органов, введенных Лиссабонским договором, а усиление внешней энергетической компетенции ЕС носит, по мнению исследователей, в значительной степени формальный характер, поскольку в отличие от суверенных государств – членов ЕС, обладающих универсальной международной правосубъектностью, международная правосубъектность ЕС является делегированной, ограниченной и целевой, «даже при реализации своей исключительной внешней компетенции у Евросоюза нет „рамочного мандата“ на заключение международных договоров с третьими странами» [Гудков 2016:17].

В связи с этим, в настоящее время преждевременно вести речь о сложившейся единой внешней (в том числе, внешней энергетической) политике ЕС, ее полноценных нормативно-правовых и институционально-правовых основах.

Под внешней энергетической политикой в специальной литературе²⁹ понимается «сфера деятельности государства в международных отношениях по защите и отстаиванию национальных интересов, обусловленных производством, транспортировкой и потреблением энергоресурсов». Исследователи в полной мере обоснованно указывают на то, что «цели, задачи, приоритеты и направления внешней энергетической политики тесно переплетаются с внешней политикой»³⁰.

В основе внешней политики государства – национальные (государственные) интересы – осознанные официально выраженные объективные потребности общества (нации, государства), вытекающие из его национальных ценностей, направленные на сохранение, создание или достижение благоприятных условий для его стабильного существования и устойчивого развития [Шумилов 2000:4-17]. Наряду с отдельными совпадающими национальными интересами всех государств, иные интересы государств «могут не совпадать, даже противоречить друг другу» [Вылегжанин, Дудыкина 2016:26]. Вместе с тем политика любого государства должна соответствовать основным принципам международного права [Вылегжанин, Дудыкина 2016:29], выражающим стержневые положения универсального уровня международно-правового регулирования [Ануфриева 2021:6-27; Crawford 2019].

Национальные (государственные) интересы, определяющие характер внешней энергетической политики соответствующего государства, в свою очередь, производны от состояния его топливно-энергетического комплекса, обеспеченности государства теми или иными энергетическими ресурсами, возможностями их предложения другим государствам или, напротив, потребностями приобретения их от внешних поставщиков. Кроме того, особенности географического положения страны, связанные с возможностями транзита по ее территории энергоресурсов, также влияют на проводимую данной страной внешнюю энергетическую политику. Заметим, что указанные интересы стран-потребителей (импортеров) энергоресурсов, стран-экспортеров энергоресурсов и стран-транзитеров энергоресурсов во многом определяют отношение указанных стран к проблеме энергетической безопасности, разнообразие ее трактовок.

Примечательно, что и дефиниции энергетической дипломатии, данные представителями различных стран, нередко отражают национальный подход соответствующего государства в энергетической сфере и особенности проводимой государством внешней энергетической политики во взаимосвязи со сложившимся в данном государстве пониманием энергетической безопасности.

Так, по мнению немецких исследователей А. Голдтау и Я. Витте, энергетическая дипломатия – это метод использования внешней политики в целях обеспечения безопасного доступа к запасам сырья и продвижения межгосударственного сотрудничества в энергетическом секторе [Goldthau, Witte 2010:25-28].

Норвежский исследователь К. Оффердал рассматривает энергетическую дипломатию как инструмент государства по продвижению собственных национальных интересов в энергетической сфере, а также для решения потенциально конфликтных вопросов энергетического взаимодействия в рамках двухсторонних и многосторонних переговоров [Offerdal 2010:39].

Турецкие исследователи М. Улудаг и С. Карагул определяют энергетическую дипломатию как дипломатический инструмент, нацеленный на использование энергоресурсов для

²⁹ Жизнин С.З. *Основы энергетической дипломатии: учеб. пособие*. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 7.

³⁰ Там же.

осуществления национальных интересов в двухсторонних, многосторонних, глобальных и региональных отношениях энергетического спроса и предложения [Uludag, Karagul 2013:102-114].

Как полагает китайский исследователь Ф. Юйцзюнь, энергетическая дипломатия – это механизм долгосрочного воздействия на международную структуру энергетической безопасности, инструмент участия в системе мирового хозяйства и средство поддержания геостратегического влияния страны [Энергетические изменения... 2007:242].

В литературе [Боровский 2018:45-92] обращено внимание на эволюцию понимания энергетической безопасности, придание ей в настоящее время глобального измерения³¹, ее многогранный и многоуровневый [Ковалев, Шилова 2008:61] и системный, включающий инструменты национальной политики и международных институтов [Шевченко 2021:29], характер.

Принимая во внимание приведенные суждения и существующую практику, правомерно вести речь о том, что внешняя энергетическая политика государства и энергетическая дипломатия как средство ее осуществления ориентированы на решение, по крайней мере, двух взаимосвязанных задач. Во-первых, задачи обеспечения энергетической безопасности (ее национального уровня, а также и в определенной мере, во взаимосвязи с участием государства в международном энергетическом сотрудничестве, международной энергетической безопасности). Во-вторых, задачи расширения возможностей энергетического сектора данного государства, в том числе во взаимосвязи с продвижением национальных компаний на внешние энергетические рынки, обеспечением их полноценного участия в стратегически важных для данного государства международных энергетических проектах³².

Важно отметить, что указанные задачи должны решаться с учетом обязательных для данного государства международно-правовых положений – основных принципов международного права, норм международных договоров с его участием, обычных норм международного права. При соблюдении данного условия энер-

гетическая дипломатия может быть отнесена к инструментам поддержания международного энергетического правопорядка (проблема международного энергетического правопорядка получает последовательное отражение в специальной литературе [Романова 2015:9-12]).

Энергетическая дипломатия, как и классическая, реализуется в деятельности компетентных государственных органов (прежде всего, внутригосударственных и зарубежных органов внешних сношений), связанной с использованием соответствующих мероприятий, приемов и методов – правовых форм дипломатии.

Вместе с тем специфика энергетики и энергетической дипломатии определяет особенности круга и правового статуса ее субъектов и нормативно-правового регулирования, а также содержания применяемых ими приемов и методов (правовых форм энергетической дипломатии).

Как показывает практика, наряду с органами внешних сношений, в состав участников энергетической дипломатии государства включаются энергетические, торгово-экономические, иные ведомственные структуры, представители государства в международных организациях (в том числе специализирующихся на вопросах международного энергетического сотрудничества), а также ведущие национальные компании, прежде всего, энергетические. Иными словами, участники энергетической дипломатии представлены, во-первых, государственными органами и должностными лицами, и, во-вторых, не входящими в систему государственных органов юридическими лицами. Несмотря на то что правовой статус и функции двух обозначенных групп существенно различаются, внешнеполитические интересы государства (в лице его органов) и корпоративные интересы его компаний не всегда совпадают, потребности проведения эффективной внешней энергетической политики предопределяют взаимодействие государственных и негосударственных участников энергетической дипломатии. При этом, с одной стороны, государство осуществляет разностороннюю поддержку своих компаний и сопровождение их международных энергетических проектов. С другой стороны, как отмечают исследователи, ведущие национальные

³¹ Трачук К.В. *Энергетическая безопасность России в ее отношениях с Европой: международные аспекты (2000–2014 гг.)*. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2016. С. 28.

³² При этом вполне понятно, что спектр вопросов, разрешаемых с помощью энергетической дипломатии намного шире. Об этом см., напр., [Жукова 2010:51].

компаниям с опорой на поддержку своего государства не только расширяют свои возможности (среди прочего на внешних энергетических рынках), но и содействуют обеспечению национальной энергетической безопасности [Жизнин 2017:54-55].

В литературе [Гумарова 2008:141] отмечается, что основным методом энергетической дипломатии являются переговоры, при этом «чаще всего они проводятся с практически неизменным кругом акторов по одним и тем же чувствительным регулярно возобновляемым вопросам объема энергопоставок, энергетической безопасности и стоимости транзита сырья»³³.

Потребности координации усилий и действий, предпринимаемых участниками энергетической дипломатии, определяют здесь роль международных организаций и конференций энергетического профиля. При условии конструктивной работы международных организаций и конференций, полноформатного участия в них государств, представляющих ведущих экспортеров и потребителей энергоресурсов, правомерно вести речь о реализации такого обосновываемого в современной специальной литературе [Жизнин 2017:16] метода энергетической дипломатии, как *стратегическое взаимодействие* (взаимодействие государств и других субъектов международного энергетического сотрудничества во имя общего блага).

Полагаем, что применяемый в энергетической дипломатии метод стратегического взаимодействия следует рассматривать во взаимосвязи с таким специфическим инструментом, также широко используемым в энергетической дипломатии, как *энергетический диалог*. В литературе приводят примеры того, как в ходе становления и развития международного энергетического сотрудничества и его нормативно-правовых и институционально-правовых основ, энерге-

тический диалог использовался отдельными государствами и вносил вклад в обеспечение международной безопасности уже во второй половине XX в. [Келлер 2022] В современных условиях энергетический диалог широко востребован как на уровне двустороннего межгосударственного сотрудничества, так и с использованием потенциала многосторонней дипломатии, и осуществляется в соответствии с применимыми нормами международного права³⁴.

Участие в многосторонних саммитах, конференциях и переговорах (как многосторонних, так и на двусторонней основе) включает в себе информационно-коммуникационный потенциал, поскольку «партнеры получают возможность познакомиться друг с другом и получить достоверную информацию из прямых источников»³⁵. Кроме того, в ходе ведения переговоров (среди прочего под эгидой международных организаций и конференций) могут подготавливаться тексты многосторонних и двусторонних международных договоров, иных документов по вопросам международного энергетического сотрудничества. Заметим, что в межправительственных соглашениях по вопросам энергетического сотрудничества (в частности, по вопросам поставок энергоресурсов) могут быть указаны компании договаривающихся стран, уполномоченные на осуществление действий по проектированию, строительству, эксплуатации определяемых в соответствующем международном соглашении энергетических объектов, а также на поставку энергоресурсов.

В свою очередь, на базе межправительственных соглашений принимаются соглашения непосредственно между уполномоченными компаниями³⁶.

В специальной литературе также обращается внимание на следующее обстоятельство: «Для достижения политических и экономических це-

³³ Григорьева О.В. *Энергетическая дипломатия стран Северной Европы: процесс становления и перспективы развития*. С. 42.

³⁴ Об этом см., напр., [Ахмед 2018:342-355; Гудков 2014:28; Носова 2011:39-47; Пэн 2018:24-29; Танака 2008:9-13; Юдина 2022:40-75] и др.

³⁵ Григорьева О.В. *Энергетическая дипломатия стран Северной Европы: процесс становления и перспективы развития*. С. 42.

³⁶ В качестве примера можно указать на разработанное и принятое в рамках проекта «Сила Сибири» Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере поставок природного газа из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику по «восточному маршруту» (от 13 октября 2014 г.). Стороны Соглашения в ст. 2 определили, что уполномоченными организациями, осуществляющими проектирование, строительство и эксплуатацию трансграничного участка газопровода на территории своего государства, а также поставку природного газа по трансграничному участку газопровода от России является ОАО «Газпром» (в настоящее время – ПАО «Газпром»), а от Китая – Китайская

лей энергетическая дипломатия нередко прибегает к использованию таких рычагов воздействия на страны импортеры, как эмбарго³⁷ или угроза его применения, а также различного рода санкции»³⁸.

С учетом обосновываемой отечественными юристами-международниками позиции³⁹ [Крицкий 2017:131-140], полагаем, что легитимность приемов и методов энергетической дипломатии, связанных с так называемыми санкциями (односторонними ограничительными мерами государств, интеграционного объединения ЕС, затрагивающими топливно-энергетический комплекс других государств) с точки зрения международного права носит небесспорный характер.

К специфическим (производным от свойств энергетического сектора экономики, особенностей недропользования) методам и средствам энергетической дипломатии, в частности, относятся экономико-статистические данные о запасах энергетических ресурсов, об уровнях их добычи, ценах, тарифах и т. д. [Жизнин 2017:16-17].

Энергетическая дипломатия в силу особой значимости и существенной специфики энергетического сектора, международного энергетического сотрудничества и внешней энергетической политики государств, их правового обеспечения (с опорой на нормы международного и внутригосударственного права) имеет самостоятельное значение, заключает в себе ряд особенностей и должна быть выделена в отдельное новое направление дипломатической деятельности.

В целом, с учетом обосновываемого в данной статье подхода и отмеченных выше особенностей, предлагается рассматривать *энергетическую дипломатию как средство осуществления внешней энергетической политики государств при помощи деятельности органов внешних сношений, энергетических ведомств, иных компетентных государственных органов и должностных лиц, представителей государств в международных*

организациях, проводимой совместно с ведущими национальными компаниями (прежде всего, энергетическими). Указанная деятельность связана с применением мероприятий, приемов и методов классической дипломатии (международные переговоры, заключение международных договоров, дипломатическая переписка, представительство государств в международных организациях и участие в работе международных конференций), специфических инструментов (метод стратегического взаимодействия, энергетический диалог, экономико-статистические данные об энергетических ресурсах и др.), в соответствии с международным правом.

5. Основные направления взаимосвязи энергетической дипломатии и международного права

С опорой на разработанные в литературе по международному праву, положения о взаимном влиянии международного права и дипломатии⁴⁰ и с учетом отмеченной специфики энергетического сектора, международного энергетического сотрудничества и энергетической дипломатии, выделим следующие направления взаимосвязи энергетической дипломатии и международного права.

Первое. *Международное право определяет правовые рамки и формы реализации энергетической дипломатии (как и в целом дипломатической деятельности).*

Во-первых, энергетическая дипломатия (как и в целом дипломатическая деятельность) должна осуществляться в соответствии с основными принципами международного права (среди них, закрепленные в ст. 2 Устава ООН принципы суверенного равенства государств, добросовестного выполнения международно-правовых обязательств, разрешения международных споров мирными средствами, воздержания в междуна-

национальная нефтегазовая корпорация (КННК). В свою очередь, во взаимосвязи с данным Соглашением и в целях его исполнения указанные компании заключили между собой ряд соглашений (в частности, Договор купли-продажи природного газа из России в Китай по «восточному» маршруту 2014 г., Техническое соглашение – приложение к Договору купли-продажи природного газа 2014 г.). Об этом см., напр., [Романова 2015:12-16].

³⁷ В качестве примера в литературе приводится следующий: в октябре 1973 г. Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) выступила против политики США в арабо-израильской войне, введя эмбарго на поставки нефти в США и увеличив на 70 % отпускные цены для западноевропейских союзников американцев. См.: [Гумарова 2008:142].

³⁸ Черницына С.Ю. *Роль энергетической дипломатии во внешней политике России*. С. 33.

³⁹ Крицкий К.В. *Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве*. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 31-82, 122.

⁴⁰ По этому вопросу см., напр., [Ашавский 2018:77-84; Левин 1981:3-130; Тункин 1970:307-341] и др.

родных отношениях от угрозы силой или ее применения, невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства).

Применительно к энергетической дипломатии следует, кроме того, учитывать действие специальных принципов, выделяемых с опорой на действующее международное право в литературе⁴¹, направленных на упорядочение международно-правового сотрудничества государств в энергетической сфере.

Следует также обратить внимание на инициативу России по проекту Конвенции по обеспечению международной глобальной безопасности, оформленной в опубликованном 21 апреля 2009 г. документе под названием «Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики (цели и принципы)»⁴².

К числу основных принципов международно-го сотрудничества в сфере энергетики в данном документе отнесены, в частности:

- 1) признание неделимости устойчивой глобальной энергетической безопасности;
- 2) взаимная ответственность стран – потребителей и поставщиков углеводородов;
- 3) безусловный государственный суверенитет над национальными энергоресурсами;
- 4) содействие осуществлению инфраструктурных проектов, имеющих важное значение для обеспечения глобальной и региональной энергетической безопасности.

Во-вторых, нормы международного права (содержащиеся в международных договорах, а также относящиеся к международным обычаям) упорядочивают использование методов и приемов энергетической дипломатии (как и в целом, дипломатической деятельности), посредством определения правовых форм ведения переговоров, регламентации процесса заключения

международных договоров, представительства государств в международных организациях и участия в работе международных конференций.

Применительно к энергетической дипломатии правомерно высказать мысль о специфике соответствующих международно-правовых положений. Так, по обоснованному мнению современных исследователей [Вылегжанин, Салыгин, Крымская 2020:32, 30] во взаимосвязи с потребностями выработки международно-правовых механизмов неконфликтной политики государств в освоении трансграничных месторождений формируется практика заключения двусторонних международных договоров соседних заинтересованных государств, предусматривающих различные модели трансграничного недропользования. При этом государства, принимая во внимание интересы и возможные риски компаний, привлекаемых для участия в международных проектах, «идут по пути привлечения соответствующих компаний к переговорам по разработке международных соглашений о трансграничном недропользовании» [Вылегжанин, Салыгин, Крымская 2020:30]. Примечательно, что в самом международном договоре, предусматривающем механизм трансграничного недропользования, могут быть обозначены его соответствующие уровни (межгосударственный и корпоративный), а также механизм урегулирования возможных разногласий сторон⁴³; данные обстоятельства позитивно оцениваются отечественными и зарубежными исследователями [Фодченко 2018:63-69; Bankes 2016:141-164].

Значимость межгосударственного сотрудничества в энергетической сфере (среди прочего на двустороннем уровне) может быть подтверждена фактом заключения специального протокола к межправительственному соглашению, предусматривающего организационно-правовой механизм энергодиалога государств-участников⁴⁴.

⁴¹ Пацек М. *Международное энергетическое право*: учеб. пособие. Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Кириленко. СПб., 2018. С. 13-14.

⁴² См.: Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики (цели и принципы) от 21 апреля 2009 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/258> (дата обращения: 08.12.2022).

⁴³ Наглядным примером может служить Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане 2010 г. (непосредственно вопросам трансграничного недропользования посвящена его ст. 5) и Приложение II к нему «Трансграничные месторождения углеводородов» (по смыслу ст. 7 Договора указанное Приложение является его неотъемлемой частью).

⁴⁴ Наглядным примером может служить Протокол от 6 декабря 2012 г. к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав Правительств России и Китая от 27 июня 1997 г. Данным Протоколом предусмотрено учреждение Межправительственной российско-китайской комиссии по энергетическому сотрудничеству для координации двустороннего сотрудничества в сфере энергетики по следующим направлениям: нефтегазовый комплекс; угольная промышленность; электроэнергетика, включая атомную электроэнергетику; энергоэффективность и возобновляемые источники энергии.

Второе. *Международное право играет определяющую роль в легитимации национальных интересов государств в сфере внешней энергетической политики, осуществляемой посредством энергетической дипломатии.*

Общий посыл состоит в том, что «международное право, предоставляя государствам определенные права, дает им дополнительную возможность и средства для отстаивания охраняемых этими правами интересов, то есть служит опорой для их внешней политики и дипломатии» [Левин 1981:113]. В современной литературе по международному праву обосновывается позиция, согласно которой «международно-правовая политика государства образована тремя основными элементами: национальными интересами государства и его волей к их претворению; признанием верховенства международного права в международных отношениях; целью международной легитимации поведения данного государства»⁴⁵.

Применительно к исследуемой теме можно указать на различные варианты легитимации национальных интересов государств в энергетической сфере с опорой на потенциал международного права.

Во-первых, может иметь место легитимация национальных интересов государств-участников во взаимосвязи с поиском компромисса при разрешении проблемы правового статуса объекта международно-правового регулирования и правового режима энергетического сотрудничества заинтересованных государств⁴⁶.

Во-вторых, государство, иницируя процесс разработки и заключения международного договора (участвуя в этом процессе) может содействовать продвижению своей международно-правовой позиции в опре-

деленной сфере международного энергетического сотрудничества⁴⁷.

В-третьих, государство при заключении международного договора (присоединении к многостороннему международному договору) может сделать оговорку, посредством которой, с учетом своих национальных интересов в энергетической сфере, оно желает исключить или изменить действие определенных положений договора в их применении к нему, либо (в том случае, если международный договор не допускает оговорок), государство может сделать заявление, отражающее его международно-правовую позицию в отношении определенных положений международного договора и его толкования и применения⁴⁸.

Третье. *Энергетическая дипломатия с опорой на потенциал международного права содействует обеспечению энергетической безопасности (национальной и международной) и тем самым – поддержанию международного энергетического правопорядка*⁴⁹.

Четвертое. *Энергетическая дипломатия оказывает влияние на процесс создания и действия норм международного права и вносит вклад в развитие международного права.*

Общий посыл состоит в том, что процесс образования норм международного права (договорных и обычных) есть, по сути дела, дипломатический процесс, протекающий (применительно к созданию норм международного договора) в ходе переговоров и последующих стадий заключения международного договора (подписание, ратификация, и др.), а применительно к созданию обычных норм международного права, проявляющий себя в роли дипломатической деятельности в формировании соответствующей международной практики и в признании государствами указанной практики в качестве

⁴⁵ Магомедова О.С. *Концепция международно-правовой политики государства в зарубежных юридических исследованиях*. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 38.

⁴⁶ Примером может служить разработка прикаспийскими государствами (Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Иран) Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Подробнее об этом см., напр., [Бекашев, Бекашев 2018:129-142].

⁴⁷ Примером может служить активное участие России в создании Форума стран – экспортеров газа (ФСЭГ) и его международно-правовых основ (Соглашения о функционировании ФСЭГ и Устава ФСЭГ), а также проведение своей международно-правовой позиции по вопросам международной торговли природным газом в документах ФСЭГ (в частности, в принятой по итогам Второго газового саммита 2013 г. «Московской декларации», в которой государства-члены единогласно поддержали основную роль долгосрочных контрактов и стремление продолжать поддерживать ценообразование на газ, основанное на индексации по корзине нефтепродуктов). Подробнее об этом см.: [Гуласарян 2015:34-40].

⁴⁸ Примером могут служить заявления, сделанные Россией при принятии Парижского соглашения 2015 г. по климату. Подробнее об этом см., напр., [Лобанов 2022:113-117].

⁴⁹ Данный тезис получил обоснование выше, при рассмотрении признаков энергетической дипломатии.

международного обычая [Тункин 1970:308-309]. Кроме того, как отметил Д.Б. Левин, «дипломатия, в ходе осуществления которой используются те или иные подходы и институты международного права, в немалой степени обуславливает конкретный характер соответствующих международных правоотношений» [Левин 1981:95], иными словами, дипломатическая деятельность оказывает влияние на применение норм международного права и их реальное социально-политическое содержание.

Приведенные утверждения, очевидно, распространяются и на сферу международного энергетического сотрудничества, они применимы к характеристике процессов создания и применения норм международного энергетического права. Следует также учитывать специфику энергетической дипломатии (отмеченную выше включенность в нее энергетических ведомств государств, подключение к участию в ней ведущих энергетических компаний, особенности энергодиалога и других применяемых в ней инструментов) и создаваемых с ее участием международно-правовых положений (во взаимосвязи с отмеченной выше спецификой международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов).

6. Заключение

Феномен энергетической дипломатии получает комплексную разработку в ряде отраслей научного знания (экономика, политология, история и др.), однако в юридической литературе, в том числе литературе по международному праву, ему практически не уделяется внимания. Принимая во внимание возрастающую значимость энергетической дипломатии для обеспечения энергетической безопасности, а также то обстоятельство, что энергетическая дипломатия формируется и реализует свой потенциал в условиях международно-правовой среды, данная ситуация выглядит пробелом науки международного права и, по всей видимости, сдерживает развитие энергетической дипломатии, снижает ее эффективность.

Энергетическая дипломатия выступает новым функциональным направлением дипломатической деятельности, имеет единую сущность с классической дипломатией (служить

средством осуществления внешней политики, в соответствии с международным правом) и одновременно характеризуется рядом особенностей, производных от специфики энергетики и международного энергетического сотрудничества, их правового обеспечения.

Указанные особенности заключаются в том, что энергетическая дипломатия направлена на реализацию внешней энергетической политики государства; круг ее участников включает в себя, наряду с органами внешних сношений, энергетические, торгово-экономические, иные ведомственные структуры государственно-правового механизма, представителей государства в международных организациях (среди прочего специализирующихся на вопросах международного энергетического сотрудничества), а также ведущие национальные компании, прежде всего, энергетические (соответственно, не входящие в систему государственных органов); используемые в ней мероприятия, приемы и методы (правовые формы) классической дипломатии приобретают специфику, производную от энергетического сектора и международного энергетического сотрудничества, кроме того, используются специфические инструменты, характерные именно для данного направления дипломатической деятельности (в частности, энергодиалог).

Энергетическая дипломатия и международное право в процессе своего развития и функционирования взаимно связаны и оказывают взаимное влияние друг на друга. Так, международное право, во-первых, определяет правовые рамки и формы реализации энергетической дипломатии (как и в целом дипломатической деятельности), во-вторых, играет определяющую роль в легитимации национальных интересов государств в сфере внешней энергетической политики, осуществляемой посредством энергетической дипломатии.

В свою очередь, энергетическая дипломатия, с опорой на потенциал международного права, содействует обеспечению энергетической безопасности (национальной и международной) и тем самым поддержанию международного энергетического правопорядка. В целом, энергетическая дипломатия оказывает влияние на процесс создания и действия норм международного права и вносит вклад в развитие международного права.

Список литературы

1. Ануфриева Л.П. 2021. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 6-27.
2. Ахмед М.А.Х. 2018. Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения*. Т. 18. № 2. С. 342-355.
3. Ашавский Б.М. 2018. Взаимодействие внешней политики, дипломатии и международного права. – *Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве*. Матер. междунар. науч.-практ. конф. Отв. ред. Т.А. Сошникова, Е.Е. Пирогова. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета. С. 77-84.
4. Бекашев К.А., Бекашев Д.К. 2018. Новый международно-правовой режим Каспийского моря. – *Труды ВНИРО*. Т. 174. С. 129-142.
5. Блищенко И.П. 1990. *Дипломатическое право*. 2-е изд., испр. и доп. М. 284 с.
6. Богоненко В.А. 2017. Правовая сущность и признаки международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов. – *Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экономические и юридические науки*. № 14. С. 127-132.
7. Боровский Ю.В. 2018. *Проблема энергетической безопасности в отношениях России и международного сообщества: сотрудничество и соперничество*: монография. М.: МГИМО-Университет. 439 с.
8. Варлен М.В. 2019. О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире. – *Lex russica*. № 7. С. 54-65.
9. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. 2016. Понятие «международно-правовая политика государства». – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 21-37.
10. Вылегжанин А.Н., Салыгин В.И., Крымская К.В. 2020. Трансграничное недропользование: международно-правовые механизмы неконфликтной политики государств. – *Международные процессы*. Т. 18. № 3(62). С. 23-41.
11. Ганиевой Ш.Н. 2020. Понятие и сущность дипломатии в современных условиях. – *Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук*. № 2. С. 209-214.
12. Ганюшкин Б.В. 1972. *Дипломатическое право международных организаций. Правовое положение представительств государств при международных организациях, в их органах и на международных конференциях*. М. 191 с.
13. Гликман О.В. 2020. Международное энергетическое право в системе международного права. – *Международный правовой курьер*. № 1-2. С. 72-77.
14. Гудков И.В. 2014. Энергетический диалог России и ЕС: актуальные политико-правовые проблемы. – *Вся Европа.ru*. № 7(89). С. 28.
15. Гудков И.В. 2016. Компетенция Европейского союза по регулированию отношений в энергетической сфере. – *Международное экономическое право*. № 1. С. 10-17.
16. Гуласарян А.С. 2015. Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ): международно-правовые аспекты деятельности. – *Правовой энергетический форум*. № 4. С. 34-40.
17. Гумарова И.С. 2008. Энергетическая дипломатия: методы, средства, формы и механизмы реализации. – *Вестник Пермского университета. Политология*. № 2(4). С. 141-146.
18. Дегтерев Д.А. 2010. *Экономическая дипломатия: экономика, политика, право*. М.: Навона. 174 с.
19. *Дипломатия ресурсов: Сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века*. 2008. Пер. с ит. Отв. ред. А.В. Торкунов. Науч. ред. русского издания М.М. Наринский. М.: Навона. 445 с.
20. Ефимцева Т.В. 2019. Некоторые аспекты правового определения понятия «топливно-энергетический комплекс» по законодательству Российской Федерации. – *Право и государство: теория и практика*. № 7(175). С. 82-84.
21. Жизнин Т.З., Трусова А.А. 2019. Энергетическая дипломатия в современном мире: меньше экономики, больше геополитики. – *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. Т. 19. № 3. С. 472-479.
22. Жукова И.С. 2010. Энергетическая дипломатия и геополитика как составной элемент международного энергетического права. – *Вестник Оренбургского государственного университета*. № 3(109). С. 51-54.
23. Зонина Т. В. 2014. *Дипломатия: Модели, формы, методы*. М.: Аспект Пресс. 346 с.
24. Кавешников Н.Ю. 2013. Развитие внешней энергетической политики Европейского Союза. – *Вестник МГИМО Университета*. № 4(31). С. 82-91.
25. Келлер А.В. 2022. Советско-германский энергетический диалог как залог разрядки в 1960–1970 гг. – *Studia Humanitatis*. № 3.
26. Ковалев А.А., Шилова Н.Л. 2008. Международно-правовые аспекты обеспечения энергетической безопасности. – *Московский журнал международного права*. № 3(71). С. 61-77.
27. Кондаков С.А. 2012. Трубопроводная дипломатия России. – *Международные отношения*. № 1. С. 128-138.
28. Крицкий К.В. 2017. Односторонние ограничительные меры (на примере внешней политики США). – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 131-140.
29. Лахно П.Г. 2019. Об энергетическом праве и не только... – *Предпринимательское право*. № 4. С. 32-45.
30. Левин Д.Б. 1962. *Дипломатия: ее сущность, методы и формы*. М. 175 с.
31. Левин Д.Б. 1981. *Международное право, внешняя политика и дипломатия*. М.: Международные отношения. 143 с.
32. Лисицын-Светланов А.Г. 2021. Обоснование энергетической безопасности: некоторые задачи внутренней и внешней политики Российской Федерации. – *Правовой энергетический форум*. № 4. С. 8-12.
33. Лобанов С.А. 2022. Участие Российской Федерации в Парижском соглашении 2015 г. и правовое обеспечение развития ТЭК: проблемы и перспективы. – *Энергетическое право: модели и тенденции развития*. Сборник матер. III Междунар. науч.-практ. конф. Под ред. А.В. Габова. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ». С. 113-117.

34. Мартыненко С.Е. 2018. Международно-правовые основы спортивной дипломатии. – *Юридическая наука*. № 4. С. 25-29.
35. Мещерякова О.М. 2013. Правовые основы европейской политики в сфере безопасности и Лиссабонский договор. – *Международное публичное и частное право*. № 5. С. 20-23.
36. Монастырецкая О.В. 2015. Основы дифференциации терминов международного права и дипломатии. – *Язык и мир изучаемого языка*. № 6. С. 83-86.
37. Новак А. 2019. Энергетика: взгляд в будущее. – *Энергетическая политика*. № 2. С. 6-11.
38. Носова И. 2011. Российско-японский энергетический диалог. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 39-47.
39. Олеандров В.Л. 2013. Многосторонняя дипломатия. – *Право и управление. XXI век*. № 2(27). С. 69-76.
40. Павлов Е.Я. 2018. Научная дипломатия в России: Конституционно-правовые основы. – *Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer*. № 11(346). С. 102-120.
41. Попов В.И. 2010. *Современная дипломатия: теория и практика: дипломатия – наука и искусство*. М.: Международные отношения. 572 с.
42. *Правовой режим минеральных ресурсов. Словарь*. 2002. Под ред. А.А. Арбатова, В.Ж. Аренса, А.Н. Вылегжанина, Л.А. Тропко. М.: ООО «Геоинформцентр». 284 с.
43. Пэн Ч. 2018. Современный энергетический диалог Китая и стран членов ШОС в нефтегазовой сфере. – *Социосфера*. № 1. С. 24-29.
44. Романова В.В. 2015. Правовые основы развития международного энергетического правопорядка. – *Международное публичное и частное право*. № 3. С. 9-12.
45. Романова В.В. 2016. Внешнеэкономические сделки в газовой отрасли: особенности правового регулирования. – *Международное публичное и частное право*. № 3. С. 12-16.
46. Салиева Р.З. 2015. Особенности экономической (хозяйственной) деятельности в энергетическом секторе экономики. – *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. № 6. С. 1117-1121.
47. Селиверстов С.С. 2008. К вопросу о понятии энергетического права. – *Энергетическое право*. № 1. С. 52-58.
48. Сорокина Ю.В. 2003. Дипломатия как средство реализации внешней политики. – *Международно-правовые чтения*. Вып. 2. Отв. ред. П.Н. Бирюков. Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 13-18.
49. Сурма И.В. 2020. Цифровая дипломатия: монография. М. 123 с.
50. Танака Н. 2008. Усиление зависимости и глобальной энергетической безопасности и важность энергетического диалога между МЭА и Россией. – *Энергетическая политика*. № 6. С. 9-13.
51. Тункин Г.И. 1970. *Теория международного права*. М.: Международные отношения. 511 с.
52. Уртаева Э.Б. 2011. Понятие энергетической дипломатии и интересы России. – *Политика и общество*. № 4(76). С. 4-11.
53. Фодченко И.П. 2018. Механизмы разрешения споров в российско-норвежской модели юнитизации трансграничных месторождений углеводородов в Баренцевом море и Арктике. – *Предпринимательское право*. № 4. С. 63-69.
54. Хижняк В.С. 2021. Взаимодействие внешней политики и международно-правовой политики Российской Федерации в вопросах реализации ее внешнеполитических интересов. – *Внешинополитические интересы России: история и современность*. Сборник матер. IX Всерос. науч. конф. Отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара. С. 3-7.
55. Шамугия И.Ш. 2017. Понятие «публичная дипломатия» в теории международных отношений. – *Актуальные проблемы современных международных отношений*. № 10. С. 136-142.
56. Шевченко Л.И. 2021. Понятие и правовое обеспечение энергетической безопасности как основы энергетического правопорядка. – *Правовой энергетический форум*. № 1. С. 26-31.
57. Шумилов В.М. 2000. Категория «Государственный интерес» в политике и праве (системно-теоретические и международно-правовые аспекты). – *Право и политика*. № 3. С. 4-17.
58. *Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии*. 2007. Под ред. А.В. Торкунова. Науч. ред., сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО. 1039 с.
59. Юдина О.Н. 2021. Энергетический союз ЕС спустя пять лет: миф или реальность? – *Современная Европа*. № 1(101). С. 190-199.
60. Юдина О.Н. 2022. Энергетический диалог Россия – ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия и результаты. – *Вестник Московского университета. Сер. Международные отношения и мировая политика*. Т. 14. № 2. С. 40-75.
61. Banks N. 2016. The Regime for Transboundary Hydrocarbon Deposits in the Maritime Delimitation Treaties and Other Related Agreements of Arctic Coastal States. – *Ocean Development & International Law*. Vol. 47. Issue 2. P. 141-164.
62. Berkman P.A., Kullerud I., Pope A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. 2017. The Arctic Science Agreement Propels Science Diplomacy. – *Science*. Vol. 358. Issue 6363. P. 596-598.
63. Bradbrook A. 1996. Energy Law as an Academic Discipline. – *Journal of Energy & Natural Resources Law*. Vol. 14. P. 193-217.
64. Crawford J. 2019. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 872 p.
65. Goldthau A., Witte J.M. 2010. Global energy governance: the new rules of the game. – *The Brookings Institution*. 372 p.
66. Kaufmann Io. 1988. *Conference Diplomacy. An Introductory Analysis*. Martinus Nijhoff Publishers.
67. Offerdal K. 2010. Arctic Energy in EU Policy: Arbitrary Interest in the Norwegian High North. – *Arctic*. Vol. 63. No. 1. P. 30-42.
68. Proedrou F. 2018. Revisiting pipeline politics and diplomacy: from energy security to domestic politics explanations. – *Problems of Post-Communism*. Т. 65. N 6. P. 409-419.
69. Smith M., Keukeleire S., Vanhoonacker S. 2015. *The Diplomatic System of the European Union: Evolution, Change and Challenges*. London: Routledge. 18 p.
70. Uludag M., Karagul S. 2013. Turkey's role in energy diplomacy from competition to cooperation: theoretical and factual projections. – *International journal of energy economics and policy*. Vol. 3. P. 102-114.

References

- Ahmed M.A.H. Jenergeticheskij dialog Rossijskoj Federacii i Korolevstva Saudovskaja Aravija [Energy dialogue between the Russian Federation and the Kingdom of Saudi Arabia]. – *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser.: Mezhdunar. otnoshenija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: International relationship]. 2018. T. 18. № 2. S. 342-355. (In Russ.)
- Anufrieva L.P. Principy v sovremennom mezhdunarodnom prave (nekotorye voprosy ponjatija, prirody, genезisa, sushhnosti i sodержanija) [Principles in modern international law (some issues of concept, nature, genesis, essence and content)]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2021. № 1. S. 6-27. (In Russ.)
- Ashavskij B.M. Vzaimodejstvie vneshnej politiki, diplomatii i mezhdunarodnogo prava [Interaction of foreign policy, diplomacy and international law]. – *Social'naja spravедlivost' i gumanizm v sovremennom gosudarstve i prave* [Social justice and humanism in modern state and law]. Mater. mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Otv. red. T.A. Soshnikova, E.E. Pirogova. M.: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2018. S. 77-84. (In Russ.)
- Bankes N. The Regime for Transboundary Hydrocarbon Deposits in the Maritime Delimitation Treaties and Other Related Agreements of Arctic Coastal States. – *Ocean Development & International Law*. 2016. Vol. 47. Issue 2. P. 141-164.
- Bekjashev K.A., Bekjashev D.K. Novyj mezhdunarodno-pravovoj rezhim Kaspijskogo morja [New international legal regime of the Caspian Sea]. – *Trudy VNIRO* [Proceedings of VNIRO]. 2018. T. 174. 129-142. (In Russ.)
- Berkman P.A., Kullerud I., Pope A., Vylegzhaniin A.N., Young O.R. The Arctic Science Agreement Propels Propels Science Diplomacy. – *Science*. 2017. Vol. 358. Issue 6363. P. 596-598.
- Blisshenko I.P. *Diplomaticeskoe pravo* [Diplomatic Law]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow. 1990. 284 s. (In Russ.)
- Bogonenko V.A. Pravovaja sushhnost' i priznaki mezhdunarodno-pravovyh otnoshenij v sfere proizvodstva, peredachi i potreblenija jenergeticheskikh resursov [Legal essence and characteristics of international legal relations in the field of production, transmission and consumption of energy resources]. – *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Ser. D. Economic and legal sciences]. 2017. № 14. S. 127-132. (In Russ.)
- Borovskij Ju.V. *Problema jenergeticheskoi bezopasnosti v otnoshenijah Rossii i mezhdunarodnogo soobshhestva: sotrudnichestvo i sopernichestvo: monografija* [The problem of energy security in relations between Russia and the international community: cooperation and rivalry: monograph]. Moscow. 2018. MGIMO-Universitet. 439 s. (In Russ.)
- Bradbrook A. Energy Law as an Academic Discipline. – *Journal of Energy & Natural Resources Law*. 1996. Vol. 14. P. 193-217.
- Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 2019. 872 p.
- Degterev D.A. *Jekonomicheskaja diplomatija: jekonomika, politika, pravo* [Economic diplomacy: economics, politics, law]. Moscow: Navona. 2010. 174 s. (In Russ.)
- Diplomatija resursov: *Syr'evye resursy i sistema mezhdunarodnyh otnoshenij dvadcatogo veka*. [Resource diplomacy: Raw materials and the system of international relations of the twentieth century]. Per. s it. Otv. red. A.V. Torkunov. Nauch. red. russkogo izdaniya M.M. Narinskij. Moscow: Navona. 2008. 445 s. (In Russ.)
- Efimceva T.V. Nekotorye aspekty pravovogo opredelenija ponjatija «toplivno-jenergeticheskij kompleks» po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii [Some aspects of the legal definition of the concept of "fuel and energy complex" under the legislation of the Russian Federation]. – *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika* [Law and state: theory and practice]. 2019. № 7(175). S. 82-84. (In Russ.)
- Fodchenko I.P. Mehanizmy razreshenija sporov v rossijsko-norvezhskoj modeli junitizacii transgranichnyh mestorozhdenij uglevodorodov v Barentevom more i Arktike [Dispute resolution mechanisms in the Russian-Norwegian model of unitization of transboundary hydrocarbon fields in the Barents Sea and the Arctic]. – *Predprinimatel'skoe pravo* [Business law]. 2018. № 4. S. 63-69.
- Ganievoj Sh.N. Ponjatie i sushhnost' diplomatii v sovremennyh uslovijah [The concept and essence of diplomacy in modern conditions]. – *Izvestija Akademii nauk Respubliki Tadjikistan. Otdelenie obshhestvennyh nauk* [News of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences]. 2020. № 2. S. 209-214. (In Russ.)
- Ganjushkin B.V. *Diplomaticeskoe pravo mezhdunarodnyh organizacij. Pravovoe polozenie predstavitel'stv gosudarstv pri mezhdunarodnyh organizacijah, v ih organah i na mezhdunarodnyh konferencijah* [Diplomatic Law of International Organizations. Legal status of state representations at international organizations, in their bodies and at international conferences]. Moscow. 1972. 191 s. (In Russ.)
- Glikman O.V. Mezhdunarodnoe jenergeticheskoe pravo v sisteme mezhdunarodnogo prava [International energy law in the system of international law]. – *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er* [International legal courier]. 2020. № 1-2. S. 72-77. (In Russ.)
- Goldthau A., Witte J.M. Global energy governance: the new rules of the game. – *The Brookings Institution*. 2010. 372 p.
- Gudkov I.V. Jenergeticheskij dialog Rossii i ES: aktual'nye politiko-pravovye problemy [Energy dialogue between Russia and the EU: current political and legal problems]. – *Vsja Evropa.ru* [All Europe.ru]. 2014. № 7(89). S. 28. (In Russ.)
- Gudkov I.V. Kompetencija Evropejskogo sojuza po regulirovaniju otnoshenij v jenergeticheskoi sfere [Competence of the European Union to regulate relations in the energy sector]. – *Mezhdunarodnoe jekonomicheskoe pravo* [International economic law]. 2016. № 1. S. 10-17. (In Russ.)
- Gulasarjan A.S. Forum stran – jeksporterov gaza (FSJeG): mezhdunarodno-pravovye aspekty dejatel'nosti [Gas Exporting Countries Forum (GECF): international legal aspects of activities]. – *Pravovoj jenergeticheskij forum* [Legal Energy Forum]. 2015. № 4. S. 34-40. (In Russ.)
- Gumarova I.S. Jenergeticheskaja diplomatija: metody, sredstva, formy i mehanizmy realizacii [Energy diplomacy: methods, means, forms and mechanisms of imple-

- mentation]. – *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija [Bulletin of Perm University. Political science]*. 2008. № 2(4). S. 141-146. (In Russ.)
24. Hizhnjak V.S. Vzaimodejstvie vneshnej politiki i mezhdunarodno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii v voprosah realizacii ee vneshnepoliticheskikh interesov [Interaction of foreign policy and international legal policy of the Russian Federation in the implementation of its foreign policy interests]. – *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istorija i sovremennost' [Foreign policy interests of Russia: history and modernity]*. Sbornik mater. IX Vseros. nauch. konf. Otv. red. A.N. Skvoznikov. Samara. 2021. S. 3-7. (In Russ.)
 25. *Jenergeticheskie izmerenija mezhdunarodnyh otnoshenij i bezopasnosti v Vostochnoj Azii [Energy Dimensions of International Relations and Security in East Asia]*. Pod red. A.V. Torkunova, nauch. red., sost. A.D. Voskresenskij. Moscow: MGIMO. 2007. 1039 s. (In Russ.)
 26. Judina O.N. 2021. Jenergeticheskij sojuz ES spustja pjat' let: mif ili real'nost'? [EU energy union after five years: myth or reality?]. – *Sovremennaja Evropa [Modern Europe]*. № 1(101). S. 190-199. (In Russ.)
 27. Judina O.N. Jenergeticheskij dialog Rossija – ES v 2000–2014 gg.: ključevye prioritety, jetapy, protivorečija i rezul'taty [Energy dialogue between Russia and the EU in 2000–2014: key priorities, stages, contradictions and results]. – *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika [Bulletin of Moscow University. Ser. International relations and world politics]*. 2022. T. 14. № 2. S. 40-75. (In Russ.)
 28. Kaufmann Io. *Conference Diplomacy. An Introductory Analysis*. Martinus Nijhoff Publishers. 1988.
 29. Kaveshnikov N.Ju. Razvitie vneshnej jenergetičeskoj politiki Evropejskogo Sojuza [Development of the external energy policy of the European Union]. – *Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*. 2013. № 4(31). S. 82-91. (In Russ.)
 30. Keller A.V. Sovetsko-germanskij jenergetičeskij dialog kak zalog razrijadki v 1960–1970 gg. [Soviet-German energy dialogue as a guarantee of détente in 1960–1970]. – *Studia Humanitatis [Studia Humanitatis]*. 2022. № 3. (In Russ.)
 31. Kondakov S.A. Truboprovodnaja diplomatija Rossii [Russia's pipeline diplomacy]. – *Mezhdunarodnye otnoshenija [International relationships]*. 2012. № 1. S. 128-138. (In Russ.)
 32. Kovalev A.A., Shilova N.L. Mezhdunarodno-pravovye aspekty obespečenija jenergetičeskoj bezopasnosti [International legal aspects of ensuring energy security]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2008. № 3(71). S. 61-77. (In Russ.)
 33. Krickij K.V. Odnostoronnie ogranichitel'nye mery (na primere vneshnej politiki SShA) [Unilateral restrictive measures (using the example of US foreign policy)]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2017. № 1. S. 131-140. (In Russ.)
 34. Lahno P.G. Ob jenergetičeskom prave i ne tol'ko... [About energy law and more...]. – *Predprinimatel'skoje pravo [Business law]*. 2019. № 4. S. 32-45. (In Russ.)
 35. Levin D.B. *Diplomatija: ee sushhnost', metody i formy [Diplomacy: its essence, methods and forms]*. Moscow. 1962. 175 s. (In Russ.)
 36. Levin D.B. *Mezhdunarodnoe pravo, vneshnjaja politika i diplomatija [International Law, Foreign Policy and Diplomacy]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. 1981. 143 s. (In Russ.)
 37. Lisicyn-Svetlanov A.G. Obosnovanie jenergetičeskoj bezopasnosti: nekotorye zadachi vnutrennej i vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Justification for energy security: some tasks of the domestic and foreign policy of the Russian Federation]. – *Pravovoj jenergetičeskij forum [Legal Energy Forum]*. 2021. № 4. S. 8-12. (In Russ.)
 38. Lobanov S.A. Uchastie Rossijskoj Federacii v Parizhskom soglashenii 2015 g. i pravovoe obespečenie razvitiya TJeK: problemy i perspektivy [Participation of the Russian Federation in the Paris Agreement of 2015 and legal support for the development of the fuel and energy complex: problems and prospects]. – *Jenergetičeskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya [Energy law: models and development trends]*. Sbornik mater. III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Pod. red. A.V. Gabova. Belgorod: ID «BelGU» NIU «BelGU». 2022. S. 113-117. (In Russ.)
 39. Martynenko S.E. Mezhdunarodno-pravovye osnovy sportivnoj diplomatii [International legal foundations of sports diplomacy]. – *Juridicheskaja nauka [Legal science]*. 2018. № 4. S. 25-29. (In Russ.)
 40. Meshherjakova O.M. Pravovye osnovy evropejskoj politiki v sfere bezopasnosti i Lissabonskij dogovor [Legal framework for European security policy and the Lisbon Treaty]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International public and private law]*. 2013. № 5. S. 20-23. (In Russ.)
 41. Monastyreckaja O.V. Osnovy differenciacii terminov mezhdunarodnogo prava i diplomatii [Basics of differentiation of terms of international law and diplomacy]. – *Jazyk i mir izučaemogo jazyka [Language and the world of the language being studied]*. 2015. № 6. S. 83-86. (In Russ.)
 42. Nosova I. Rossijsko-japonskij jenergetičeskij dialog [Russian-Japanese energy dialogue]. – *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World economy and international relations]*. 2011. № 4. S. 39-47. (In Russ.)
 43. Novak A. Jenergetika: vzgljad v budushhee [Energy: a look into the future]. – *Jenergetičeskaja politika [Energy policy]*. 2019. № 2. S. 6-11. (In Russ.)
 44. Offerdal K. Arctic Energy in EU Policy: Arbitrary Interest in the Norwegian High North. – *Arctic*. 2010. Vol. 63. No. 1. P. 30-42.
 45. Oleandrov V.L. Mnogostoronnnaja diplomatija [Multilateral diplomacy]. – *Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and management. XXI Century]*. 2013. № 2(27). S. 69-76. (In Russ.)
 46. Pavlov E.Ja. Nauchnaja diplomatija v Rossii: Konstitucionno-pravovye osnovy [Science diplomacy in Russia: Constitutional and legal foundations]. – *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'-Observer [Scientific and analytical magazine Observer-Observer]*. 2018. № 11(346). S. 102-120. (In Russ.)
 47. Pjen Ch. Sovremennij jenergetičeskij dialog Kitaja i stran chlenov ShOS v neftegazovoj sfere [Modern energy dialogue between China and the SCO member countries in the oil and gas sector]. – *Sociosfera [Sociosphere]*. 2018. № 1. S. 24-29. (In Russ.)
 48. Popov V.I. *Sovremennaja diplomatija: teorija i praktika: diplomatija – nauka i iskusstvo [Modern diplomacy: theory and practice: diplomacy – science and art]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2010. 572 s. (In Russ.)

49. *Pravovoj rezhim mineral'nyh resursov. Slovar' [Legal regime of mineral resources. Dictionary]*. Pod red. A.A. Arbatova, V.Zh. Arensa, A.N. Vylegzhanina, L.A. Tropko. Moscow: OOO «Geoinformcentr». 2002. 284 s. (In Russ.)
50. Proedrou F. Revisiting pipeline politics and diplomacy: from energy security to domestic politics explanations. – *Problems of Post-Communism*. 2018. T. 65. № 6. P. 409-419.
51. Romanova V.V. Pravovye osnovy razvitiya mezhdunarodnogo jenergeticheskogo pravoporyadka [Legal basis for the development of the international energy legal order]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International public and private law]*. 2015. № 3. S. 9-12. (In Russ.)
52. Romanova V.V. Vneshnejeekonomicheskie sdelki v gazovoj otrasli: osobennosti pravovogo regulirovaniya [Foreign economic transactions in the gas industry: features of legal regulation]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International public and private law]*. 2016. № 3. S. 12-16. (In Russ.)
53. Salieva R.Z. Osobennosti jekonomicheskoy (hozjajstvennoj) dejatel'nosti v jenergeticheskom sektore jekonomiki [Features of economic (economic) activity in the energy sector of the economy]. – *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of foreign legislation and comparative law]*. 2015. № 6. S. 1117-1121. (In Russ.)
54. Seliverstov S.S. K voprosu o ponjatii jenergeticheskogo prava [On the issue of the concept of energy law]. – *Jenergeticheskoe pravo [Energy law]*. 2008. № 1. S. 52-58. (In Russ.)
55. Shamugija I.Sh. Ponjatie «publichnaja diplomatija» v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij [The concept of “public diplomacy” in the theory of international relations]. – *Aktual'nye problemy sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij [Current problems of modern international relations]*. 2017. № 10. S. 136-142. (In Russ.)
56. Shevchenko L.I. Ponjatie i pravovoe obespechenie jenergeticheskoy bezopasnosti kak osnovy jenergeticheskogo pravoporyadka [Concept and legal support of energy security as the basis of the energy legal order]. – *Pravovoj jenergeticheskij forum [Legal Energy Forum]*. 2021. № 1. S. 26-31. (In Russ.)
57. Shumilov V.M. Kategorija «Gosudarstvennyj interes» v politike i prave (sistemno-teoreticheskie i mezhdunarodno-pravovye aspekty) [Category “State interest” in politics and law (system-theoretical and international legal aspects)]. – *Pravo i politika [Law and politics]*. 2000. № 3. S. 4-17. (In Russ.)
58. Smith M., Keukeleire S., Vanhoonacker S. *The Diplomatic System of the European Union: Evolution, Change and Challenges*. London: Routledge. 2015. 18 p.
59. Sorokina Ju.V. Diplomatiya kak sredstvo realizacii vneshnej politiki [Diplomacy as a means of implementing foreign policy]. – *Mezhdunarodno-pravovye chteniya [International legal readings]*. Vyp. 2. Otv. red. P.N. Birjukov. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. 2003. S. 13-18. (In Russ.)
60. Surma I.V. *Cifrovaja diplomatija: monografija [Digital diplomacy: monograph]*. Moscow. 2020. 123 s. (In Russ.)
61. Tanaka N. Usilenie zavisimosti i global'noj jenergeticheskoy bezopasnosti i vazhnost' jenergeticheskogo dialoga mezhdu MJeA i Rossiej [Increasing dependence and global energy security and the importance of energy dialogue between the IEA and Russia]. – *Jenergeticheskaja politika [Energy policy]*. 2008. № 6. S. 9-13. (In Russ.)
62. Tunkin G.I. *Teorija mezhdunarodnogo prava [The Theory of International Law]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1970. 511 s.
63. Uludag M., Karagul S. Turkey's role in energy diplomacy from competition to cooperation: theoretical and factual projections. – *International journal of energy economics and policy*. 2013. Vol. 3. P. 102-114.
64. Urtaeva Je.B. Ponjatie jenergeticheskoy diplomatii i interesy Rossii [The concept of energy diplomacy and the interests of Russia]. – *Politika i obshchestvo [Politics and society]*. 2011. № 4(76). S. 4-11.
65. Varlen M.V. O vozrastajushhej roli parlamentskoj diplomatii v mnogopoljarnom mire [On the growing role of parliamentary diplomacy in a multipolar world]. – *Lex russica*. 2019. № 7. S. 54-65. (In Russ.)
66. Vylegzhanin A.N., Dudykina I.P. Ponjatie «mezhdunarodno-pravovaja politika gosudarstva» [The concept of “international legal policy of the state”]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2016. № 4. S. 21-37. (In Russ.)
67. Vylegzhanin A.N., Salygin V.I., Krymskaja K.V. Transgranichnoe nedropol'zovanie: mezhdunarodno-pravovye mehanizmy nekonfliktnoj politiki gosudarstv [Transboundary subsoil use: international legal mechanisms for non-conflict policies of states]. – *Mezhdunarodnye processy. [International processes]*. 2020. T. 18. № 3(62). S. 23-41. (In Russ.)
68. Zhiznin T.Z., Trusova A.A. Jenergeticheskaja diplomatija v sovremennom mire: men'she jekonomiki, bol'she geopolitiki [Energy diplomacy in the modern world: less economics, more geopolitics]. – *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of RUDN University. Series: International relations]*. 2019. T. 19. № 3. S. 472-479. (In Russ.)
69. Zhukova I.S. Jenergeticheskaja diplomatija i geopolitika kak sostavnoj jelement mezhdunarodnogo jenergeticheskogo prava [Energy diplomacy and geopolitics as an integral element of international energy law]. – *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg State University]*. 2010. № 3 (109). S. 51-54. (In Russ.)
70. Zonova T. V. *Diplomatija: Modeli, formy, metody [Diplomacy: Models, forms, methods]*. Moscow: Aspekt Press. 2014. 346 s. (In Russ.)

Информация об авторах**Сергей Александрович ЛОБАНОВ,**

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Правового регулирования ТЭК Международного института энергетической политики и дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского проспект, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Яна Джамалутдиновна СУРХАЕВА,

Соискатель кафедры Правового регулирования ТЭК Международного института энергетической политики и дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского проспект, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

Yano4ka.02@inbox.ru
ORCID: 0009-0008-8262-0946

About the Authors**Sergey A. LOBANOV,**

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Yana J. SURKHAYEVA,

Candidate of the Department of Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

Yano4ka.02@inbox.ru
ORCID: 0009-0008-8262-0946

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-80-89>

Исследовательская статья

УДК: 341.3

Поступила в редакцию: 24.05.2023

Принята к публикации: 11.03.2024

Наталья Андреевна КАПУСТИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

nakapustina@hse.ru

ORCID: 0000-0002-2028-8537

СООТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ УСМОТРЕНИЯ АРБИТРОВ И ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ВЕДЕНИЕ. В статье рассматриваются подходы, выработанные судами Азиатско-Тихоокеанского региона (на примере Сингапура, Гонконга и Малайзии) по вопросам соотношения свободы усмотрения арбитров при рассмотрении споров и соблюдения принципа естественной справедливости.

Цель исследования – анализ подходов национальных судов к толкованию принципа естественной справедливости в контексте реализации арбитражем своих дискреционных полномочий (усмотрения) при решении переданных им споров. Риск необеспечения арбитрами баланса свободы усмотрения и естественной справедливости состоит в возможности отмены арбитражного решения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве материалов для исследования были использованы национальное законодательство стран Азиатско-Тихоокеанского региона, практика арбитражных институтов и судебных органов, а также существующие позиции исследователей института естественной справедливости в арбитраже и практикующих в сфере международного коммерческого арбитража специалистов. Методологическая основа исследования включает общенаучные (анализ) и специальные юридические (сравнительно-правовой) методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Международный коммерческий арбитраж широко рассматривается как альтернативный судебным разбирательствам в национальных судах механизм разрешения споров. При этом национальные суды часто участвуют в рассмотрении арбитражных решений в контексте их отмены в целях обеспечения соответствия арбитражной процедуры фундаментальным принципам естественной справедливости. Понимание принципа естественной справедливости не одинаково во всех юрисдикциях и зависит от места проведения арбитража, а также от того, какие правила согласованы сторонами для регулирования разбирательства. Арбитражное усмотрение важно для заполнения пробелов, оставленных правилами и руководящими принципами, сформулированными различными арбитражными институтами и практикой.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. В рамках исследования рассмотрены подходы национальных судов Сингапура, Гонконга и Малайзии к обеспечению баланса между усмотрением в арбитраже и соблюдением принципа естественной справедливости. На основании проанализированной практики предложены способы минимизации риска отмены арбитражного решения в связи с нарушением естественной справедливости, а именно необходимость установленного

процедурного протокола, который обеспечивал бы определенность и устранял проблемы, возникающие в связи с применением арбитражем усмотрения, а также предварительное подробное ознакомление сторон с применяемыми арбитражными институтами процедурами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *арбитраж, международный коммерческий арбитраж, арбитражное решение, естественная справедливость, усмотрение арбитра, арбитражная процедура*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Капустина Н.А. 2024. Соотношение свободы усмотрения арбитров и принципа справедливости при арбитражном судопроизводстве. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 80–89. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-80-89>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

PEACEFUL SETTLEMENT OF INTERNATIONAL DISPUTES

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-80-89>

Research article

UDC: 341.3

Received 24 May 2023

Approved 11 March 2024

Natalia A. KAPUSTINA

National Research University "Higher School of Economics"

20, Myasnitskaya st., Moscow, Russian Federation, 101000

nakapustina@hse.ru

ORCID: 0000-0002-2028-8537

CORRELATION BETWEEN THE ARBITRATORS' DISCRETION AND THE NATURAL JUSTICE IN ARBITRATION PROCEEDINGS

INTRODUCTION. *This article discusses the approaches developed by the courts of the Asia-Pacific region (on the example of Singapore, Hong Kong and Malaysia) on the relationship between the arbitrators' discretion when considering disputes and the observance of the principle of natural justice.*

The purpose of the article was to analyze the approaches of national courts to the interpretation of the principle of natural justice in the context of the implementation by arbitration of its discretionary powers in resolving disputes submitted to them. The risk that the arbitrators fail to find a balance between discretionary powers and natural justice is that the award may be set aside.

MATERIALS AND METHODS. *The study was based on the analysis of national legislation of the*

countries of the Asia-Pacific region, the practice of arbitration centers and judicial bodies, as well as the existing positions of researchers specialized in the natural justice issues and practitioners in the field of international commercial arbitration. The methodological basis of the research includes general scientific (analysis) and special legal (comparative legal) methods.

RESEARCH RESULTS. *International commercial arbitration is widely regarded as an alternative dispute resolution mechanism to litigation in national courts. However, national courts are often involved in reviewing arbitral awards in the context of their setting aside in order to ensure that the arbitral procedure complies with the fundamental principles of natural justice. The understanding of the principle of*

natural justice is not the same in all jurisdictions and depends on the venue of the arbitration, as well as on what rules the parties have agreed to govern the proceedings. Arbitral discretion is important in filling the gaps left by the rules and guidelines formulated by various arbitral institutions and practices.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author considers the approaches of the courts of Singapore, Hong Kong and Malaysia ensuring a balance between arbitrators' discretion and compliance with the principle of natural justice, and also, based on the analyzed practice, suggests ways to minimize the risk of annulment of an arbitral award due to a violation of natural justice, namely the need for an established procedural protocol, which would provide certainty and eliminate*

problems arising in connection with the application of discretion by arbitration.

KEYWORDS: *arbitration, international commercial arbitration, arbitral award, natural justice, arbitrator's discretion, arbitral proceedings*

FOR CITATION: Kapustina N.A. Correlation between the Arbitrators' Discretion and the Natural Justice in Arbitration Proceedings. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 1. P. 80–89. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-80-89>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Как указывает Г. Борн [Born 2009:999], стороны передают спор на рассмотрение в международный коммерческий арбитраж с целью выполнения понятной нейтральной процедуры, которая является гибкой, эффективной и адаптированной под запросы сторон в рамках конкретного спора, без лишних формальных, технических или процедурных правил.

Рассмотрение спора в международном коммерческом арбитраже завершается (по общему правилу) вынесением решения. Арбитражное решение является окончательным для сторон и не пересматривается по существу, как это происходит в государственных судах. Окончателюность решения является характерной чертой арбитража и выделяется в числе преимуществ по сравнению с порядком разрешения спора в национальных судах [Курочкин 2007:25].

Е.В. Ситкарева [Ситкарева 2022:53] отмечает показательные высказывания английских юристов, которые среди преимуществ и недостатков арбитража называют окончательность, так как существует ограниченный круг оснований для отмены и обжалования решений, что в качестве преимущества означает более быстрый результат при рассмотрении спора, а в качестве

недостатка – сложный процесс обжалования, если одна из сторон считает свои права нарушенными.

Международный коммерческий арбитраж рассматривается как альтернативный судебным разбирательствам в национальных судах механизм разрешения споров. При этом национальные суды часто участвуют в рассмотрении арбитражных решений в контексте их отмены, а также признания и приведения в исполнение. Основная цель участия национальных судов заключается в обеспечении соответствия арбитражной процедуры фундаментальным принципам естественной справедливости [Brady 2013:16]. Эти принципы берут начало в общих принципах права, и их применение предусмотрено как Нью-Йоркской конвенцией (далее – Конвенция)¹, так и Типовым законом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (далее – ЮНСИТРАЛ, Типовой закон)².

Естественная справедливость является категорией английского общего права, которая означает справедливость в соответствующей процедуре. Концепция принципа естественной справедливости предполагает «обязанность действовать справедливо», т. е. обеспечивать «отсутствие предвзятости» и «право на

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. – *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 1993. № 8.

² ЮНСИТРАЛ: Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

справедливое разбирательство в ходе рассмотрения спора» [Singh 2022:63].

Первостепенной обязанностью арбитров является обеспечение для сторон в ходе арбитражного разбирательства тех преимуществ, которые включаются в принцип естественной справедливости. При этом на практике возникает вопрос баланса свободы усмотрения арбитров и обеспечения естественной справедливости в рамках рассмотрения спора.

Ассоциация международного права опубликовала Рекомендации³, в которых разъясняются подразумеваемые и неотъемлемые полномочия арбитров. Категория «неотъемлемые» обозначает, что полномочия исходят из самой сущности арбитража. В то время как категория «подразумеваемые» предполагает, что эти полномочия закреплены в конкретных правилах, но не выражаются в них напрямую. Эти полномочия могут быть основаны на процессуальных нормах и других применимых положениях, в том числе на соглашении сторон. Именно эти полномочия позволяют арбитру выполнять свою функцию. Усмотрение арбитра предполагает, что арбитр (трибунал) может вести разбирательство практически любым способом, который он считает наилучшим, при условии, что уважается миссия арбитража и поддерживается принцип естественной справедливости [Park 2003:279].

Риск необеспечения арбитрами баланса свободы усмотрения и естественной справедливости состоит в возможности отмены арбитражного решения.

Признание автономии арбитража при рассмотрении спора является важным, однако, как отмечается исследователями, потенциально это может повлиять на защиту интересов сторон спора. В деле *Zermalt Holdings против Nu-Life Upholstery Repairs* Дж. Бингхэм отметил, что «в целом суды стремятся поддерживать арбитражные решения. Они не подходят к ним с дотошным юридическим взглядом, пытаясь найти пробелы, несоответствия и недостатки в решениях и с целью нарушить или сорвать процесс арбитража. Отнюдь. Подход заключается в том, что-

бы толковать арбитражное решение разумным и коммерческим образом, ожидая, как это обычно бывает, что в нем не будет обнаружена существенная ошибка»⁴. В рамках рассмотрения указанного дела также было отмечено следующее: «Неправильно, чтобы решение основывалось на конкретных вопросах, с которыми стороны никогда не имели возможности разобраться, поскольку это противоречит сути правосудия»⁵.

Природа арбитражных процедур и определенная степень их поддержки со стороны государственных судов в части проведения разбирательства, как отмечает А.И. Пулле [Pulle 2012:63], создают контекст для споров о том, соблюдал ли арбитр (трибунал) правила рассмотрения спора, не вышел ли он за пределы предоставленных ему полномочий, не злоупотребил ли свободой усмотрения.

В рамках настоящей статьи мы проанализировали подход судов стран Азиатско-Тихоокеанского региона к вопросу соотношения свободы усмотрения арбитров и соблюдения принципа естественной справедливости при рассмотрении заявления об отмене арбитражных решений. Для анализа были выбраны Сингапур, Гонконг и Малайзия – бывшие колонии Великобритании – как представители стран англосаксонского права, а также как страны с активно развивающимися экономикой и системой судопроизводства [Ермакова 2015:4].

2. Сингапур

Законодательство Сингапура разделяет арбитраж на международный коммерческий и арбитраж внутренних споров. Арбитраж внутренних споров регулируется Законом об арбитраже 2001 г. (Arbitration Act; далее – АА), международный – Законом о международном арбитраже (International Arbitration Act; далее – ИАА)⁶.

В Сингапуре основание, предусматривающее отмену арбитражных решений за нарушение принципа естественной справедливости, закреплено в ст. 24(b) ИАА, устанавливающей, что государственный суд может отменить арбитраж-

³ International Law Association: 'Annex to Resolution No. 4/2016: Inherent and Implied Powers of International Arbitral Tribunals: Recommendations' adopted at the 77th Conference of the International Law Association, held in Johannesburg, South Africa, 7–11 August, 2016.

⁴ *Zermalt Holdings S.A. v. Nu-Life Upholstery Repairs Ltd.*, [1985] 2 E.G.L.R. 14.

⁵ Ibidem.

⁶ International Arbitration Act 1994. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/IAA1994> (accessed date: 24.02.2023).

ное решение на основании соответствующего заявления стороны, если установит, что «в связи с вынесением арбитражного решения произошло нарушение естественной справедливости, которое нанесло ущерб правам какой-либо стороны». Как заметил Дж.А. Раджа в отношении этих положений, «ни одно государство не допустит, чтобы арбитражное решение было вынесено или приведено в исполнение на его территории, не имея возможности пересмотреть решение или, по крайней мере, не предоставив сторонам возможности обратиться в суд, если имело место нарушение надлежащей правовой процедуры»⁷.

Несмотря на общемировую тенденцию роста числа заявлений об отмене арбитражных решений в связи с нарушением принципа естественной справедливости вследствие предвзятости, фактическая или очевидная предвзятость редко упоминается в отношении международных коммерческих арбитражей, проводимых в Сингапуре. Однако утверждения о том, что слушание было несправедливым и что права одной из сторон на должную процедуру рассмотрения спора были нарушены, заявляются достаточно регулярно. В связи с этим судами Сингапура была проведена детальная оценка указанных оснований.

Анализ ст. 24(b) IAA, как указывает А.И. Пулле [Pulle 2012:70], позволяет сделать два вывода. Во-первых, нарушения естественной справедливости могут не иметь таких последствий, когда арбитражное решение должно быть отменено или не приведено в исполнение. Иными словами, суд Сингапура может не отказать в приведении в исполнение арбитражного решения, поскольку нарушение является недостаточно серьезным, однако он может при тех же фактических обстоятельствах отменить решение, если установит, что следствием нарушения естественной справедливости при рассмотрении спора будет являться ущерб для стороны, подавшей жалобу. Таким образом, ст. 24(b) IAA может трактоваться как указание арбитражным судам, проводящим ар-

битражные разбирательства в Сингапуре, придерживаться определенных основных стандартов естественной справедливости. Во-вторых, «права любой стороны» охватывают не только ряд процессуальных прав, но также материальные права. Нарушение должно иметь последствия. Соответственно, даже серьезные нарушения не будут приниматься во внимание в соответствии со ст. 24 (b) IAA, если не будет причинен ущерб. Большинство исследователей отмечают, что данный подход является правильным, так как гибкость и неформальный характер арбитража (который выбирается самими сторонами) были бы скомпрометированы, если бы любые процессуальные нарушения, каким бы незначительным они не были, но не причиняющие вреда, позволяли бы государственному суду отменять арбитражное решение в соответствии со ст. 24(b) IAA.

В деле *John Holland Pty Ltd v. Toyo Engineering Corp* 2001 г.⁸ Высокий суд Сингапура изложил основания, которые необходимо установить для отмены арбитражного решения на основании нарушения естественной справедливости⁹. Утверждая эти критерии, суд интерпретировал ст. 48 АА, но в рамках последующих дел было установлено, что эти критерии также применимы к толкованию ст. 24(b) IAA. В деле *Soh Beng Tee & Co Pte Ltd против Fairmont Development Pte Ltd*¹⁰ Апелляционный суд Сингапура изложил позицию в отношении того, как принцип естественной справедливости действует в арбитражном разбирательстве, и какой набор критериев следует использовать в качестве отправной точки в последующих решениях для оценки заявлений о том, что принципы естественной справедливости были нарушены в арбитражном процессе.

Судебная практика Сингапура позволяет выделить два основных требования, которые должны соблюдаться для характеристики процедуры рассмотрения спора как соответствующей естественной справедливости: во-первых,

⁷ *CRW Joint Operations v. PT Perusahaan Gas Negara (Persero) TBK* [2011] 4 SLR 305. URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-crw-joint-operation-v-pt-perusahaan-gas-negara-persero-tbk-judgment-of-the-court-of-appeal-of-singapore-wednesday-13th-july-2011> (accessed date: 12.05.2023).

⁸ *John Holland Pty Ltd (John Holland Construction & Engineering Pty Ltd) v. Toyo Engineering Corp (Japan)* [2001] 1 SLR(R) 443. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2001_SGHC_48 (accessed date: 25.02.2023).

⁹ Были выработаны следующие критерии оценки: 1) какое правило естественной справедливости было нарушено; 2) как это конкретное правило было нарушено; 3) каким образом данное нарушение связано с вынесением арбитражного решения; 4) каким образом это нарушило права заинтересованной стороны.

¹⁰ *Soh Beng Tee & Co Pte Ltd v. Fairmount Development Pte Ltd* [2007] SGCA 28. URL: https://www.elitigation.sg/gdviewer/s/2007_SGCA_28 (accessed date: 12.05.2023).

арбитр должен провести слушание, которое в целом можно охарактеризовать как справедливое (т. е. отсутствуют элемент предвзятости); во-вторых, арбитражное решение не должно содержать толкования фактов, в отношении которых сторона не имела возможности представить позицию.

Большинство дел, связанных с заявлениями о нарушениях принципа естественной справедливости в части процедуры рассмотрения спора, обычно касались ситуаций, когда арбитр не озвучивает своих предварительных позиций о фактах и законе, представленных представителями сторон. В таком контексте возникал вопрос, действует ли арбитр в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий или выходит за их рамки. Сингапурские суды полагаются в таких ситуациях на общие положения судебной практики, которая стремится сбалансировать эффективность арбитражного разбирательства с необходимостью обеспечения того, чтобы основные элементы спора были известны сторонам, а также арбитру: «При решении вопроса о том, нарушило ли решение трибунала правила естественной справедливости, необходимо сначала спросить, действительно ли этот вопрос обсуждался в ходе арбитражного разбирательства или же арбитр (трибунал) проявил самостоятельность и выдвинул свои идеи, не подкрепленные доказательствами, представленными перед ним»¹¹. Таким образом, при оценке аргументов стороны в отношении анонсирования арбитром своей предварительной позиции суды Сингапура придерживаются мнения, что арбитр (трибунал) не обязан этого делать, так как значение имеет должная оценка фактов и позиции при вынесении решения.

В 2011 г. Высокий суд Сингапура установил, что арбитр нарушил правила слушания. Это первый зарегистрированный случай, в котором сторона успешно убедила суд Сингапура отменить арбитражное решение на том основании, что были нарушены принципы естественной справедливости.

В деле *Front Row Investment Holdings (Singapore) Pte Ltd против Daimler South East Asia*

*Pte Ltd*¹² сторона *Front Row* утверждала, что арбитр нарушил правило слушания, когда сосредоточил внимание и рассмотрел только один факт введения в заблуждение, о котором заявила *Front Row*, хотя на самом деле было заявлено о трех. Другими словами, арбитр фактически проигнорировал два аргумента.

В деле *CBS против CBP*¹³ Апелляционный суд Сингапура пришел к выводу о том, что активное использование арбитром свободы усмотрения при отказе одной из сторон в даче устных показаний было нарушением принципа естественной справедливости. Соответствующие правила, регулирующие этот конкретный арбитраж, действительно предоставляли арбитру определенную степень усмотрения, включая «самую широкую свободу действий», разрешенную законодательством, «для обеспечения справедливого, оперативного, экономичного и окончательного разрешения спора». Однако было установлено, что такое усмотрение, хотя и широкое в своих прямо выраженных формулировках, не предназначалось для того, чтобы позволить арбитру отказать стороне в праве, которое она в противном случае имела бы, например, при даче устных показаний. Именно на этом основании арбитражное решение было отменено Высоким судом Сингапура.

Арбитры пользуются определенной степенью процедурного усмотрения в контексте их беспристрастной и независимой роли лиц, принимающих решения в арбитраже. Арбитрам необходима, по крайней мере, некоторая свобода действий, учитывая характер арбитражного разбирательства. Например, арбитражное усмотрение требуется в обстоятельствах процессуального тупика, когда стороны не могут договориться о том, как и когда должны быть предприняты определенные шаги.

Исходя из подхода судов Сингапура, несмотря на то что арбитры обладают определенной степенью свободы усмотрения, как рассмотрено выше, никакая свобода усмотрения не преобладает над обязанностями арбитров по обеспечению соблюдения принципов естественной справедливости в арбитражном разбирательстве.

¹¹ *Sobati General Trading LLC v. PT Multistrada Arahsarana* [2009] SGHC 245. URL: https://www.elitigation.sg/gdviewer/s/2009_SGHC_245 (accessed date: 12.05.2023).

¹² *Front Row Investment Holdings (Singapore) Pte Ltd v. Daimler South East Asia Pte Ltd* [2010] SGHC 80. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2010_SGHC_80 (accessed date: 12.05.2023).

¹³ *CBS v. CBP* [2021] SGCA 4. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2021_SGCA_4 (accessed date: 12.05.2023).

3. Гонконг

В Гонконге положения о нарушении естественной справедливости изложены в ст. 46 Ордонанса «Об арбитраже» 2011 г. (Arbitration Ordinance)¹⁴, которая устанавливает, что:

- 1) стороны должны рассматриваться на равных;
- 2) при проведении арбитражного разбирательства или осуществлении любых полномочий, возложенных на арбитраж, он должен:
 - а) быть независимым;
 - б) действовать справедливо и беспристрастно, предоставляя сторонам разумную возможность изложить свои доводы и ответить на доводы оппонентов;
 - в) использовать процедуры, соответствующие конкретному делу, избегая ненужных задержек или расходов, чтобы обеспечить справедливые средства для разрешения спора.

В Гонконге доказать нарушение естественной справедливости достаточно сложно. В отличие от Сингапура, суды Гонконга не выработали критериев нарушения естественной справедливости. На практике (см. напр., дело *Grand Pacific Holdings Ltd v. Pacific China Holdings Ltd*)¹⁵ государственный суд указывает, что международный коммерческий арбитраж обладает широкой свободой действий при рассмотрении дела.

Подход судов Гонконга (по сравнению с судами Сингапура) заключается в том, что в редких случаях суды могут отменять решения по причине нарушения естественной справедливости, даже если не было доказано причинно-следственной связи¹⁶. В Сингапуре вопросы причинно-следственной связи являются одним из критериев для отмены арбитражного решения. В деле *Grand Pacific Holdings Ltd v. Pacific China Holdings Ltd* апелляционный суд Гонконга рассматривал вопрос о нарушении естественной справедливости и указал, что в случае обнаруже-

ния нарушения суд может тем не менее отказать в отмене арбитражного решения, если сочтет, что результат рассмотрения спора «не мог быть иным», т. е. нарушение никак не повлияло бы на него.

Относительно недавно суд Гонконга продемонстрировал решительно проарбитражную позицию в решении, подчеркнув высокие пороги нарушения, которые необходимо установить, прежде чем арбитражное решение может быть отменено. В деле *LY против HW*¹⁷ суд отказал в удовлетворении заявления об отмене арбитражного решения в связи с отсутствием указания в арбитражном решении ключевых, по мнению заявителя, вопросов и обоснований выводов. При рассмотрении заявления об отмене арбитражного решения государственный суд сослался в том числе на обширную существующую практику, которая придерживается позиции, что отмена арбитражного решения допускается только в случаях существенных ошибок, следствием которых является ущемление прав и интересов одной из сторон спора.

Суд указал, что арбитр (трибунал) сам определяет степень подробности указания мотивов вынесения, так как цель арбитража заключается в справедливом и оперативном разрешении спора без необоснованных задержек и дополнительных расходов. Суд сделал акцент на том, что подходить к арбитражному решению должно разумно, не пытаясь искать оснований для отмены в любых ошибках или неточностях. При этом также важно проявлять осмотрительность при принятии решения о том, адекватно ли арбитр (трибунал) рассмотрел вопрос, чтобы избежать любых попыток пересмотра арбитражного решения.

Таким образом, суд Гонконга еще раз подчеркнул допустимость и необходимость реализации свободы усмотрения как дискреционного полномочия арбитра в рамках арбитражного разбирательства. Для сторон же было особенно

¹⁴ Arbitration Ordinance, Cap. 609 of the Laws of Hong Kong. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap609> (accessed date: 30.03.2023).

¹⁵ *Grand Pacific Holdings Ltd v. Pacific China Holdings Ltd* [2012] 4 HKLRD 1. URL: <https://hsfnnotes.com/arbitration/wp-content/uploads/sites/4/2013/02/Grand-Pacific-Holdings-Ltd-v-Pacific-China-Holdings-Ltd-in-liq-No-1-2012-4-HKLRD-1.pdf> (accessed date: 30.03.2023).

¹⁶ См. напр., *Tronic International Pte Ltd (Singapore) v. Topco Scientific Co Ltd (Taiwan)* [2016]. URL: <https://doylesarbitrationlawyers.com/tronic-international-pte-ltd-singapore-v-topco-scientific-co-ltd-taiwan-and-others-2016-hkca-371-2017-4-hkc-481-cacv-235-2013/> (accessed date: 12.05.2023).

¹⁷ *LY v. HW*, [2022] HKCFI 2267. URL: <https://doylesarbitrationlawyers.com/ly-v-hw-2022-hkcfi-2267/> (accessed date: 12.05.2023).

обозначено, что они не могут обращаться в суд с просьбой отменить арбитражное решение просто с целью повторения доводов, которые могли быть не отражены или неполно изложены трибуналом в его решении.

Важно отметить, что, исходя из позиции судов Гонконга, даже в тех случаях, когда имеет место ошибка в праве, арбитражное решение не может быть отменено, если только ошибка, допущенная арбитражем, не представляет собой нарушение естественной справедливости или несоблюдение согласованной сторонами арбитражной процедуры, которые должны быть доказаны стороной.

4. Малайзия

Основания для отмены арбитражных решений в соответствии с законодательством Малайзии повторяют основания Типового закона, но с небольшими изменениями. Пункт 1(b) ст. 37 Закона Малайзии об арбитраже 2005 г. (далее – АА 2005 г.)¹⁸ позволяет отменять арбитражное решение, если оно противоречит публичному порядку Малайзии. В свою очередь, решение, вынесенное с нарушением естественной справедливости, противоречит публичному порядку Малайзии в соответствии с п. 2(b) ст. 37 АА 2005 г.

Несмотря на четкую формулировку положений ст. 37 АА 2005 г., Федеральный суд в деле Master Mulia Sdn Bhd против Sigur Rus Sdn Bhd¹⁹ указал, что необходимо «учитывать серьезность нарушения, анализируя было ли нарушение существенным для исхода арбитражного разбирательства».

Следовательно, если нарушение естественной справедливости было несущественным, то заявление об отмене арбитражного решения должно быть отклонено, «даже если суд установит, что имело место серьезное нарушение, если это нарушение не оказало бы реального влияния на результат, и арбитраж не пришел бы к иному вы-

воду, суд может отказать в отмене арбитражного решения».

Как отмечает Ч.К. Хо²⁰, затруднительно смоделировать ситуацию, когда существенное нарушение естественной справедливости не окажет реального влияния на результат. Такая трактовка государственным судом положений законодательства дает судьями значительную свободу действий при рассмотрении заявлений об отмене арбитражного решения²¹.

В деле Allianz General Insurance Company Malaysia Berhad против Virginia Surety Company Labuan Branch²² Высокий суд Малайзии создал прецедент в отношении усмотрения арбитров, защищающий свободу принятия решений трибуналами, базирующимися на территории Малайзии.

В рамках указанного дела предполагаемое нарушение естественной справедливости заключалось, по мнению заявителя, в том, что арбитражное решение не отражало должным образом рассматриваемый в рамках спора вопрос об обязанности проявлять максимальную добросовестность, а также доводы стороны, связанные с ним. Аргументы заявителя в отношении нарушения естественной справедливости были полностью отклонены. В своем решении Высокий суд Малайзии подчеркнул, что естественная справедливость не дает стороне арбитража права получать ответ арбитра на все представленные доводы; достаточно того, что сторонам было предоставлено право быть заслушанными по этим вопросам.

Таким образом, выбор арбитров не давать обоснования в отношении всех доводов не может быть непосредственным основанием для предположения о нарушении естественной справедливости и надлежащей правовой процедуры, так как не свидетельствует о том, что доводы не были рассмотрены и приняты во внимание арбитром (трибуналом).

¹⁸ Arbitration act 2005. URL: <https://www.aiac.world/wp-content/arbitration/Arbitration-Act-2005.pdf> (accessed date: 12.05.2023).

¹⁹ Master Mulia Sdn Bhd v. Sigur Rus Sdn Bhd [2020]. URL: <https://www.malikimtia.com.my/doc/CLJ213.pdf> (accessed date: 12.05.2023).

²⁰ Hoe C.K. *Arbitrator's own knowledge and expertise a license to breach natural justice? A critique of Pancaran Prima*. URL: <https://www.ckh.law/an-arbitrators-own-knowledge-and-expertise-a-licence-to-breach-natural-justice-a-critique-of-pancaran-prima> (accessed date: 12.05.2023).

²¹ Такая широкая свобода действий почти сразу же проявилась в другом решении Федерального суда по делу Pancaran Prima Sdn Bhd против Iswarabena Sdn Bhd и в другой апелляции [2021].

²² По материалам публикации Godwin P., Wei L.T. *Arbitrator discretion in decision making upheld*. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-025-0062?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-025-0062?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (accessed date: 12.05.2023).

В решении Высокого суда Малайзии подчеркивается свобода действий, предоставляемая арбитрам в соответствии с законодательством при определении того, какие вопросы и аргументы необходимо отражать в арбитражном решении, а также того, что является существенным. Арбитрам дано право по своему усмотрению установить, что вопрос может быть решен без дальнейшего рассмотрения отдельных аспектов.

При рассмотрении арбитрам вопросов, Высокий суд в деле *Allianz* ясно дал понять, что нельзя законно ожидать, что арбитр будет скрупулезно следовать позициям или любым конкретным аргументам, представленным одной или другой стороной. Арбитры, исходя из позиции Высокого суда, могут по своему усмотрению формулировать и объединять различные аргументы и концепции, а также делать собственные оценочные суждения и выводы в отношении вопросов, выдвинутых перед ними.

Высокий суд Малайзии подчеркнул, что судебные органы не будут рассматривать Раздел 37 АА 2005 г. как основание для апелляции. В случае применения этого положения малайзийские суды обязаны воздерживаться от повторного изучения и оценки материалов, представленных ранее в арбитраже²³. По своему характеру нарушения естественной справедливости должны быть очевидными. Тот факт, что арбитражное решение является иррациональным или необоснованным, не является основанием для его отмены.

5. Заключение

Считается, что отсутствие неизменных процессуальных правил является сильной стороной арбитража, так как дает арбитрам более широкие возможности для создания соответствующих процедур и правил, применимых к разрешению спора. Однако в таком случае всегда существуют опасения по поводу неопределенности, вызванной чрезмерной свободой действий арбитров.

Арбитражное усмотрение важно для заполнения пробелов, оставленных правилами и руководящими принципами, сформулированными

в том числе различными арбитражными институтами и практикой. Известно, что при создании правил не все, что должно быть включено, включается или что не должно быть включено, не учитывается, поэтому предоставленная арбитрам свобода отменять одни процессуальные требования и принимать другие может помочь облегчить арбитражный процесс. В то же время очевидно, что сторона может посчитать свои права ущемленными, если выдвинутый ею аргумент был оставлен без внимания или отклонен арбитром. Следовательно, следует избегать положений (которые ложатся в основу арбитражного решения), предложенных арбитром, но не доведенных до сведения сторон, и по которым позиции сторон не были заслушаны. Многие жалобы на нарушение правил проведения слушаний связаны с использованием материалов, которые не были раскрыты стороне или в отношении которых стороне не было предложено представить свою позицию.

Из этого следует, что всегда необходимо иметь установленный процедурный протокол, который обеспечивает определенность и устраняет проблемы, возникающие из-за реализации арбитрами своего права на усмотрение.

Действующая практика позволяет сделать выводы о необходимых мерах для минимизации риска обращения с заявлением об отмене арбитражного решения в связи с нарушением естественной справедливости:

- 1) стороны должны ознакомиться с положениями, устанавливающими свободу усмотрения, которые изложены в применимых арбитражных правилах, и соответствующим образом строить разбирательство;
- 2) стороны должны, насколько это возможно, попытаться решить между собой процедурные вопросы, не оставляя их на усмотрение арбитров;
- 3) сторонам следует формулировать запросы к арбитру (трибуналу) таким образом, чтобы достичь баланса между эффективной защитой своих интересов и процедурной справедливостью.

²³ См. также: *Antara Steel Mills Sdn Bhd v. CIMB Insurance Brokers Sdn Bhd* [2015] 5 CLJ 1018.

Список литературы

1. Ермакова Е.П. 2015. *Гражданский процесс, арбитраж и медиация в Гонконге, Индонезии, Малайзии, Сингапуре и Филиппинах*. М.: Юрлитинформ. 179 с.
2. Курочкин С.А. 2007. *Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика*. М.: Волтерс Клувер. 252 с.
3. Ситкарева Е.В. 2022. Обжалование и пересмотр по существу решения, вынесенного в порядке арбитража (третейского разбирательства). – *Третейский суд*. № 1. С. 53–59.
4. Baskaran T. 2019. *Arbitration in Malaysia: A Commentary on the Malaysian Arbitration Act*. Kluwer Law International. 433 p.
5. Born G.B. 2009. The Principle of Judicial Non-Interference in International Arbitral Proceedings. – *University of Pennsylvania Journal of International Law*. Vol. 30. No. 4.
6. Brady D. 2013. *Review of arbitral awards for breach of natural justice: an internationalist approach*. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/41338459.pdf> (accessed date: 03.05.2023).
7. Singh A.K. 2022. Natural Justice and its Applicability to Alternate Dispute Resolution. – *Asian International Arbitration Journal*. Vol. 18. Issue 1. P. 63–78.
8. Park W.W. 2002. The Freshfields Lecture – Arbitration's Protean Nature: The Value of Rules and the Risks of Discretion. – *Arbitration international*. P. 279–301.
9. Pulle A.I. 2012. Securing natural justice in arbitration proceedings. – *Asia Pacific Law Review*. Vol. 20(1). P. 63–87. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/2231/ (accessed date: 12.05.2023).

References

1. Baskaran T. *Arbitration in Malaysia: A Commentary on the Malaysian Arbitration Act*. Kluwer Law International. 2019. 433 p.
2. Born G.B. The Principle of Judicial Non-Interference in International Arbitral Proceedings. – *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 2009. Vol. 30. No. 4.
3. Brady D. *Review of arbitral awards for breach of natural justice: an internationalist approach*. 2013. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/41338459.pdf> (accessed date: 03.05.2023).
4. Ermakova E.P. *Grazhdanskij process, arbitrazh i mediaciya v Gonkonge, Indonezii, Malajzii, Singapure i Filippinah [Civil Procedure, Arbitration and Mediation in Hong Kong, Indonesia, Malaysia, Singapore and the Philippines]*. Moscow: Yurlitinform, 2015. (In Russ.)
5. Kurochkin S.A. *Tretejskoe razbiratel'stvo grazhdanskih del v Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika [Arbitration Trial of Civil Cases in the Russian Federation: Theory and Practice]*. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. (In Russ.)
6. Park W.W. The Freshfields Lecture – Arbitration's Protean Nature: The Value of Rules and the Risks of Discretion. – *Arbitration international*. 2002. P. 279–301.
7. Pulle A.I. Securing natural justice in arbitration proceedings. – *Asia Pacific Law Review*. 2012. Vol. 20(1). P. 63–87. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/2231/ (accessed date: 12.05.2023).
8. Singh A.K. Natural Justice and its Applicability to Alternate Dispute Resolution. – *Asian International Arbitration Journal*. 2022. Vol. 18. Issue 1. P. 63–78.
9. Sitkareva E.V. Obzhalovanie i peresmotr posushchestvu resheniya, vynesennogo v poryadke arbitrazha (tretejskogo razbiratel'stva) [Appeal and review on the merits of a decision made in arbitration (arbitration proceedings)]. – *Tretejskij sud [Court of Arbitration]*. 2022. No. 1. P. 53–59. (In Russ.)

Информация об авторе**Наталья Андреевна КАПУСТИНА,**

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

nakapustina@hse.ru

ORCID: 0000-0002-2028-8537

About the Author**Natalia A. KAPUSTINA,**

post-graduate student, National Research University "Higher School of Economics"

20, Myasnitskaya st., Moscow, Russian Federation, 101000

nakapustina@hse.ru

ORCID: 0000-0002-2028-8537

Олег Анатольевич МАЛОВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

o.malov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0003-0726-9574

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АРБИТРАЖА В ИСПАНИИ

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматривается становление правового института институционального арбитража в Испании. Дан краткий обзор постепенных изменений в подходе испанского законодателя к указанному институту от полного запрета к полноправному включению его в правовое пространство. Исследованы законодательное регулирование образования и правового статуса постоянно действующих арбитражных учреждений (далее – ПДАУ), правовая природа их полномочий, обязанностей и ответственности. Дан общий обзор текущей ситуации, связанной с их деятельностью. Показано их значение в формировании современной системы третейского разбирательства Испании.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом послужили труды испанских и латиноамериканских исследователей в области третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража, а также действующее арбитражное законодательство Испании, включая ряд актов органов судебной власти, имеющих ключевое значение. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания (диалектический метод, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, сравнительно-правовой и историко-правовой методы).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе проведенного исследования автор раскрывает

наличие в Испании трех факторов, препятствующих полноценному развитию институционального арбитража. Это, прежде всего, слабые традиции применения третейского способа разрешения споров как такового. Иначе говоря, речь идет о способе, все еще неизвестном большинству населения, за исключением узкой группы профессионалов. Отсюда общее недоверие и скептицизм, основанные на привычной уверенности участников торгового оборота в том, что государственное судопроизводство предоставляет больше гарантий защиты их прав. Соответственно, такие общепризнанные в развитых арбитражных правовых системах преимущества, как конфиденциальность разбирательства и отсутствие процедуры обжалования арбитражного решения по существу, воспринимаются, наоборот, как негативные факторы. Затем, это весьма укорененный как среди делового сообщества, так и среди адвокатов Испании взгляд, что назначаемый стороной арбитр является ее «адвокатом», призванным представлять ее интересы перед председательствующим арбитром, что само собой вызывает недоверие к независимости и беспристрастности ПДАУ и арбитров. К сожалению, указанные факторы обуславливают крайне незначительное число арбитражных разбирательств в стране, что порождает третий фактор: недостаточно высокий профессиональный уровень сотрудников ПДАУ

и арбитров из-за недостатка опыта. Автор показывает ведущую роль наиболее авторитетных ПДАУ в процессе преодоления указанных проблем.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. Дан краткий обзор постепенных изменений в подходе испанского законодателя к указанному институту от запрета к полному включению его в правовое пространство. Исследованы законодательное регулирование образования и правового статуса ПДАУ, правовая природа их полномочий, обязанностей и ответственности. Дан общий обзор текущей ситуации, связанной с их деятельностью. Показано их значение в формировании современной системы третейского разбирательства Испании. По итогам исследования автор обращает внимание на то, что несмотря на имеющий место прогресс в совершенствовании правового регулирования третейского разбирательства вообще и института институционального арбитража в частности, Испании предстоит еще долгий

путь, чтобы создать полноценную и эффективную систему третейского разбирательства и тем самым стать в том числе привлекательной юрисдикцией для разбирательств в рамках международного коммерческого арбитража.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постоянно действующее арбитражное учреждение, ПДАУ, институциональный арбитраж, третейское разбирательство, правовой статус арбитражного учреждения, ответственность арбитражного учреждения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Малов О.А. 2024. Процесс становления и развития институционального арбитража в Испании. – Московский журнал международного права. № 1. С. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-90-106>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-90-106>

Oleg A. MALOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
o.malov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-0726-9574

Research article

UDC: 341.3

Received 24 October 2023

Approved 23 March 2024

DEVELOPMENT OF INSTITUTIONAL ARBITRATION IN SPAIN

INTRODUCTION. The development of the statutory regulation of institutional arbitration in Spain has been briefly outlined at the present study. The legal status of arbitral institution, the legal nature of its rights, obligations and liabilities have been examined. The role of arbitral institutions at the current arbitration situation in Spain has been briefly outlined.

MATERIALS AND METHODS. The study has been based upon Spanish legislation, key judicial acts and works of Spanish and Latin American experts in the

field. General scientific methods of knowledge – analysis, synthesis, induction and deduction – have been applied during the study. Special legal methods – formal-legal, technical-legal, the method of legal analogy, as well as the comparative legal method – have been also applied.

RESEARCH RESULTS. The study demonstrates three factors which obstacle a full-scale development of institutional arbitration in Spain. The first factor is that the commercial arbitration itself has been a new

phenomenon and it has been still unknown to the most of the Spanish population except a rather narrow community of professionals. As a consequence, the most of Spanish business community members put their best faith upon the judicial way of disputes resolution. As another consequence, confidentiality of proceedings and absence of appeal remedy have been treated rather as weaknesses than advantages of arbitration. The second factor is that there has been a deep-rooted point of view across Spanish business and lawyers communities that an arbitrator is rather legal representative of the party he has been appointed by. Which provokes reasonable doubts regarding independence and impartiality not only of an arbitrator, but an arbitral institution as well. The both factors outcome a low number of arbitrations in Spain and activate the third one. The third factor is a rather low level of competence of arbitrators and arbitral institutions staff due to the lack of practice. The study demonstrates significant efforts of the leading Spanish arbitral institutions in order to eliminate the factors.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The development of the statutory regulation of institutional arbitration in Spain has been briefly outlined. The legal*

status of arbitral institution, the legal nature of its rights, obligations and liabilities have been examined. The role of arbitral institutions at the current arbitration situation in Spain has been briefly outlined. Based upon the results of the study, the author comes to the conclusion that despite a significant progress in improving of legal regulation of institutional arbitration and the commercial arbitration as a whole, Spain has still quite a long way to go in order to create an efficient system of commercial arbitration and to become an attractive jurisdiction for international commercial arbitration as well.

KEYWORDS: *Arbitral institution, institutional arbitration, arbitral process, legal status of arbitral institution, liability of arbitral institution*

FOR CITATION: Malov O.A. Development of Institutional Arbitration in Spain. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 1. P. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-90-106>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Рассматриваемый в настоящей работе предмет имеет, скорее, практическое значение и, безусловно, представляет интерес в первую очередь для юристов, обслуживающих внешнеэкономические сделки с участием испанских контрагентов. Однако, по нашему мнению, опыт правового регулирования данного вопроса в Испании, хотя бы в силу своего своеобразия, может оказаться достаточно интересным и для целей общего развития в России третейского разбирательства вообще и институционального арбитража в частности.

Целью исследования является рассмотрение процесса становления и развития современной нормативно-правовой основы деятельности ПДАУ¹ в Испании. При этом особое внимание

уделяется основным международным правовым источникам, оказавшим прямое или косвенное влияние на регулирование деятельности ПДАУ.

Прежде всего, стоит отметить некоторое сходство развития указанных учреждений в России и Испании в XX в., которое длительное время тормозилось неблагоприятными условиями тоталитарного государственного строя обеих стран с абсолютным преобладанием в гражданско-правовой сфере государственной юстиции. Но если в СССР политика активного международного экономического сотрудничества направила это развитие по пути международного коммерческого арбитража, то изоляционистская экономическая политика диктатора Франко лишила Испанию и такой возможности, что в конечном счете привело к парадоксальной ситуации. С одной стороны, испытывающим

¹ Правовое содержание указанного законодательного термина российского права в смысле положений ст. 2 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 07 июля 1993 г. № 5338-1 и ст. 2 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» от 29 декабря 2015 г. № ФЗ-382 соответствует правовому содержанию законодательного термина испанского права “*institucion arbitral*” в смысле положений ст. 14 Закона «О третейском разбирательстве» Испании от 23 декабря 2003 г. № 60/2003.

примером укорененности традиции третейского разбирательства в правовой культуре Испании является действующий до настоящего времени так называемый Водный Трибунал (Tribunal de las Aguas). Его официальные названия – Трибунал Оросителей Долины Валенсии (Tribunal de los Acequeros de la Vega de Valencia) или Соборный Суд (Cort de Seo, названный по месту проведения в главном соборе города, непрерывная деятельность которого задокументирована с 960 г. при халифе Кордовы Абдурахмане III Великом, хотя историки полагают, что он действовал еще в эпоху Римской империи). С другой стороны, прошло всего около 40 лет с момента начала становления системы третейского разбирательства (в том числе институционального арбитража) современного типа. Однако несмотря на короткую историю, развитие современного института третейского разбирательства характеризуется последовательностью законодательной и правоприменительной политики, направленной на превращение Испании в благоприятную юрисдикцию как для внутренних, так и для международных третейских разбирательств.

Для правового регулирования институционального арбитража вообще и юридического статуса ПДАУ в частности испанский законодатель исходит из следующих основных принципов:

- 1) третейское разбирательство частноправовой природы является основным видом третейского разбирательства;
- 2) третейская деятельность, осуществляемая органами публичного права в рамках полномочий, предоставленных им отраслевыми нормативными правовыми актами (далее – НПА), является специальным видом третейского разбирательства публично-правовой природы;
- 3) предметом разбирательства могут быть любые права, находящиеся в свободном распоряжении сторон, кроме случаев, прямо запрещенных законом;
- 4) правовая основа третейского разбирательства – это соглашение сторон спора поручить определенным субъектам провести третейское разбирательство;
- 5) функции третейского судьи вправе исполнять исключительно физическое лицо;
- 6) постоянно действующее арбитражное учреждение не может осуществлять юрисдикционную функцию и не является участником третейского разбирательства;

7) постоянно действующее арбитражное учреждение осуществляет функцию надзора за соблюдением требований законодательства к статусу третейского судьи, к прозрачности его назначения и его независимости.

Для реализации указанных принципов использованы следующие подходы:

- 1) правовое регулирование внутреннего и международного третейского разбирательства установлено в одном нормативно-правовом акте (так называемое монорегулирование) – Законе о третейском разбирательстве;
- 2) третейское разбирательство частноправовой природы регулируется Законом о третейском разбирательстве;
- 3) третейское разбирательство публично-правовой природы регулируется отраслевыми НПА (*lex specialis*) с субсидиарным применением Закона о третейском разбирательстве (*lex generalis*);
- 4) в основу системы правового регулирования в качестве общего правила положено регулирование третейского разбирательства *ad hoc*. Нормы, посвященные ПДАУ, включены в одну специальную и несколько общих статей указанного закона.

Таким образом, в отношении общих принципов регулирования правового института третейского разбирательства испанский законодатель в целом следует современному подходу, принятому в ведущих правовых системах мира, в том числе в российском. Однако в отношении правового регулирования международного коммерческого арбитража (далее – МКА) между правовыми системами Испании и Российской Федерации имеется существенное различие. Если российский законодатель следует дуалистическому подходу (внутреннее третейское разбирательство и МКА регулируются отдельно специальными законодательными актами), то испанский – монистическому (МКА регулируется законодательным актом о внутреннем третейском разбирательстве).

2. Формирование современного подхода к правовому регулированию третейского разбирательства

2.1. Реформа 1953 г. Закон о частноправовом третейском разбирательстве

Первой попыткой системного регулирования третейского разбирательства в Испании стал За-

кон о частнопроводимом третейском разбирательстве 1953 г. (далее – ЗТР 1953)². До этого нормы, относящиеся к третейскому разбирательству, содержались в двух НПА (Законе о гражданском судопроизводстве и Гражданском кодексе Испании (далее – ГКИ)), и по ряду вопросов не совпадали. Однако в силу существующего в то время авторитарного политического строя с максимальной концентрацией властных полномочий в руках государственных органов, в том числе судебных, и со стремлением к максимальной самоизоляции Испании, в том числе экономической, указанный закон нес в себе двойной негативный эффект.

Во-первых, ст. 22 ЗТР 1953 запретила сторонам назначать третейского судью при помощи третьих лиц. Этот запрет повлек за собой запрет в Испании институционального третейского разбирательства как такового, включая создание и деятельность ПДАУ.

Во-вторых, закон не содержал указаний на международное третейское разбирательство, предусматривая таким образом применение к нему того же режима, что и к внутренним разбирательствам. Это вызвало конфликт между подходами ЗТР 1953 и *ius specialis* МКА к одному из основных институтов – арбитражному соглашению сторон. На тот момент международный подход (Женевская Конвенция 1927 г. и Женевский протокол 1923 г.) рассматривал отдельную третейскую запись и третейскую оговорку в коммерческом договоре сторон как равноценные способы оформления сторонами арбитражного соглашения (далее – АС). А ЗТР 1953 рассматривал третейскую оговорку в коммерческом договоре лишь как предварительное соглашение сторон прибегнуть к третейскому порядку разрешения спора в случае его возникновения в будущем. Иными словами, ЗТР 1953 не признавал действительность арбитражного соглашения, заключенного до возникновения спора [Fernández Rozas 1986:5].

Следствием указанного подхода законодателя стал системный отказ испанских судов в признании и исполнении иностранных арбитражных решений и иных актов. Так, из 17 определений Верховного Суда Испании, вынесенных по такого рода заявлениям за период между 1930 г. (год ратификации Испанией Женевской Конвенции и Протокола) и 1975 г. (год упразднения авторитарного режима в связи со смертью диктатора

Франко), только четыре признали иностранное арбитражное решение, и почти во всех случаях речь шла о действительности третейской оговорки в коммерческом договоре сторон [Fernández Rozas 1986:6]. Повсеместный характер носило применение судами оговорки о противоречии арбитражного решения публичному порядку, которая, как правило, использовалась в двух случаях:

1) наличие третейской оговорки в договоре при отсутствии последующей отдельной нотариально заверенной третейской записи сторон на момент начала третейского разбирательства, в связи с чем АС признавалось ничтожным;

2) наличие в договоре сторон условия о передаче полномочий по назначению арбитров третьему лицу, а именно, постоянно действующему арбитражному учреждению.

Одним из ярких примеров такой правоприменительной практики может служить Определение Первой коллегии Верховного Суда от 4 июля 1975 г., согласно которому такое условие противоречит публичному порядку, «закрепленному в нашем действующем правовом регулировании, согласно которому третейские судьи должны назначаться в любом случае путем взаимного соглашения сторон, и не будет иметь юридическую силу соглашение о передаче одной из сторон или третьему лицу полномочия назначить третейских судей (ст. 22 Закона Испании от 22 декабря 1953 г.)» [Remiro Brotóns 1980:373]. Следует отметить, что это Определение подверглось справедливой критике со стороны части доктрины, так как содержит в себе «чрезмерное применение принципа публичного порядка, которое решительно препятствует осуществлению иностранным арбитром его деятельности» [Cremades 1975:51].

Следствием действия ЗТР 1953 и практики его применения судебными органами с фактическим игнорированием Женевской Конвенции 1927 г. и неприсоединением страны к дальнейшим международным конвенциям в области арбитража стали сокращение почти до нуля третейских разбирательств коммерческого характера, отсутствие постоянно действующих арбитражных учреждений и практики проведения на территории Испании международного коммерческого арбитража. В свою очередь, отсутствие практической значимости института

² Ley de los arbitrajes de Derecho Privado. – *СПС BOE*. URL: www.boe.es (accessed date: 21.09.2022).

третейского разбирательства повлекло за собой снижение к нему интереса со стороны доктрины.

2.2. Попытка реформы 1975–1977 гг. Ратификация Женевской (1961) и Нью-Йоркской (1958) конвенций

Эта ситуация начала меняться лишь после 1975 г., когда новое правительство Испании взяло курс на интеграцию в мировое экономическое сообщество. Это потребовало от законодателя реформы правового регулирования института третейского разбирательства. И на этом этапе именно МКА стал локомотивом дальнейшего развития института третейского разбирательства в целом. Перед законодателем открылись два взаимосвязанных пути: реформирование ЗТР 1953 и параллельное включение в законодательство страны соответствующих международных инструментов регулирования третейских разбирательств через присоединение к действовавшим на тот момент многосторонним международным договорам. Первый путь предполагал разработку Генеральной Комиссией по Кодификации проекта нового ЗТР. Но несмотря на то что в 1975 г. проект нового закона был разработан и рассматривался указанной Комиссией³, до его принятия дело так и не дошло. Таким образом, законодатель ограничился присоединением Испании к международным конвенциям: в 1975 г. – к Европейской (Женевской) конвенции о международном коммерческом арбитраже 1961 г., и в 1977 г. – к Конвенции Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркской конвенции) 1958 г. В отношении постоянно действующих арбитражных учреждений результатом этой половинчатости стала парадоксальная ситуация: если в силу прямого действия норм Женевской и Нью-Йоркской конвенций в Испании было признано «право на существование» иностранных ПДАУ в области международного арбитража, то в силу продолжавшего действовать ЗТР 1953 на ПДАУ в самой Испании это право не распространялось.

Кроме того, само по себе включение *de iure* в законодательство Испании указанных международных норм не привело к их немедленному применению *de facto* к иностранным арбитражным решениям. Юридическое сообщество

страны на тот момент было к этому не готово. Доктрина в большинстве своем традиционно оказывала «молчаливое сопротивление» концепции прямого действия и верховенства международных договоров в национальном правопорядке, а некоторые авторы доходили до того, что подобные международные инструменты носят чисто «культурологический» характер [González Campos 1977:78]. Именно поэтому испанские суды практически не применяли на практике положения ратифицированных Женевских Протокола (1923) и Конвенции (1927). Прекрасной иллюстрацией этого служит следующая цитата: «Практика Первой коллегии Верховного Суда состоит из вереницы кратко отредактированных, слабо мотивированных, скорых в принятии решения (которое в большинстве случаев является отказом) определений. Для отказа в экзекватурировании в одних случаях приводится искаженное ограничительное толкование конвенциональных норм, а в других – вообще опускается какая-либо ссылка на Конвенцию, подлежащую применению, а в некоторых случаях приводятся доводы, не имеющие к ней никакого отношения, или основанные на легко устранимых фактических обстоятельствах или дефектах» [Remiro Brotons 1980:30].

Показательно, что инерция судебной системы оказалась настолько сильной, что ее разворот от «отпора» так называемому юрисдикционному империализму к признанию арбитражных решений, принятых на основании норм, отличных от внутреннего законодательства Испании, занял примерно пять лет с момента присоединения страны к указанным выше конвенциям. И на протяжении этого периода Верховный Суд даже продолжал требовать уплаты судебных пошлин без учета ограничений, установленных в ст. III Нью-Йоркской Конвенции 1958 г., а нижестоящие суды продолжали игнорировать арбитражные оговорки в текстах международных коммерческих договоров [Cremades Bernardo 1979:21].

1981 г. стал поворотным моментом в отношении испанского правоприменителя как для признания зарубежных арбитражных решений, так и для института институционального арбитража. Он ознаменовался двумя событиями.

1. Верховный Суд принял Определение от 11 февраля 1981 г., в котором указано: «Если считать, что Закон о частном третейском

³ BOCE, 1975: 35.063-35.064, nº 1.411, 5 febrero 1975 y nº 1.452, 20 junio 1975.

разбирательстве 1953 г. или действовавшие до него положения статьи 954 Закона о гражданском судопроизводстве составляют основу концепции публичного порядка, то указанная позиция превратит в мертвую букву указанные международные конвенции и позволит испанскому предпринимателю через неучастие в назначении арбитров избежать последующего принудительного исполнения арбитражного решения. И оправданием такой позиции не могут служить ссылки на акты настоящего Суда, принятые до ратификации Испанией указанных Конвенций» [Cremades Bernardo 1983:194]. Таким образом, Верховный Суд раз и навсегда разрешил противоречия между ЗТР 1953 и конвенциями в пользу последних, независимо от того, проводилось ли арбитражное разбирательство в рамках иностранного процессуального права (*lex arbitri*) или путем институционального арбитража в иностранном ПДАУ или в режиме *ad hoc* за пределами территории Испании.

2. Был принят Королевский декрет 1094/1981 от 22 мая 1981 г. об осуществлении Высшим Советом Официальных Торговых, Промышленных и Морских Палат (далее – ТПП) международного коммерческого арбитража⁴. Это была реакция законодателя на растущее давление со стороны экспортеров, недовольных сложностью и дороговизной арбитражных разбирательств в иностранных юрисдикциях. В свою очередь, Высший Совет ТПП при поддержке ведущих деловых и профессиональных объединений страны поспешил создать Испанский Третейский Суд (*Corte Espanola de Arbitraje*). При этом по понятным причинам изначально приоритетное внимание уделяется продвижению его деятельности в Латинской Америке.

Таким образом, по мнению ряда авторов, современное право Испании, регулирующее третейское разбирательство вообще и институциональный арбитраж в частности основано не на наработках национальной доктрины и правоприменительной практики, а на ратификации страной вышеуказанных Женевской и Нью-Йоркской конвенций [Cremades Bernardo 2011:659]. Соответственно, регламенты испанских постоянно действующих арбитражных уч-

реждений основаны на опыте ведущих, прежде всего европейских, ПДАУ.

2.3. Закон о третейском разбирательстве 1988 г.

Несмотря на факт участия представителей Испании в разработке Типового Закона Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) 1985 г. (далее – ТЗ ЮНСИТРАЛ) и мнение значительной части доктрины, в 1988 г. законодатель не пошел по проложенному ЮНСИТРАЛ пути модернизации и интернационализации правового регулирования. Дело в том, что новый Закон принимался по Рекомендации Комитета министров Совета Европы № 12/1986, которая требовала от стран-участников принятия соответствующих норм для того, чтобы третейское разбирательство смогло составить наиболее доступную и действенную альтернативу государственному судопроизводству. Как прямо указано в водной части Закона: «Для этого недавно принятые законы, такие как закон об организации частного страхования, о защите прав потребителей и пользователей, об интеллектуальной собственности, об организации наземного транспорта, учреждают третейские органы, для которых настоящий Закон будет иметь субсидиарное применение, прежде всего в процессуальных аспектах».

Таким образом, законодатель сосредоточился не на долгосрочной модернизации регулирования третейского разбирательства как гражданско-правового института, а на сиюминутной цели обеспечения функционирования отдельных механизмов третейского разбирательства во вновь созданных под давлением Европы специализированных органах публичного права по «квазитретейскому» разрешению некоторых категорий споров в основном из правоотношений с участием граждан (например, споры в сфере защиты прав потребителей). Тем не менее позитивный эффект Закона о третейском разбирательстве 1988 г. (далее – ЗТР 1988)⁵ не ставится под сомнение. Он покончил с анахронизмом предыдущего правового регулирования и, пусть и в достаточно сумбурной форме, ввел в традиционное испанское право практически все

⁴ Real Decreto 1094/1981, de 22 de mayo, sobre realización por el Consejo Superior de las Cámaras Oficiales de Comercio, Industria y Navegación de arbitraje comercial internacional. – *СПС BOE*. URL: www.boe.es (accessed date: 24.09.2022).

⁵ Ley 36/1988 de Arbitraje, BOE No. 293, 07.12.1988. – *СПС BOE*. URL: www.boe.es (accessed date: 20.10.2022).

современные принципы и институты третейского разбирательства, включая институт постоянно действующего арбитражного учреждения.

С доктринальной точки зрения [Cremades Bernardo 2011:661] ЗТР 1988 ввел три важнейших принципа, неизвестных традиционному испанскому праву:

1) уравнивание юридического статуса арбитражной оговорки в договоре и отдельной третейской записи как законных средств оформления арбитражного соглашения (ст. 6 п. 1);

2) обязательность арбитражного соглашения для его сторон, т. е. было отменено извечное требование нотариального или судебного засвидетельствования арбитражного соглашения в момент возникновения спора (ст. 11);

3) распространение действия арбитражного соглашения на будущие споры (ст. 1).

Тем самым были закреплены основополагающие предпосылки для практической деятельности ПДАУ. Кроме того, законодатель прямо урегулировал три базовых вопроса.

1. Организационно-правовая форма (ст. 10)

Допускается создание ПДАУ в форме общественного объединения или некоммерческой организации в соответствии с общими требованиями законодательства. На практике преобладает форма некоммерческой организации. Каких-либо специальных ограничений в отношении статуса учредителей нет, но в этой роли, как правило, выступают торгово-промышленные палаты и их объединения, а также коллегии адвокатов.

2. Особый режим ответственности (ст. 16)

Постоянно действующее арбитражное учреждение отвечает за ущерб и убытки стороны спора при наличии умысла или вины. В случае разбирательств, порученных сторонами непосредственно учреждению, потерпевшая сторона будет иметь право прямого требования к учреждению, независимо от наличия или отсутствия у последнего права требования к арбитрам. В свою очередь, если соглашением не установлено иное, ПДАУ вправе потребовать от сторон предоставить финансовое обеспечение предстоящих расходов на организацию разбирательства и гонорары арбитрам.

3. Требования к статусу арбитра (ст. 12)

В целом, общим критерием явилось обладание лицом полной гражданской правоспособностью, но со следующими ограничениями:

1) в спорах, подлежащих разрешению на основе норм законодательства, в качестве арбитра может выступать исключительно практикующий адвокат;

2) не могут осуществлять функции арбитра действующие прокуроры, судьи и иные лица, осуществляющие публичные функции, оплачиваемые сбором или пошлиной.

Наконец, 1993 г. стал вехой в окончательном встраивании института третейского разбирательства, как такового, в правовую систему Испании. Это было связано с двумя актами Конституционного Суда. Во-первых, в Определении 326/1993 от 26 октября было признано, что третейское разбирательство является эквивалентом государственного судопроизводства. И, во-вторых, в Определении 259/1993 от 20 июля было признано, что деятельность третейского судьи (арбитра) носит публичный характер, наряду с такими видами деятельности, как деятельность нотариуса, капитана торгового судна, приходского священника и др. При этом его деятельность носит квазюрисдикционный характер⁶.

2.4. Действующий Закон о третейском разбирательстве 2003 г.

Причины реформы законодательного регулирования третейского разбирательства 2003 г. и намерения законодателя четко обозначены во вводной части Закона о третейском разбирательстве 2003 г. (далее – ЗТР 2003)⁷: «Расширение международных связей, особенно с латиноамериканским регионом, и отсутствие адекватных услуг в области международного коммерческого арбитража в нашей стране определяет тот факт, что его использование предпринимателями осуществляется посредством третейских учреждений, действующих в ином языковом контексте, вызывая негативные последствия для Испании и ущерб, который для нашей страны означает такой разрыв связей со странами указанного региона в сфере растущих взаимных интересов... Настоящий закон принимается с намерением обеспечить качественный скачок... Поэтому его основным вдохновляющим критерием является взятие за основу испанского правового регулирования третейского разбирательства Типового Закона ЮНСИТРАЛ от 21.06.1985 г. ... учитывая требования единообразия арбитражного

⁶ Auto del Tribunal Constitucional num. 259/1993 (Sala Primera, Seccion 1) de 20 de julio 1993, RTC 1993. 259.

⁷ Ley 60/2003 de Arbitraje, BOE No. 309, 26.12.2003. – *СПС BOE*. URL: www.boe.es (accessed date: 12.01.2023).

процессуального права и практические нужды международного коммерческого арбитража... Кроме того, время, прошедшее с момента вступления в силу Закона 36/1988 позволило выявить в нем лакуны и несовершенства регулирования».

Соответственно, структурное построение ЗТР 2003 практически идентично построению ТЗ ЮНСИТРАЛ, а содержание многих из его основных норм повторяет содержание соответствующих норм последнего.

Что касается ПДАУ, то в части, посвященной правовому статусу (ст. 14), и в части, посвященной особому режиму ответственности (ст. 21), ЗТР 2003 повторяет указанные выше положения ст. 10 и 16 ЗТР 1988, соответственно. Но при этом введены две важные новеллы.

1. Право требования арбитражным учреждением от сторон финансового обеспечения подкреплено санкцией в виде приостановления или прекращения третейского разбирательства.

2. Введен заимствованный из ТЗ ЮНСИТРАЛ принцип приоритета регламента арбитражного учреждения перед диспозитивными нормами закона. Так, с одной стороны, в ст. 14 введено прямое указание на то, что ПДАУ руководствуется своим регламентом. И, с другой стороны, в ст. 4 ЗТР 2003 «правила истолкования» введено положение о том, что в случае диспозитивности нормы Закона, стороны вправе самостоятельно решать данный вопрос или передать его решение, в том числе арбитражному учреждению на основании его регламента.

Закон о третейском разбирательстве 2003 г. ввел изменения и в критерии статуса арбитра. С одной стороны, прямое перечисление профессиональных ограничений было заменено общей отсылочной нормой к отсутствию препятствий со стороны законодательства, регулирующего профессиональную деятельность лица. С другой стороны, введены нормы, благоприятствующие международным разбирательствам:

1) при отсутствии соглашения об обратном национальность лица не препятствует исполнению функций арбитра (ст. 13);

2) требование о наличии у арбитра статуса практикующего адвоката в случае споров, подлежащих разрешению на основе норм законодательства, действует при отсутствии соглашения

об обратном и в любом случае не распространяется на международный коммерческий арбитраж (ст. 15).

Важно отметить эволюцию взгляда законодателя на право адвоката быть третейским судьей – от императивной монополии в ЗТР 1988 к диспозитивной привилегии в ЗТР 2003.

2.5. Поправки 2011 г. в ЗТР 2003

В отличие от реформы 2003 г., полностью перестроившей структуру законодательного регулирования, изменения, внесенные законодателем в ЗТР в 2011 г.⁸, в большинстве своем носят технический, корректирующий характер. Однако в отношении ПДАУ были введены четыре положения, имеющие принципиальное значение.

1. *Постоянно действующие арбитражные учреждения обязаны осуществлять надзор за соблюдением требований законодательства к статусу арбитра, к прозрачности его назначения и его независимости* (п. 3 ст. 14 ЗТР 2003). Доктрина [Perales Viscasillas 2011:682] подчеркивает важность этого положения, по крайней мере, в трех аспектах:

1) оно призвано обеспечить большую привлекательность институционального арбитража по отношению к арбитражу *ad hoc* в первую очередь для потенциальных участников внутринациональных третейских разбирательств. А также, укрепить полномочия ПДАУ в вопросах (весьма непростых для Испании (см. ниже раздел 3)) назначения арбитров и их независимости;

2) речь идет не о декларативном принципе, а о правовой обязанности ПДАУ установить в их регламентах или иных внутренних нормативных актах соответствующие механизмы исполнения данной нормы ЗТР 2003.

Прежде всего, в целях прозрачности назначения арбитров учреждение должно обеспечить публичный доступ к соответствующим процедурным протоколам, причем не только для случаев администрируемого им разбирательства, но и разбирательства *ad hoc*. При этом доктрина указывает на то, что в высшей степени полезно следовать положениям п. 23 и 25 Рекомендаций ЮНСИТРАЛ 1982 г., т. е. обнародовать порядок избрания арбитра и, при наличии постоянного списка арбитров, указывать лицо или орган, осуществляющий выбор и назначение на практике.

⁸ Ley 11/2011, de reforma de la Ley 60/2003 de Arbitraje y de regulación del arbitraje institucional en la Administración General del Estado. BOE No. 121, 21.05.2011, Sec I. – *СПС BOE*. URL: www.boe.es (accessed date: 15.01.2023).

Также необходимо обозначить порядок отвода арбитра, наличие или отсутствие конкретных оснований, орган, принявший указанное решение и, в соответствующих случаях, этический кодекс или иной документ, содержащий критерии независимости и беспристрастности арбитров. Соответственно, указанная обязанность ПДАУ по надзору распространяется и на процедуру отвода арбитра в той мере, в какой в этом участвует учреждение;

3) неисполнение указанных обязанностей может повлечь ответственность ПДАУ в пределах положений ЗТР 2003 об ответственности (ст. 21).

2. *Постоянно действующие арбитражные учреждения и арбитры обязаны застраховать гражданскую ответственность* своей деятельности или оформить финансовую гарантию. Размер страхового или гарантийного покрытия устанавливается регламентом третейского учреждения. Исходя из смысла и содержания положений ст. 21 ЗТР 2003, эти требования не распространяются на разбирательства *ad hoc*, в которых ПДАУ выступает исключительно в качестве назначающего арбитров органа.

Стоит отметить, что область применения этой нормы не распространяется на разбирательства, проводимые зарубежными ПДАУ на территории Испании, так как они не являются субъектами испанского права. Вместе с тем это требование применимо к арбитрам в тех международных разбирательствах, в которых в качестве *lex arbitri* действует право Испании. В целом, некоторые авторы [Perales Viscasillas 2011:684] приходят к выводу, что вышеуказанные положения о надзоре и обязательном страховании ответственности устанавливают дополнительную правовую связь между арбитром и ПДАУ.

3. *В случае отказа одной из сторон спора предоставить по требованию ПДАУ или арбитра свою часть финансового обеспечения гонорара и расходов на проведение разбирательства, последние, до прекращения разбирательства на этом основании, вправе запросить другую сторону о ее готовности предоставить эту часть* (п. 2 ст. 21 ЗТР 2003).

4. *Отмена привилегированного положения адвокатов* в отношении статуса арбитра, а именно при отсутствии соглашения об обратном в

разбирательствах на основании норм законодательства с участием единоличного арбитра, этот арбитр должен иметь статус юриста (ст. 15 ЗТР 2003). В редакции ЗТР 2003 данное требование следовало курсу предыдущих законов 1988 и 1953 г., отражавшему традиционный подход испанского права (отличавшийся от подхода зарубежных правопорядков [Bachmaier Winter 2005:144]), требовавший от арбитра во внутренних третейских разбирательствах наличия статуса действующего адвоката, пусть и смягченный правом сторон оговорить обратное. Эта привилегия адвокатов вызвала последовательную критику доктрины [Mantilla-Serrano 2005:250], так как тем самым исключались прочие юридические специальности, причем как в случае единоличного, так и коллегиального составов третейского суда. Справедливости ради стоит отметить, что данное требование не распространялось на МКА. Новая норма направлена на допуск всех юридических специальностей как к единоличным, так и к коллегиальным составам третейского суда, как во внутренних, так и в международных разбирательствах с одновременным сохранением права сторон отказаться от указанного квалификационного требования. Законодатель не раскрывает содержания понятия «юрист», но оно легко устанавливается из смысла и содержания положений ст. 3 Королевского Декрета 775/2011⁹, который одобряет Регламент Закона 34/2006 от 30 октября 2006 г. о доступе к профессиям судебного адвоката и прокурора, и включает лиц, обладающих университетской степенью в юриспруденции [Perales Viscasillas 2011:685].

3. Теоретическое становление концепции постоянно действующего арбитражного учреждения. Правовая природа и квалификация договора администрирования третейского разбирательства. Функции ПДАУ

Как указано выше, особенностью формирования современного третейского законодательства Испании стало заимствование норм иностранного права, что по крайней мере на начальном этапе привело к некоторому отставанию доктринальных исследований и правоприменительной практики от инициатив законодателя. Вместе

⁹ Real Decreto No. 775/2011 de 03.06.2011, BOE, 16–VI–11. – *СПС BOE*. URL: www.boe.es (accessed date: 11.02.2023).

с тем именно «стартовая» реформа 1988 г. дала необходимый импульс для полномасштабных теоретических исследований, в том числе концепции постоянно действующего арбитражного учреждения.

3.1. Определение администрируемого третейского разбирательства

Одним из наиболее полных определений администрируемого третейского разбирательства можно считать следующее: это процесс разбирательства, обеспечиваемый специализированным учреждением постоянного характера, которому стороны, руководствуясь принципом автономии воли, вверяют осуществление ряда связанных с разбирательством функций, предусмотренных нормами самого учреждения, которые сводятся к предоставлению средств, необходимых для проведения указанного процесса [Fernández Rozas José Carlos 2008:72]. Указанные функции не включают – и это суть данного метода разрешения споров – решение спора, которое является исключительной функцией третейского судьи (судей). Постоянно действующие арбитражные учреждения не могут действовать в качестве судьи, но ограничиваются предоставлением механизмов и средств, необходимых для проведения арбитрами разбирательства и для принятия ими решения. Отмечается [Fernández Rozas José Carlos 2008:79], что ПДАУ должно отвечать минимум двум требованиям:

- 1) наличие установленной законом организационно-правовой формы – общественного объединения или некоммерческой организации – с прямым и ясным указанием в учредительных документах на осуществление деятельности по обеспечению третейских разбирательств;
- 2) наличие регламента, определяющего содержание и постоянный характер указанной деятельности, положения которого соответствуют требованиям закона о третейском разбирательстве.

3.2. Природа и структура правоотношений в администрируемом третейском разбирательстве

Администрируемое третейское разбирательство включает в себя три группы правоотношений: арбитражное соглашение сторон, договор администрирования третейского разбирательства (регулирующий правоотношения стороны – третейского суда – ПДАУ) и процессуальный регламент (регулирующий правоотношения,

возникающие непосредственно в ходе третейского процесса вплоть до принятия арбитражного решения) [Gordon Faustino 1995:25]. При этом имеет место их иерархическая организация: арбитражное соглашение выступает в роли основного правоотношения, а два других – в роли производных. Вследствие этого недействительность первого автоматически влечет недействительность последних. И, наоборот, недействительность последних не влечет недействительности первого [Roca Martínez, José María 1992:82].

Арбитражное соглашение сторон представляет собой договорное правоотношение, при котором одно или несколько лиц принимают на себя обязательство оказать услуги другому лицу или лицам (в смысле положений ст. 1254 ГКИ). Соответственно, основными элементами этого договора являются согласие сторон и законный предмет договора (ст. 1261 ГКИ). Законным является любая вещь, не исключенная из торгового оборота (ст. 1271 ГКИ). Соответственно, законным предметом арбитражного соглашения является спор по поводу права, находящегося в свободном законном распоряжении лица (ст. 2.1 ЗТР) [Cremades Bernardo 2011:662].

При этом особо подчеркивается, что арбитр (третейский судья) не является представителем назначившей его стороны, тем более ее посредником. Положение, которое он занимает в испанском правопорядке, «не может приравниваться к положению обычного гражданина. Говоря словами Конституционного Суда, арбитр, разрешающий спор посредством арбитражного решения, принимаемого на основании норм законодательства (т. е. не на основании принципов разумности и справедливости (*ex bono et equo*)). – О.М.), осуществляет юрисдикционное правомочие, обеспечивая сторонам достижение тех же целей, что и в процессе гражданского судопроизводства» [Garberí Llobregat 2004:295].

Договор администрирования третейского разбирательства имеет смешанную правовую природу. Согласно ст. 14 ЗТР 2003, стороны вправе поручить ПДАУ исполнение двух видов действий: администрирование разбирательства и назначение арбитров.

Администрирование представляет собой деятельность материального характера (канцелярия, связь, предоставление процессуального регламента и т. п.). Указанные действия укладываются в рамки гражданско-правового договора об оказании услуг (в смысле положений ст. 1544 ГКИ), согласно которому арбитражное

учреждение обязывается произвести оговоренные действия материального характера, а также действия по обеспечению правоотношения между арбитрами и сторонами, которое в свою очередь является непоименованной в ГКИ разновидностью договора подряда (в смысле положений ст. 1588 ГКИ).

Назначение арбитра полностью укладывается в гражданско-правовой договор поручения (в смысле положений ст. 1709 ГКИ) как в силу характерной трехсторонней структуры правоотношения (стороны – ПДАУ – арбитр), так и в силу наличия характерного замещения доверителя поверенным (ПДАУ действует от имени сторон и в назначении арбитра, и в акцепте принятия последним этих обязанностей).

Таким образом, ПДАУ не является ни стороной договора администрирования третейского разбирательства, ни договора о назначении арбитра (каковыми, соответственно, являются стороны и арбитр), а выступает в ходе их исполнения в качестве поверенного сторон и за их счет (включая выплату арбитру гонорара), хотя и действует при этом от собственного имени. Соответственно, договорные правоотношения между ПДАУ и арбитром отсутствуют.

Однако исключительным своеобразием правового регулирования данного вопроса в Испании является признание наличия между ПДАУ и арбитром внедоговорного правоотношения *sui generis* по обеспечению надлежащего проведения разбирательства в отношении сторон спора. Это правоотношение *ex lege* (п. 3 ст. 14 и п. 1 ст. 21 ЗТР 2003), и оно имеет двойственную природу: поручительства (частноправовая) и надзора (публично-правовая).

Исходя из вышеуказанного, в праве Испании договор администрирования третейского разбирательства регулирует три правоотношения:

- 1) правоотношение смешанного типа, включающее элементы договоров оказания услуг и поручения, в котором арбитражное учреждение обязуется перед сторонами спора обеспечить проведение разбирательства и назначить арбитра за денежное вознаграждение в размере, установленном преискурантом учреждения;
- 2) правоотношение с элементами договора подряда между сторонами спора и арбитром, возникающее в момент извещения последним

поверенного сторон (т. е. ПДАУ) о принятии им обязанностей арбитра в данном споре;

3) правоотношение *sui generis* внедоговорного типа между ПДАУ и назначенным им арбитром, в котором первое выступает в роли «гаранта» корректности их действий и «контролера», на дисциплинарном уровне, за качеством их предоставления сторонам (в виде арбитражного решения).

Соответственно, неисполнение или ненадлежащее исполнение договора администрирования третейского разбирательства может влечь за собой не только договорную (в смысле положений ст. 1101 ГКИ), но и внедоговорную (в смысле положений ст. 1902 ГКИ) ответственность ПДАУ [Garberí Llobregat 2004:415].

3.3. Функции ПДАУ

Исходя из регулируемых договором администрирования правоотношений, можно выделить следующие функции ПДАУ:

- 1) материальное обеспечение третейского разбирательства;
- 2) назначение арбитров;
- 3) финансовое гарантирование гражданской ответственности учреждения и арбитров с обязательным страхованием гражданской ответственности своей деятельности или оформлением соответствующей финансовой гарантии;
- 4) надзор за соблюдением требований законодательства к статусу арбитра, к прозрачности его назначения и его независимости.

Кроме того, некоторые авторы указывают на интересный правовой феномен, имеющий место в родственных испанскому правопорядках Латинской Америки [Fernández Rozas José Carlos 2008:79]. Так, Определение Конституционной коллегии Верховного Суда от 14 февраля 2006 г. Венесуэлы¹⁰ и целый ряд судебных решений в Бразилии [Gumaraes Pereira 2007:43] свидетельствуют о появлении новой функции третейских учреждений – участия в государственном судебном процессе в качестве *amicus curiae*. Примечательно, что этот процессуальный инструмент, свойственный общему праву, находит применение в правопорядках континентального права, которое традиционно относится к таким заимствованиям весьма настороженно. Несомненно, это превосходная возможность для ПДАУ путем

¹⁰ Sentencia de la Sala Constitucional del Tribunal Supremo de Justicia de 14 de febrero de 2006. Vid. las observaciones de A. de Jesús O, Boletín del Comité Venezolano de Arbitraje, nº, 15, 2006.

представления письменных объяснений в судебное заседание способствовать государственному суду в более точной оценке доказательств и аргументов спорящих сторон.

4. Общая ситуация с институциональным арбитражем. Актуальные проблемы и тенденции

Именно введение в действие ЗТР 2003 положило начало практическому внедрению современного типа третейского разбирательства вообще и института постоянного третейского учреждения в частности в правовое пространство Испании. С 2003 г. началось расширение практики использования арбитражной оговорки в коммерческих договорах и, соответственно, увеличение числа третейских разбирательств на их основании. Этот положительный сдвиг стал возможным благодаря тому, что, с одной стороны, усилия законодателя поддерживаются многолетней стабильной политикой благоприятствования третейскому разбирательству, проводимой судебной властью. Деятельность Верховного и Конституционного судов в этом направлении рассматривалась выше. Кроме того, практически значимым проявлением этой политики стало принятие Пленумом Генерального Совета Судебной Власти Испании соглашения от 25 ноября 2010 г. об учреждении в Мадриде Суда Первой Инстанции № 101, специализирующегося на делах, касающихся исключительно арбитражных решений и третейских разбирательств [Iscar de Hoyos 2013:3].

С другой стороны, активную поддержку пропаганде третейского разбирательства среди деловых кругов и общественности оказывают такие общественные организации, как Испанский Клуб Арбитража, Мадрид (Club Espanol del Arbitraje) и Ассоциация по Содействию Арбитражу, Барселона (Associacio pel Foment de l'Arbitratge).

Также они ведут активную деятельность по продвижению Испании как места для проведения международных третейских разбирательств в Латинской Америке и в Средиземноморье.

К сожалению, объективной количественной оценке деятельности ПДАУ в Испании препятствует отсутствие официальной статистики.

Единственные данные были опубликованы Генеральным Советом Судебной Власти в ежегодном Бюллетене за 2009 г.¹¹ Они предоставлены Высшим советом торгово-промышленных палат и касаются лишь общего числа проведенных в стране в 2009г. третейских разбирательств (751) без разбивки по видам. Но даже такая ограниченная практика продолжения не имела. Однако по некоторым – весьма приблизительным – данным из иностранных источников¹² (которые трудно заподозрить в необъективности) в Испании действует около 50 ПДАУ, которые ежегодно проводят около 800 внутренних и международных разбирательств. Кроме того, в Испании действуют 83 региональные коллегии адвокатов, многие из которых учредили свои третейские суды, в которых помимо внутренних корпоративных споров могут разбираться также и споры коммерческого характера. Но, к сожалению, такой вид их деятельности находится абсолютно вне поля зрения как официальной, так и неофициальной статистической оценки.

Третейские разбирательства в основном проводятся в сфере строительства, оптовой торговли, промышленной энергетики, в банковском секторе и в сфере корпоративного права. При этом большинство разбирательств рассматривается всего в четырех самых крупных и известных учреждениях. К ним относятся:

- 1) Испанский Арбитражный Суд (Corte Espanola de Arbitraje);
- 2) Арбитражный Трибунал Барселоны (Tribunal Arbitral de Barcelona);
- 3) Мадридский Арбитражный Суд (Corte de Arbitraje de Madrid);
- 4) Гражданский и Торговый Арбитражный Суд (Corte Civil y Mercantil de Arbitraje).

Оценивая текущую ситуацию с деятельностью третейских учреждений в Испании, следует отметить, что этот институт находится на стадии становления, и его дальнейшее развитие сталкивается с рядом характерных для такой стадии трудностей. В целом, доктрина выделяет три основные проблемы объективного характера.

Во-первых, слабые традиции применения. Ряд авторов отмечает, что испанское общество впервые осознало само существование этого правового института как альтернативы

¹¹ Consejo General del Poder Judicial, la Justicia Dato a Dato. URL: www.poderjudicial.es/cgpj/es/Temas/Estadistica-Judicial/Analisis-estadistico/La-Justicia-dato-a-dato/La-justicia-dato-a-dato---ano-2009 (accessed date: 11.01.2022).

¹² URL: www.uk.practicallaw.com/2-523-1645?source=relatedcontent Resource ID: 2-523-1645 (accessed date: 11.01.2022).

судебному способу разрешения споров лишь после реформы 2003 г. Таким образом, этот способ пока еще неизвестен большинству участников имущественного оборота, кроме узкой группы профессионалов, что на данном этапе неизбежно влечет общее недоверие и скептицизм, основанные на привычной уверенности в том, что государственное судопроизводство предоставляет больше гарантий защиты гражданских прав. Так что не стоит удивляться тому, что, в отличие от развитых «арбитражных» правовых порядков (включая Россию), конфиденциальный характер третейского разбирательства воспринимается как негативный фактор, так как не допускает, по мнению среднестатистического участника имущественного оборота, формирование общедоступных источников данных, где он мог бы ознакомиться с едиными критериями регулирования интересующего его специфического вопроса. Это, по мнению такого участника, ставит под сомнение принцип правовой определенности, гарантируемый государственным судопроизводством. И точно так же отсутствие в третейском разбирательстве процессуального инструмента обжалования арбитражного решения по существу (апелляции) воспринимается негативно [Llamas Bao 2013:12].

Во-вторых, недостаточно высокий профессиональный уровень арбитров и сотрудников ПДАУ. Эта проблема непосредственно вытекает из предыдущей. Настороженное отношение участников имущественного оборота к третейскому способу разрешения споров как таковому автоматически влечет за собой крайне ограниченное число третейских разбирательств (как показано выше, около 800 в год). А принимая во внимание абсолютное доминирование в администрировании разбирательств указанных выше четырех ПДАУ, доктрина указывает на чрезмерность числа ПДАУ (как показано выше, около 50) при таком количестве разбирательств. Вызванная этим нехватка у большинства остальных третейских учреждений и арбитров элементарного практического опыта снижает их профессиональный уровень и в целом замедляет процесс укоренения культуры третейского разбирательства среди делового и юридического сообществ [Iscar de Noyes 2013:8].

В-третьих, недоверие к независимости и беспристрастности ПДАУ и арбитров. По мнению некоторых авторов – и с этим трудно не согла-

ситься – это самое серьезное препятствие на пути развития современной системы третейского разбирательства в Испании. Речь идет о весьма укорененном как среди делового сообщества, так и среди адвокатов взгляде, что назначаемый стороной арбитр является ее «адвокатом», призванным представлять ее интересы перед председательствующим арбитром. Типичным проявлением этого подхода на практике является то, что в Испании подавляющее большинство арбитражных решений, принимаемых коллегиальным составом по итогам арбитража *ad hoc*, не единогласны, а содержат особое мнение арбитра, назначенного проигравшей стороной.

Также этот подход крайне отрицательно сказывается и на практике назначения арбитров, так как в большинстве случаев стороны не в состоянии согласовать кандидатуру единоличного или – естественно – председательствующего арбитра, прибегая в итоге к длительному и затратному судебному порядку его назначения [Angell Jorge, Briosio Angel 2008:334].

Но главное, с учетом того, что большая часть арбитров в Испании до сих пор назначается из круга практикующих адвокатов, этот порочный подход негативно отражается также и на соблюдении принципов независимости, беспристрастности арбитра и его равного отношения к сторонам. С одной стороны, ожидания выгоды от продолжения сотрудничества с данной стороной спора в будущем уже в качестве клиента могут отразиться на независимости и беспристрастности адвоката в качестве арбитра в текущем третейском разбирательстве. С другой стороны, чем обширнее адвокатская практика, тем больше вероятность конфликта интересов, препятствующего принятию и исполнению данным лицом обязанностей арбитра в конкретном споре. Соответственно, некоторые авторы видят в качестве одного из путей решения этой проблемы формирование корпуса профессиональных арбитров, не имеющих отношения к адвокатской деятельности [Angell Jorge, Briosio Angel 2008:341].

К сожалению, этот подход сказывается и на деятельности некоторых ПДАУ, о чем свидетельствует весьма обширная правоприменительная практика. В качестве характерного примера серьезности данной проблемы стоит привести выдержки из определения Провинциального суда Мадрида от 31 марта 2005 г.¹³ по итогам рассмо-

¹³ AAPMadrid, seccion 14, No. 185/2005, Roj: AAPM3827/2005 – CLI:ES:APM:2005:3827A, Id Cendoj: 28079370142005200145.

тения апелляционной жалобы на решение суда первой инстанции об отказе в принудительном исполнении арбитражного решения, принятого в ходе третейского разбирательства, организованного постоянно действующим третейским учреждением. Примечательно, что указанное ПДАУ выступило (совместно с одной из сторон третейского разбирательства) в качестве соистца как в первой, так и в апелляционной инстанции.

Суд исходит из следующего:

1) суд не вправе осуществлять процессуальные функции стороны спора. Постоянно действующие арбитражные учреждения не вправе производить действия или поддерживать со сторонами отношения *de facto* или *de iure*, которые могут свидетельствовать о занятии позиции в пользу или против одной из сторон;

2) в соответствии с этим критерием практика Конституционного Суда проводит различие между понятиями «субъективная беспристрастность» (т. е. независимость в отношении сторон как субъектов спора) и «объективная беспристрастность» (т. е. независимость в отношении объекта спора), гарантирующая отсутствие у ПДАУ контактов с объектом спора до начала разбирательства;

3) несмотря на то что не все требования закона в отношении беспристрастности государственного разбирательства могут быть буквально применены к его эквиваленту – третейскому разбирательству, требование беспристрастности является основной характеристикой последнего. И беспристрастность должна требоваться от всех лиц, исполняющих третейские функции: как от арбитров, так и от третейского учреждения с тем, чтобы его деятельность по администрированию, контролю и материальному обеспечению третейского разбирательства не сочеталась с деятельностью по поддержке одной из сторон до возникновения спора. Что прямо следует из положений действующего ЗТР 2003.

Судом установлено следующее:

1) ПДАУ составляет договоры для предприятий данного сектора по их запросу;

2) это делается в виде договоров присоединения, обязывающих все стороны, без возможности ни обсудить, ни предложить иную модель договора и арбитражной оговорки;

3) ПДАУ позиционирует себя как единственный третейский орган, компетентный разрешать споры из данного договора, не допуская иных учреждений;

4) ПДАУ избирает и назначает арбитров без вмешательства сторон и исполняет арбитражное решение;

5) ПДАУ организует и разрешает с помощью своих арбитров споры из договоров, которые оно само и составило по запросу своих самых влиятельных клиентов;

6) рассмотрев в рамках исполнения своих юрисдикционных полномочий широкое число арбитражных решений, принятых по итогам разбирательств, организованных ПДАУ, суд установил, что в них в качестве арбитров задействованы одни и те же лица.

Судом сделаны следующие выводы:

1) отсутствие беспристрастности распространяется также и на самих арбитров, и тем самым данное арбитражное решение является ничтожным по основанию его противоречия публичному порядку;

2) в самом первом из арбитражных решений суд столкнулся с указанной выше проблемой и пришел к выводу, что очевидное отсутствие беспристрастности со стороны ПДАУ, помимо ничтожности арбитражного решения, повлекло прежде всего ничтожность самой арбитражной оговорки. Единственной проблемой является то, что ПДАУ *ipso iure* не имеет юрисдикционных полномочий, отнесенных законом к физическим лицам (арбитрам), и к нему не может применяться механизм отвода и критерии беспристрастности арбитра. Поэтому для устранения этого препятствия следует прибегать не к институту ничтожности арбитражного решения, а к институту ничтожности арбитражного соглашения на основании противоречия последнего основным гарантиям объективной беспристрастности ПДАУ.

Суд пришел к следующему заключению:

1) ПДАУ, к которому обратились стороны договора, не обладает объективной беспристрастностью в степени, достаточной для обеспечения указанного третейского разбирательства. Вследствие чего им нарушены минимальные гарантии принципа объективной беспристрастности;

2) соответственно, арбитражное решение ничтожно, так как противоречит публичному порядку и не подлежит принудительному исполнению.

В целом стоит отметить, что указанные проблемы институционального арбитража в Испании являются своего рода «болезнями роста».

И их преодоление, безусловно, потребует длительного времени и весьма значительных, целенаправленных и согласованных усилий законодателя, правоприменителя и третейского сообщества страны. Таким образом, Испании предстоит еще долгий путь, чтобы создать полноценную и эффективную систему институционального арбитража и тем самым, стать привлекательной юрисдикцией для разбирательств в рамках международного коммерческого арбитража.

4. Заключение

Постоянно действующее арбитражное учреждение в Испании не обладает юрисдикционными полномочиями и не является участником третейского разбирательства.

Создание ПДАУ допускается в форме или некоммерческой организации, или общественного объединения в порядке, установленном общими нормами гражданского законодательства.

Между ПДАУ и арбитром установлено внедоговорное правоотношение *sui generis*, в котором ПДАУ выступает в роли гаранта корректности действий арбитра в отношении сторон спора; установлена внедоговорная ответственность ПДАУ за действия арбитра, которой соответствует право стороны разбирательства на прямое требование от ПДАУ возмещения ущерба, причиненного действиями арбитра, независимо от наличия у ПДАУ права требования к послед-

нему; для ПДАУ и арбитра установлено обязательное страхование их гражданско-правовой ответственности.

Права, обязанности и договорная ответственность ПДАУ устанавливаются договором администрирования третейского разбирательства, который в свою очередь регулируется общими нормами гражданского законодательства, в том числе нормами о договорах поручения, оказания услуг и подряда.

Определение порядка деятельности ПДАУ оставлено на усмотрение его учредителя, при этом законодательные ограничения автономии воли учредителя относятся исключительно к соблюдению общих принципов законодательства о третейском разбирательстве.

Кроме того, в качестве практических рекомендаций стоит указать, что при согласовании условий арбитражного соглашения, предполагающего разрешение спора путем институционального арбитража на основании права Испании в качестве *lex arbitri*, российской стороне сделки следует принимать во внимание два постоянно действующих арбитражных учреждения: Испанский Арбитражный Суд (Corte Espanola de Arbitraje) и Арбитражный Трибунал Барселоны (Tribunal Arbitral de Barcelona). То же самое относится и к выбору компетентного органа при согласовании условий соглашения об арбитраже *ad hoc*.

Список литературы

1. Angell Jorge, Brioso Angel. 2008. El deber de independencia e imparcialidad de los arbitros en la Ley Espanola: evolucion y aspectos practicos, El arbitraje en el Peru y el mundo. – *Arbitraje comercial y arbitraje de inversion*. Ediciones Magna, Lima.
2. Bachmaier Winter L. 2005. "Artículo 15. Nombramiento de los árbitros", *Comentarios a la Ley de Arbitraje de 2003*. D. Arias Lozano, coord., Cizur Menor, Thomson/Aranzadi.
3. Cremades B.M. 1975. *Panorámica española del arbitraje comercial internacional*. Madrid.
4. Cremades B.M. 1979. "España ante el arbitraje comercial internacional", *Estudios sobre arbitraje comercial internacional*. Madrid, CECO.
5. Cremades B.M. 1983. *International Business Law*.
6. Cremades B.M. 2011. *Libro Convenio Arbitral*. Tomo 1. Madrid.
7. Fernández Rozas J.C. 1986. La situación actual de arbitraje comercial en España: perspectivas de futuro. – *Revista de la Corte Española de Arbitraje*. Vol. III.
8. Fernández Rozas J.C. 2008. Luces y sombras del arbitraje institucional en los litigios transnacionales. – *Revista de la Corte Española de Arbitraje*. Vol. XXIII.
9. Garberí Llobregat J. 2004. *Comentarios a la Ley 60/2003, de 23 de diciembre, de Arbitraje*.
10. González Campos J.D. 1977. *Comentarios a las reformas del Código Civil*. Vol. I. Madrid, Tecnos.
11. Gordon Faustino. 1995. *El arbitraje en el Derecho español: interno y internacional*. Aranzadi Editorial.
12. Guimarães Pereira C.A. 2007. "A participação das Câmaras de Arbitragem como amicus curiae em Processos do Tribunal de Contas da União Relativos a Processos Arbitrais". – *Revista Brasileira de Arbitragem*. No. 12.
13. Iscar de Hoyos J. 2013. El arbitraje institucional, *Revista Juridica de Castilla y Leon*. N. 29. – *Monografico. Arbitraje y Mediacion. Problemas Actuales, Retos y Oportunidades*. Enero. ISSN 2254-3805.
14. Llamas Bao C. 2013. El arbitraje de consumo. Incidencia en la actividad empresarial. – *Revista internacional de estudios de derecho procesal y arbitraje*. No. 3.
15. Mantilla-Serrano F. 2005. *Ley de Arbitraje. Una perspectiva internacional*. Madrid, Iustel.
16. Perales Viscasillas P. 2011. La Reforma de la Ley de Arbitraje (Ley 11/2011, de 20 de mayo). – *Arbitraje*. Vol. IV. No. 3.
17. Remiro Brotóns A. 1980. *Ejecución de sentencias arbitrales extranjerías*. Madrid, Edersa.

18. Roca Martínez, José María. 1992. *Arbitraje e Instituciones Arbitrales*. Barcelona: J.M. Bosch Editor.

References

1. Angell Jorge, Brioso Angel. El deber de independencia e imparcialidad de los arbitros en la Ley Espanola: evolucion y aspectos practicos, El arbitraje en el Peru y el mundo. – *Arbitraje comercial y arbitraje de inversion*. Ediciones Magna, Lima. 2008.
2. Bachmaier Winter L. "Artículo 15. Nombramiento de los árbitros", *Comentarios a la Ley de Arbitraje de 2003*. D. Arias Lozano, coord., Cizur Menor, Thomson/Aranzadi. 2005.
3. Cremades B.M. *Panorámica española del arbitraje comercial internacional*. Madrid. 1975.
4. Cremades B.M. "España ante el arbitraje comercial internacional", *Estudios sobre arbitraje comercial internacional*. Madrid, CECO. 1979.
5. Cremades B.M. *International Business Law*. 1983.
6. Cremades B.M. *Libro Convenio Arbitral*. Tomo 1. Madrid. 2011.
7. Fernández Rozas J.C. La situación actual de arbitraje comercial en España: perspectivas de futuro. – *Revista de la Corte Española de Arbitraje*. 1986. Vol. III.
8. Fernández Rozas J.C. Luces y sombras del arbitraje institucional en los litigios transnacionales. – *Revista de la Corte Española de Arbitraje*. 2008. Vol. XXIII.

9. Garberí Llobregat J. *Comentarios a la Ley 60/2003, de 23 de diciembre, de Arbitraje*. 2004.
10. González Campos J.D. *Comentarios a las reformas del Código Civil*. Vol. I. Madrid, Tecnos. 1977.
11. Gordon Faustino. *El arbitraje en el Derecho español: interno y internacional*. Aranzadi Editorial. 1995.
12. Guimarães Pereira C.A. "A participação das Câmaras de Arbitragem como amicus curiae em Processos do Tribunal de Contas da União Relativos a Processos Arbitrais". – *Revista Brasileira de Arbitragem*. 2007. No. 12.
13. Iscar de Hoyos J. El arbitraje institucional, *Revista Jurídica de Castilla y Leon*. N. 29. – *Monografico. Arbitraje y Mediacion. Problemas Actuales, Retos y Oportunidades*. Enero. 2013. ISSN 2254-3805.
14. Llamas Bao C. El arbitraje de consumo. Incidencia en la actividad empresarial. – *Revista internacional de estudios de derecho procesal y arbitraje*. 2013. No. 3.
15. Mantilla-Serrano F. *Ley de Arbitraje. Una perspectiva internacional*. Madrid, Iustel. 2005.
16. Perales Viscasillas P. La Reforma de la Ley de Arbitraje (Ley 11/2011, de 20 de mayo). – *Arbitraje*. 2011. Vol. IV. No. 3.
17. Remiro Brotons A. *Ejecución de sentencias arbitrales extranjerías*. Madrid, Edersa. 1980.
18. Roca Martínez, José María. *Arbitraje e Instituciones Arbitrales*. Barcelona: J.M. Bosch Editor. 1992.

Информация об авторе

Олег Анатольевич МАЛОВ,

преподаватель, кафедра международного частного и гражданского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

o.malov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-0726-9574

About the Author

Oleg A. MALOV,

Lecturer, Department of International Private & Civil Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

o.malov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-0726-9574

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-107-122>

Исследовательская статья

УДК: 341.3

Поступила в редакцию: 03.07.2023

Принята к публикации: 16.02.2024

Елизавета Борисовна КИРИЛЛОВА

Посольство Российской Федерации в Королевстве Швеция

Гьёрвеллсгатан 31, 112 60 Стокгольм, Швеция

ebkirillova@mid.ru

ORCID: 0009-0004-4022-5279

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ В РОССИИ И ШВЕЦИИ

ВВЕДЕНИЕ. В статье представлен комплексный анализ нормативно-правовой базы, регулирующей область информационных технологий (далее – ИТ) в России и Швеции, проведена сравнительная оценка ключевых правовых инструментов, концепций и подходов к регулированию, включая ответственность за киберпреступления, процедуры лицензирования, практику стандартизации и безопасность критической информационной инфраструктуры. Кроме того, в статье рассматриваются роли и функции основных регулирующих органов в обеих странах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Статья подготовлена на основе соответствующих правовых актов России и Швеции. Несмотря на наличие отдельных законов, полностью посвященных ИТ, некоторые положения можно найти в других видах правовых документов (например, в уголовных кодексах или постановлениях правительства). С помощью сравнительного подхода в исследовании очерчиваются рамки и полномочия государственных институтов, осуществляющих регулирование в сфере ИТ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. И в России, и в Швеции наблюдается сходство в определении основных понятий, таких как критическая инфраструктура, что отражает общую проблематику, связанную, например, с вопросами безопасности. Основные законы в области ИТ

содержат спектр ключевых терминов, включая, но не ограничиваясь, информационно-коммуникационной сетью / электронной сетью коммуникаций, оператором информационной системы, а также защитой информации / безопасностью сети и информационной системы. Хотя список ключевых определений может показаться довольно сходным, шведское законодательство, как правило, предлагает более широкие определения с целью охвата более общих областей в рамках ИТ, в то время как российские законодатели фокусируются на применении более конкретных терминов. Однако если в Швеции законодательство тесно связано с нормативной базой Европейского союза (далее – ЕС), то в России применяется более широкий подход, учитывающий новые технологические вызовы, такие как искусственный интеллект. В заключение следует отметить, что для эффективного регулирования ИТ необходимо найти баланс между согласованностью на международном уровне и возможностью адаптации на национальном, что позволит обеспечить высокий уровень кибербезопасности, стимулировать инновации и сохранить гибкость регулирования в динамичной цифровой среде.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Швеция делает ставку на внедрение нормативных актов ЕС, что имеет свои преимущества, такие как гармонизация, внедрение признанной

на международном уровне практики, облегчение доступа на рынок и т. д. Однако такой подход может ограничить возможности страны по удовлетворению своих специфических потребностей и повлечь за собой дополнительное бремя, связанное с соблюдением директив ЕС. Более того, изменения в нормативных актах ЕС могут привести к необходимости обновления внутреннего законодательства, что потенциально может вызвать возникновение законодательных пробелов или коллизий, особенно в такой сфере, как ИТ. Сегодня, когда на повестке стоят искусственный интеллект и его риски, невозможно оставаться в стороне и ждать, пока международное сообщество договорится о применимом регулировании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИТ-право, кибербезопасность, электронные коммуникации, критическая инфраструктура, законодательство Швеции, киберпреступления, безопасность сетей и информационных систем, регулирование информационных технологий, российское законодательство об информационной безопасности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кириллова Е.Б. 2024. Сравнительно-правовой анализ законодательства об информационных технологиях в России и Швеции. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-107-122>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-107-122>

Elizaveta B. KIRILLOVA

Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Sweden
Gjörwellsgatan 31, 112 60 Stockholm, Sweden
ebkirillova@mid.ru
ORCID: 0009-0004-4022-5279

Research article
UDC: 341.3
Received 3 July 2023
Approved 16 February 2024

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF IT LEGISLATION IN RUSSIA AND SWEDEN

INTRODUCTION. *This article provides a comprehensive analysis of the regulatory frameworks governing the information technology (IT) sector in both Russia and Sweden and encompasses a comparative assessment of key legal instruments, concepts, and regulatory approaches, including the responsibility for cybercrimes, licensing procedures, standardization practices, and the safety of critical informational infrastructure. Additionally, this article examines the roles and functions of major governing authorities in both countries.*

MATERIALS AND METHODS. *The article is based on relevant legal acts of Russia and Sweden. While*

there are certain specific laws focused entirely on the informational technologies, some provisions can be found in other types of legal documents (for example criminal codes or governmental regulations). Employing a comparative approach, the study delineates the scope and authority of state institutions involved in the IT sphere.

RESEARCH RESULTS. *Both Russian and Sweden exhibit similarities when it comes to definition of essential concepts such as critical infrastructure, reflect shared concerns regarding for example security issues. Main laws in the area of information technology contain a spectrum of key terms, including but not limited*

to information and communication network / electronic communication network, information system operator, and information protection / network and information system security. Although the list of key definitions may appear quite similar, the Swedish legislation tends to offer broader definitions with the intention of encompassing larger domains within IT technologies, while the Russian legislators focus on more specific terms. However, while Sweden aligns closely with European Union (EU) regulatory framework, Russia adopts a more expansive approach, addressing emerging technological challenges such as AI. In conclusion, achieving effective IT regulation necessitates finding a balance between international consistency and national adaptability to ensure strong cybersecurity, foster innovation, and maintain regulatory flexibility in a dynamic digital environment.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. Sweden's reliance on implementing EU regulations has its benefits such as harmonisation, interoperability, adopting the internationally recognised practices, easier market access, etc. However, this approach may limit the country's ability to meet its specific needs and may mean

additional administrative burdens associated with compliance with EU directives. Moreover, changes in EU regulations could lead to a necessity to update domestic laws, potentially causing regulatory vacuum or legal collisions, especially in such sphere as the IT sector. Nowadays, when for example the AI and its risks are on the daily agenda one can not look away and wait for the international community to agree on the applicable regulation.

KEYWORDS: IT law, cybersecurity, electronic communications, critical infrastructure, Swedish legislation, cybercrimes, Network and Information System Security, regulation of informational technologies, Russian laws on information security

FOR CITATION: Kirillova E.B. A Comparative Legal Analysis of IT Legislation of Russia and Sweden. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 1. P. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-107-122>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Introduction

The analysis of the regulation of the informational technologies should begin with a definition of cyberspace as an object of the international law. “Is cyberspace an object of international law if there is no universal international treaty on it? <...> In international legal scholarship considers alternative scenarios for the transition to ‘transnational governance’ cyberspace, instead of its current mostly national and corporate governance by US-registered IT giants” [Vylegzhanin, Shtodina 2022:227–239].

The issue of cyberspace, or, more particularly, social media, being governed by a few IT-giants, is also addressed by D. Westman from the Swedish Law and Informatics Research Institute: “However, the fact that these new important arenas for the exercise of freedom of expression are controlled by a few dominant commercial actors operating in an international market poses legal challenges” [Westman 2020:676].

Cyberspace itself is a complex and dynamic environment that encompasses the digital realm where computer systems, networks, and data interact. In the context of international law, defining cyberspace has been a challenge due to its intangible and borderless nature.

In the Doctrine of Information Security of the Russian Federation, the *information sphere* is understood as “the totality of information, informatization objects, information systems, sites in the information and telecommunication network ‘Internet’ (hereinafter – the ‘Internet’), communication networks, information technologies, subjects whose activities are related to the formation and processing of information, development and use of these technologies, ensuring information security, as well as the totality of mechanisms for regulating the relevant social relations, and also the totality of mechanisms for regulating the information security of the Russian Federation”¹.

Russia “was a pioneer of international cooperation in ensuring ICTs security and consistently de-

¹ Decree of the President of the Russian Federation № 646 “On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (accessed date: 08.10.2023).

fends the position that the only way to counter threats in the information sphere is within the framework of international cooperation in ICTs security" [International... 2021:10].

However, as the authors of an IMEMO monograph "International Security, Strategic Stability and Information Technologies" rightly point out, "One of the main problems remains the lack of a unified international legal regime governing the ICT space, as today only some generally accepted norms of international law and various national legislations apply" [Romashkina, Markov, Stefanovich 2020:21].

On May 15, 2023, Russia together with Belarus, North Korea, Nicaragua and Syria as co-sponsors, submitted the Concept of the UN Convention on Ensuring International Information Security as an official document of the 77th session of the UN General Assembly. "A growing need for the peaceful use of information and communications technologies, as well as for their use for the common good of humankind and further social and economic development of all States"² was emphasised.

During the 78th session Russia submitted a draft resolution "*Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security*". Sweden, eagerly following into the EU and the US steps, voted against it. The explanation given by the EU on behalf of all member states (and so-called "candidate countries") was rather vague: "The EU considers that the resolution could have better represented the fragile consensus achieved in the Open Ended Working Group, its preceding processes and previous consensus resolutions. Principally, the draft resolution fails to reference the cumulative and evolving framework for responsible State behaviour in the use of ICTs"³.

In Sweden there is a definition of a "*cyber domain*", given by the Armed Forces in the Military strategic doctrine: "the cyber domain consists of digital information systems and electronic communication services, and the data stored in, processed by, or transmitted through them"⁴.

The report of Swedish Total Defence Research Institute "Operations in the cyber domain – an inventory of Swedish research emphasise that Swedish definition" emphasises that the Swedish definition "reflects the fact that the cyber domain:

- 1) is global and borderless;
- 2) uses electronics, the electromagnetic spectrum and IT;
- 3) is used for the creation, storage, modification, exchange or exploitation of information;
- 4) allows for remote action because of infrastructures that are interconnected and interdependent;
- 5) encompasses both attack and protection, as well as intelligence, propaganda and creation of certain opinion" [Karlzen, Granlund, Wedlin 2018:9].

"With comparatively large public administrative sectors, the Scandinavian countries, especially Sweden, had early on started to invest substantially in computers for the public sector. Consequently, there also existed an interest in finding ways of employing the new technology in the legal domain and in 1966 it was decided that a standing committee for the development of IT for the judiciary should be established. Members included the heads of the authorities in the legal sector and a representative from the parliament. The work was led by the state secretary at the Ministry of Justice" [Wahlgren 2023:232]. In Sweden "legal informatics" (swed. "rättsinformatik" is recognised as a research field.

The forthcoming article delves into the legislative approaches of both Russia and Sweden in defining such technologies. The analysis focuses on key legal documents, examining the terminology employed within these acts and its contextual significance.

A special attention, in my opinion, ought to be directed towards the dimensions of information security and the safeguarding of critical information infrastructure. Unquestionably, the regulatory role played by public authorities, encompassing control and oversight functions, as well as the licensing procedures and pertinent standards applicable to this domain should be included.

² The Concept of the UN Convention on Ensuring International Information Security. URL: <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/cSYQBBkOHCz1AaOfPwZJFsVfP3EXQjEi.pdf> (accessed date: 09.10.2023).

³ EU Explanation of Vote: UN General Assembly 1st Committee: Information and telecommunications in the context of international security. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/un-new-york/eu-explanation-vote-un-general-assembly-1st-committee-information-and-telecommunications-context_en?s=63 (accessed date: 10.11.2023).

⁴ Militärstrategisk doktrin (MSD 22), Sveriges Försvarsmakt. P. 55. URL: <https://www.forsvarsmakten.se/siteassets/2-om-forsvarsmakten/dokument/doktriner/msd-22.pdf> (in Swedish) (accessed date: 10.10.2023).

2. Main laws regulating IT-sphere

We'll start with examining the objectives of legal regulation concerning informational technologies in both Russia and Sweden, along with the pivotal terminology utilized. For this purpose, let us compare Russian *Federal Law № 149-FZ on Information, Informational Technology and the Protection of Information* and the Swedish *Electronic Communications Act*.

Russian Federal Law “regulates relations arising in:

- 1) exercising the right to search, receipt, transfer, production and dissemination of information;
- 2) applying informational technologies;
- 3) ensuring protection of information”⁵.

The Electronic Communications Act aims to provide individuals and authorities with “access to secure and efficient electronic communications and to the broadest choice of such services, their price, quality and capacity”⁶. The Act applies to “electronic communications networks and electronic communications services and related facilities and services, as well as other types of radio use”⁷.

The Act on information security for essential and digital services (Lag om informationssäkerhet för samhällsviktiga och digitala tjänster) imposes requirements on certain providers of essential and digital services. A central part of the law is therefore “to define who is to be considered such a provider and what constitutes an essential or digital service. It also describes the suppliers’ obligation to work in a risk-based manner and carry out preventive work to prevent incidents. Once an incident has occurred, there are strict requirements regarding reporting and management” [Wendleby 2022:5].

2.1. The comparison of the key terms of the Federal Law on Information and the Electronic Communications Act

The following terms exist in both legal acts and, while slightly differ, essentially represent the same concept.

Russia: *Information and Telecommunication Network* means “a technological system intended to transmit via communication lines the information further accessed using computation devices”⁸.

Sweden: *Electronic communications network* means “a transmission system and, where applicable, switching or routing equipment and passive network elements and other resources which permit the conveyance of signals, by wire or by radio waves, by optical means or by other electromagnetic transmission media, irrespective of the type of information transmitted”⁹.

As we already can see, *Electronic Communications Network* encompasses a broader scope. Because of a definition as a transmission system, it includes switching or routing equipment, passive network elements, and other resources. The primary purpose is to convey signals through various transmission media, regardless of the type of information being transmitted, while the *Information and Telecommunication Network* is meant to be a network designed to transmit information through communication lines, with subsequent access facilitated by computational devices.

Russia: *Information System Operator* means an individual or a legal entity operating an Information System, including processing the data contained in its databases¹⁰.

Sweden: *operator* “means the provider or intended provider of a public electronic communications network or an associated facility”¹¹.

Here the Russian definition of an *Information System Operator* refers to an individual or legal entity engaged in operating an Information System. The scope includes the processing of data within its databases, indicating a focus on managing information systems and the associated data. The Swedish definition of an *operator* again implies a broader perspective, incorporating entities involved in offering or intending to offer public electronic communication networks or related facilities.

⁵ Federal Law № 149-FZ on Information, Informational Technology and the Protection of Information (hereinafter referred as “Federal Law on Information”). Art. 1. URL: <https://eais.rkn.gov.ru/docs.eng/149.pdf> (accessed date: 12.04.2023).

⁶ The Electronic Communications Act 2022:482 (Lag 2022:482 om elektronisk kommunikation) (hereinafter referred as “the ECA”). Kap. 1 § 1. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-2022482-om-elektronisk-kommunikation_sfs-2022-482 (In Swedish) (accessed date: 12.04.2023).

⁷ The ECA. Kap. 1 § 2.

⁸ Federal Law on Information. Art. 2.

⁹ The ECA. Kap. 1 § 7.

¹⁰ Federal Law on Information. Art. 2.

¹¹ The ECA. Kap. 1 § 7.

Russia: *Protection of information* “shall represent the undertaking of legal, organizational and technical measures towards:

- 1) ensuring protection of information against any illegal access, destruction, modification, blocking, copying, supply, dissemination and also against other illegal actions in respect of that information;
- 2) observance of confidentiality of information of limited access;
- 3) realization of the right of access to information”¹².

Sweden: *the security of network and information system* means “the ability of electronic communications networks and services to withstand, at a given level of confidence, events that undermine the availability, authenticity, accuracy or confidentiality of the networks or services, of the data stored, transmitted or processed, or of the related services offered by or accessible through those electronic communications networks or services”¹³.

According to C. Trenta (Ph.D, Associate Professor of Tax Law at Örebro University), cybersecurity is more than its technological or economical and sometimes political applications. “While traditionally classified as a field within computer science, cyber-security has been cast more recently as an interdisciplinary area straddling policymaking, computer science, management, and the social sciences” [Trenta 2021:101].

“The area of law dealing with cybersecurity a field-spanning construct requiring coordinated interpretation and the application of a rather large and diverse array of legal sources”. This legislative area could be defines as the “collaborative cybersecurity law” framework. ENISA (The European Union Agency for Cybersecurity) “also treats cybersecurity as an umbrella concept including information security, network and information systems security” [Trenta 2021:106].

Comparing the Russian and Swedish approach, we can see that Russian definition of *Protection of information* means a multifaceted approach involving legal, organizational, and technical measures for information protection and aims at comprehensive

protection against unauthorized actions against information. While Swedish term *the security of network and information system* emphasizes the ability of networks and services to withstand events, indicating a focus on the overall security and robustness of electronic communications infrastructure and aims at maintaining the resilience of electronic communications networks and services, considering the confidence level and potential events that may undermine various aspects.

The Act on information security for essential and digital services 2018:1174 (Lag 2018:1174 om informationssäkerhet för samhällsviktiga och digitala tjänster) complements the definition of the electronic communication network. According to this Act:

Electronic communications network is an “electronic communications network in accordance with Chapter 1. Section 7 of the Electronic Communications Act (2022:482) and

- 1) a device or a group of devices that are interconnected or related to each other, one or more of which carry out automatic processing of digital data through a programme; or
- 2) digital data that is stored, processed, retrieved or transmitted for the purpose of its operation, use, protection and maintenance”¹⁴.

The same law provides, for example, a Swedish understanding go the search engine. So, *internet search engine* means “a service that allows users to search virtually any website or website in a particular language by requesting any topic in the form of a keyword, phrase or other input, and returns links containing information about the requested content”¹⁵.

The Russian federal law states: “a *search engine* is an information system that searches the Internet at the user’s request for information of a certain content and provides the user with information on the page index of an Internet site to access the requested information located on Internet sites belonging to other persons, except for information systems used to perform state and municipal functions, provide state and municipal services, as well as to perform other public powers, provided by federal laws”¹⁶.

¹² Federal Law on Information. Art. 16 p.1.

¹³ The ECA. Kap. 1 § 7.

¹⁴ The Act on information security for essential and digital services 2018:1174 (Lag 2018:1174 om informationssäkerhet för samhällsviktiga och digitala tjänster) (hereinafter referred as “Lag 2018:1174”). § 2. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-20181174-om-informationssakerhet-for_sfs-2018-1174 (In Swedish) (accessed date: 20.04.2023).

¹⁵ Lag 2018:1174. § 2.

¹⁶ Federal Law on Information. Art. 2.

Here, *Internet Search Engine* encompasses a broad range of services that facilitate searching across the internet, allowing users to access information from various sources based on their queries. While the Swedish definition of a *search engine* excludes information systems used for state and municipal functions, provision of state and municipal services, and other public powers from possible search results.

3. Critical informational infrastructure and its legal protection in Russia and Sweden

Firstly, it is essential to comprehend the meaning of the term “critical informational infrastructure” through a thorough examination of the relevant laws and regulations.

In Russia the key legal act is Federal Law № 187-FZ “About safety of critical information infrastructure of the Russian Federation”.

“*Critical information infrastructure* – objects of critical information infrastructure, and also electronic communication networks used for the organization of interaction of such objects.

Objects of critical information infrastructure – information systems, information and telecommunication networks, automated control systems of subjects of critical information infrastructure.

Subjects of critical information infrastructure – state bodies, public institutions, the Russian legal persons and (or) individual entrepreneurs to whom on the property right, leases or on other legal cause belong *the information systems, information and telecommunication networks, automated control systems functioning in the field of health care, science, transport, communication, energy, the bank sphere and other spheres of the financial market, fuel and energy complex in the field of atomic energy, the defense, space-rocket, mining, metallurgical and chemical industry, the Russian legal entities and (or) individual entrepreneurs who provide interaction of the specified systems or networks*¹⁷.

Russia criminalizes three “unlawful forms of interference with critical information infrastructure objects: unlawful access; creation and distribution of malicious software; violation of the rules of operation of means of storing, processing or transmitting

computer information; violation of the rules of operation of means of storing, processing or transmitting computer information” [Efremova 2022:88].

Swedish *Act on information security for essential and digital services 2018:1174* (Lag 2018:1174 om informationssäkerhet för samhällsviktiga och digitala tjänster) provides a complete list of sectors of the economy which are considered essential: energy, transport, banking, financial market infrastructures, medical and health care, drinking water transport and distribution, digital infrastructure and digital services. Online marketplaces, online search engines, cloud computing services are all considered digital services. ...point that this act “does not cover the sectors of production and distribution of district heating/cooling, chemical process industry, or electronic communications” [Appelgren, Zouave 2021:17].

In Sweden the provider of essential and digital services are obliged to rapport IT-incident to the Civil Contingencies Agency. “National strategy for preventing the emergence of terrorism, prevent terrorist attacks and prepare for the eventuality of a terrorist attack (2011/12:73), includes important measures such as strengthening IT security. The document refers to the work in order to prevent major cyber-attacks aimed at socially important IT systems” [Wennerström 2015: 48].

We can conclude that, despite some differences in wording, both in our country and in Sweden, the concept of critical infrastructure generally includes similar sectors. Both terms refer to the vital services provided in key sectors such as energy, transportation, banking, finance, healthcare, water supply, digital infrastructure, and digital services.

4. Liability and responsibility for breaches of the law and IT-related crimes

Both Russia and Sweden impose a duty on subjects of critical information infrastructure actors to immediately report all computer incidents to the competent governmental authority.

In the Swedish law, penalties for breaches of its requirements are specified directly in the text of § 29-36. Such a measure is a fine of 5 000 to 10 million SEK¹⁸ imposed by the supervisory authority for

¹⁷ Federal Law № 187-FZ About safety of critical information infrastructure of the Russian Federation (hereinafter referred as “FZ-187”). Art. 2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (in Russ.) (accessed date: 30.04.2023).

¹⁸ Lag 2018:1174. § 30.

failure to register as a critical service provider in good time with the supervisory authority or to report incidents, as well as for failure to take appropriate security measures¹⁹.

The Russian Federal Law specifies liability for failure to comply with its requirements²⁰ (Article 14), but a specific list is contained in Article 13.12.1 of The Code of Administrative Offences. Fines for officials can vary from 10 to 50 thousand rubles, for legal entities – from 50 to 500 thousand roubles.

Swedish law makes no distinction for individuals or legal entities and the amount of the fine should be determined according to the damage caused.

While violations of legal requirements concerning critical information infrastructure are subject to administrative liability in Russia and fines in Sweden, a broader range of offences categorized as “computer crime” incur criminal responsibility in both states.

Criminal Code of the Russian Federation lists crimes in the sphere of computer information in Chapter 28: illegal accessing of computer information; creation, use and dissemination of harmful computer programs; violation of rules for the operation of computer data storage, processing or transmission facilities and telecommunications networks; unlawful interference with the critical information infrastructure of the Russian Federation; violation of the rules of centralized administration of technical means of counteracting threats to the stability, security and integrity of the functioning of the information and telecommunications network “Internet” and the public communications network on the territory of the Russian Federation.

The Swedish Criminal Code essentially reduces the entire range of punishable computer crimes to illegal access to data and focuses specifically on breaches of data security with relatively limited penalties. It is safe to say that the broader scope, provided in the Code of the Russian Federation suggests a more comprehensive approach to addressing cybersecurity threats and protecting critical information infrastructure.

“A person who unlawfully obtains access to information intended for automatic processing, or unlawfully alters, erases, blocks or, in a register, inserts such information, is guilty of breach of data security

and is sentenced to a fine or imprisonment for at most two years. The same applies to a person who seriously disturbs or impedes the use of such information in an unlawful way through some other similar measure.

Act 2014:302. If the offence is gross, the person is guilty of gross breach of data security and is sentenced to imprisonment for at least six months and at most six years. When assessing whether the offence is gross, particular consideration is given to whether the act caused serious damage, or related to a large quantity of information, or was otherwise of a particularly dangerous nature”²¹.

However, Ulrik Franke, senior researcher, RISE Research Institutes of Sweden states that lawmakers work should be done from the perspective of the possible economical consequences of the cybercrimes. The cybersecurity center should provide experts conduct the analysis – similar process has already been done for example in the area of climate policy – when The National Institute of Economic Research (Konjunkturinstitutet) prepared the environmental economic research [Franke 2020:65].

U. Maunsbach and P. Lindskoug explore the possibilities of international private law to be applied to the cases of cross-border intellectual rights infringement which took place in the cyberspace. For Sweden, the answers to questions regarding jurisdiction, according to them, “must furthermore be divided into two parts since the answers depend on whether or not the defendant is domiciled in a Brussels or Lugano state (e. g. a country where the Lugano Convention (Convention on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters) or the Brussels I Regulation (Regulation (EU) No 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters) are applicable) or in a country outside of this area” [Maunsbach, Lindskoug 2010:310]. However, this rule applies mostly to EU and EEA states.

But in case “the defendant is domiciled outside the Brussels/Lugano-area there is no directly applicable law in support of jurisdiction in cross-border infringement cases” [Maunsbach, Lindskoug

¹⁹ Lag 2018:1174. § 29.

²⁰ FZ-187. Art. 14.

²¹ The Swedish Criminal Code (Brottsbalken, SFS 1962:700) (hereinafter referred as “Brottsbalken”). Sec. 9c. URL: <https://www.government.se/4a4563/contentassets/7a2dcae0787e465e9a2431554b5eab03/the-swedish-criminal-code.pdf> (In Swedish) (accessed date: 02.05.2023).

2010:310]. Instead it is suggested to carefully apply the Swedish Code of Judicial Procedure (Den svenska rättegångsbalken) by analogy. By doing so, suggest the authors, “a Swedish Court can be competent to try disputes concerning cross-border transactions” [Maunsbach, Limdskoug 2010:311]. General rules of jurisdiction, used in the international private law, should be applied as well.

The rule, most likely to be applied by the Swedish court to the infringement of registered intellectual property rights, suggest U. Maunsbach and P. Lindskoug, would be the exclusive jurisdiction of a court in the state where the right is registered.

5. Licensing

Another important part of IT-regulation is licensing, which is an indispensable tool for regulators to effectively manage the complexities and challenges in this rapidly evolving field. However, it appears to be that its benefits such as mitigating risks associated with the IT sector, e. g. cybersecurity threats, data breaches, and misuse of technology are not always taken into account.

In Russia the applicable law is the Federal Law “On licensing certain types of activities” from 04.05.2011 № 99-FZ.

Article 12 lists of activities for which licenses are required. In IT-sphere these activities are the following:

1) “development, production, distribution of encryption (cryptographic) tools, information systems and telecommunications systems protected using encryption (cryptographic) tools, carrying out works, providing services in the field of information encryption, maintenance of encryption (cryptographic) tools, information systems and telecommunications systems protected using encryption (cryptographic) tools (except for the case if the maintenance of encryption (cryptographic) tools, information systems and telecommunication systems protected using encryption (cryptographic) tools is carried out for the legal entity or individual entrepreneur’s own needs);

2) the development, production, sale and acquisition for sale of special technical tools designed for the covert acquisition of information;

3) activities to detect electronic devices designed for covert acquisition of information (except

if these activities are carried out to meet the own needs of a legal entity or individual entrepreneur);

4) development and production of tools to protect confidential information;

5) activities for the technical protection of confidential information;

6) provision of communication services”²².

In Sweden, according to §23 of the The Act on information security for essential and digital services providers of such services are required without hesitation notify that they are providing such services in one or several EU states.

According to chapter 3 § 1 of the Electronic Communications Act the service of providing access to the electronic communications network both for a fee and free of charge may be provided only after an application to the supervisory authority. The use of radio transmitters on land, on a Swedish ship or in an aircraft, including an aircraft abroad, is only allowed after obtaining the appropriate permit, which gives the right to use such a transmitter in a certain frequency range.

In conclusion, in Sweden, the prevailing procedure within the IT sphere primarily revolves around a notification-only approach. Conversely, Russia adopts a contrasting regulatory framework, emphasizing the necessity of obtaining a state permit in the form of a license.

6. Main state control and supervisory authorities

Let us now delve deeper into the authorities of the state bodies responsible for overseeing information technology, including their regulatory and supervisory capacities, and their role in issuing by-laws and regulations.

Russia: The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Sweden: Swedish Post and Telecom Authority (Post- och telestyrelsen) and Swedish Civil Contingencies Agency (Myndigheten för samhällskydd och beredskap / MSB).

It is worth mentioning that, in addition to its functions and powers in the field of communication and information technology, the Swedish MSB also carries out various other duties related to responding to natural disasters, crisis situations, and so

²² Federal Law N 99-FZ On licensing certain types of activities (hereinafter referred as “Federal Law on licensing”). Art. 12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (In Russ.) (accessed date: 15.05.2023).

forth, essentially serving as an analogue of the Russian EMERCOM. It has been mandatory for Swedish government agencies to report serious IT incidents to MSB since 2016. However, according to the rapport prepared by Total Defence Research institute, “during the years 2016–2018, only one third of the agencies reported IT incidents, which MSB estimates is an under-reporting” [Stenérus Dover, Bengtsson, Olsson 2020:3].

Meanwhile, other agencies also possess certain authorities in the field of our interest, thereby exercising their own regulatory powers concerning information security and personal data protection within their respective domains. For example, in addition to the Patient Data Protection Act (Patientdatalag (2008:355)) and the government decree on Patient Data Protection (Patientdataförordning (2008:360)), the Swedish National Board of Health and Welfare has issued regulations and guidelines on logging and processing personal data in the healthcare system (Socialstyrelsens föreskrifter och allmänna råd om journalföring och behandling av personuppgifter i hälso- och sjukvården (HSLF-FS 2016:40).

The Swedish Post and Telecom Authority (Post- och telestyrelsen) also oversees television, radio, and postal networks, ensuring their accessibility alongside addressing information technology matters.

According to the Directive 2008:1002 with provisions on Swedish Civil Contingencies Agency (Förordning (2008:1002) med instruktion för Myndigheten för samhällsskydd och beredskap t.o.m. SFS 2022:1167), the Agency “supports and guides public information security work and analyses and evaluates global trends in information security. This also includes an advisory and support role for other government agencies, regional and municipal authorities, as well as businesses and organizations in their work to prevent threats in the area of computer security”.²³

The Agency is mandated to annually report to the Government, providing an overview of incidents reported to the Agency. At the time of reporting, the Agency also receives data from the Swedish Security Service (Säpo) and the Armed Forces of the country. In addition to issuing regulations on cybersecurity, MSB also addresses emerging threats reported by government institutions. It collaborates with the

armed forces in simulating cyber threats in a test environment at the Total Defence Research Institute (this project includes 800 servers that allow real-time testing of steps to counter possible attacks and has features such as Internet virtualization with geolocalized routers).

The Agency's tasks within the field of information security and secure communications include responsibility for the development and management of secure communications, advice and support in information security and responding to and preventing IT incidents.

In the field of secure communications, the Agency is responsible for developing and managing the WIS portal (part of the Swedish crisis response system where relevant authorities post information before, during and after such situations); a secure radio system for employees working in critical infrastructure and areas of public importance (e.g. police, emergency services, coast guard, etc.) and SGSI (Swedish Government Secure Intranet, a closed network for secure and encrypted communications between users in Sweden and Europe).

In addition to the above, the Agency is developing and improving secure cryptographic functions. The Swedish Armed Forces' Cryptographic System KSU (Krypto för skyddsvärda uppgifter), which consists of security material, cryptographic keys and/or activation keys, and instructions, is nationally approved for secure communications. The Agency coordinates development of secure communications in civilian government agencies.

Directive with the Provisions for the Post and Telecom Authority (Förordning (2007:951) med instruktion för Post- och telestyrelsen). § 4 focuses on the functions and competences of the Authority in the field of electronic communications.

The tasks of the Post and Telecom Authority in the area of information technology are the following.

1. “To promote safe and efficient electronic communications, including monitoring the availability of commonly used services, to facilitate access to a wide range of services for digital communications.

2. Promote and monitor the availability of broadband internet and mobile network in all parts of the country, including the establishment of pre-

²³ Directive 2008:1002 with provisions on Swedish Civil Contingencies Agency (Förordning (2008:1002) med instruktion för Myndigheten för samhällsskydd och beredskap). URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forordning-20081002-med-instruktion-for_sfs-2008-1002/ (In Swedish) (accessed date: 12.05.2023).

conditions for cooperation between public authorities, which could facilitate the development of a mobile network.

3. Promote effective competition.
4. Monitor developments in prices and services.
5. Carry out awareness-raising activities aimed at consumers.
6. Monitor the security situation in the field of digital communications and the emergence of possible environmental and health risks.
7. Consider permissions and obligations, establish and analyse markets and supervise and settle disputes under the Electronic Communications Act.
8. To issue regulations under the Regulation on Electronic Communications.
9. To act as a supervisory authority under Act 2016:651 on supplementary regulations to the European Parliament and Council Regulation on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and to provide support and information to public authorities and private parties with regard to trusted services.
10. Monitor the development of geographical first level domains linked to Sweden.
11. To act as a supervisory authority under the National Tier 1 Domains for the Swedish Internet Act 2006:24 and to issue regulations under the National Tier 1 Domains for the Swedish Internet Regulation 2006:25.
12. Ensure reliable electronic communications and reduce the risk of interruption, including by acquiring enablers and working to improve crisis resilience.
13. Work to improve network and information security in electronic communications, through cooperation with public authorities with special responsibilities in areas of information security, protection for national security purposes, protection of sensitive data and other actors involved.
14. Advise and support public authorities, municipal and regional authorities, companies, organizations and private persons on network security issues.
15. Act as supervisory and dispute resolution authority under the Broadband Act 2016:534 and be

responsible for the Broadband Information Service under the same act.

16. To act as the supervisory authority under the Act on information security for essential and digital services”²⁴.

Comparing the functions outlined in the Statute of Roskomnadzor (adopted as the regulation of the Government of the Russian Federation No. 228 of March 16, 2009)²⁵ with the powers of the Post and Telecom Authority in Sweden reveals a set of common functions shared by both authorities:

- 1) state control (supervisor);
- 2) ensuring the sustainability, security and availability of the Internet;
- 3) licensing/issuing permits;
- 4) issuing by-laws/regulations;
- 5) maintaining a register of national domain names / tracking their development;
- 6) advice and support to other public authorities and organisations;
- 7) monitoring in the field of electronic communications security, counteracting threats, acquiring and providing appropriate technical means.

Roskomnadzor also issues accreditations to experts and expert organizations for content evaluation in order to ensure child information security; records, stores and processes information about advertisements distributed on the information and telecommunications network “Internet”, including information about advertisers and advertisement distributors of such advertisements, advertising system operators; maintains a list of foreign entities operating in the information and telecommunications network “Internet” on the territory of the Russian Federation, and decides on the application of measures to compel such foreign entities to comply with the requirements of Russian legislation.

However, through comparing the complete lists of functions provided in two respective legal acts, it seems that the Swedish Post and Telecom Authority primarily focuses on regulatory oversight, promotion, and monitoring of electronic communications infrastructure, competition, security, and consumer awareness, while Russian Roskomnadzor focuses primarily on compliance oversight, licensing, and protection of children from harmful information within

²⁴ Directive with the Provisions for the Post and Telecom Authority (Förordning (2007:951) med instruktion för Post- och telestyrelsen). URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forordning-2007951-med-instruktion-for-post-_sfs-2007-951/ (In Swedish) (accessed date: 20.05.2023).

²⁵ Statute of Roskomnadzor (adopted as the regulation of the Government of the Russian Federation No. 228 of March 16, 2009). URL: <https://eng.rkn.gov.ru/about/> (accessed date: 21.05.2023).

Russian Federation jurisdiction. Swedish Directive mentions supervisory roles under European Parliament and Council regulations, indicating international engagement, while Statute of Roskomnadzor primarily focuses on domestic regulatory functions.

In her article in "Scandinavian Studies in Law", P. Jonason addresses a significant concern regarding the influence of the Internet, social media, and search engines in various investigations, particularly by the public authorities. She highlights a case from 2013 where a Facebook post played a pivotal role in a social services decision to deny a request for the renewal of social aid.

She pointed that while the phenomenon of "administrative investigation through the search and collection of personal information on social media and the Internet at large, using search engines is not completely new, it has begun to be noticed in Sweden, in a more pronounced manner, by the Swedish Parliamentary Ombudsman (JO) in the last few years" [Jonason 2018: 272]. However, there is no relevant legislation on the topic. The social media search is not address in the Government terms of reference on the personal privacy. In her opinion, "this may, in the long run, generate citizens' distrust towards an administration they suspect is spying on them and could lead to self-restraint in the exercise of one's freedom", therefore "there is a need to regulate these kinds of practices with a legal framework capable of protecting privacy as an individual value (the privacy of the person concerned) as well as a social value (privacy as a sine qua non condition for democracy)" [Jonason 2018: 273].

The issue of using information technology as an evidence as also addressed by J. Ekfeldt, Stockholm university. He highlights that "there is a general need for future research focused on matters regarding both standards of proof for and evaluation of information technology evidence" [Ekfeldt 2016:436].

7. Standardisation

"The process of IT standardization is the dominant feature of the information industry development. The practical implementation of global concepts of IT development, namely the concept of open systems, Global Information Infrastructure, Information Society, Knowledge Society, Internet of Everything, Meta Universe, etc. is based on systematic and comprehensive IT standardization" [Sukhomlin 2022:437].

Swedish standards are the same as those in the EU. Russia uses its own GOSTs, however some of

them are based on ISO/IEC standards of the International Organization for Standardization and the International Electrotechnical Commission.

The following standards are applied in Sweden:

SS-EN ISO/IEC 27001 Information security management systems – Requirements (SS-EN ISO/IEC 27001 Ledningssystem för informationssäkerhet – Krav): contains requirements for information security management systems.

SS-EN ISO/IEC 27002 Code of practice for information security controls (SS-EN ISO/IEC 27002 Riktlinjer för informationssäkerhetsåtgärder): contains a list of measures to strengthen and maintain information security in the organisation.

There are considerably more applicable standards in Russia and in February 2022, the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology (Rosstandart) published new national standards in the field of information technology:

GOST R 59898-2021 "Quality Assessment of Artificial Intelligence Systems. General provisions" contains information on the scope of application, terms and definitions, quality model, methodology and criteria for quality assessment at life cycle stages of artificial intelligence systems (AIS), general principles and procedure of AIS quality assessment, representative set of characteristics and quality indicators of AIS, and requirements to the set of input and output data for AIS testing.

GOST R 59926-2021 "Information technology. Reference architecture for big data. Part 2. Use Cases and Production Requirements" is a Russian-language adaptation of the international technical report. The document contains a detailed overview of 52 big data technology use cases, as well as technical problems identified as a result of use analyses.

It is no doubt that a balanced approach that combines the strengths of international standards with the flexibility of national ones could be the most effective. However it is crucially important to create own standards in accordance with the fast-paced development of new technologies, such as AI and big data. Similar issues are already being raised by Swedish scholars: for example C. Magnusson Sjöberg states that "the legal issues surrounding digital platforms, social media, cloud computing and AI-based services are just a few examples. How should rules on freedom of information and expression be designed and interpreted on the internet and other global networks, while respecting the right to privacy?" [Magnusson Sjöberg 2021:23]

The standards establish common terminology, methodologies, and criteria for quality assessment,

facilitating the development, implementation, and evaluation of AI systems and big data solutions, ultimately contributing to innovation, trust, and ethical use, etc. Nowadays, when the AI and its risks are on the daily agenda one can not look away and wait for the international community to agree on the applicable regulation.

8. Conclusion

The main legal acts in the IT sphere are the following:

Russia – Federal Law №149-FZ on Information, Informational Technology and the Protection of Information;

Sweden – The Electronic Communications Act 2022:482 (Lag 2022:482 om elektronisk kommunikation).

Both laws regulate the areas of information technology and contain a list of basic concepts, such as information and communication network/electronic communication network; information system operator; and information protection/network and information system security.

Through analysis conducted in this article several corresponding concepts have been identified:

Russia: *Information and Telecommunication Network* means “a technological system intended to transmit via communication lines the information further accessed using computation devices”²⁶.

Sweden: *Electronic communications network* means “a transmission system and, where applicable, switching or routing equipment and passive network elements and other resources which permit the conveyance of signals, by wire or by radio waves, by optical means or by other electromagnetic transmission media, irrespective of the type of information transmitted”²⁷ and “a device or a group of devices that are interconnected or related to each other, one or more of which carry out automatic processing of digital data through a program; or digital data that is stored, processed, retrieved or transmitted for the purpose of its operation, use, protection and maintenance”²⁸.

In summary, while both definitions pertain to network systems facilitating communication, the “Information and Telecommunication Network” definition appears more specific, focusing on information transmission and subsequent access. On the other hand, the “Electronic Communications Network” definition adopts a broader perspective, encompassing a variety of transmission components and methods, emphasizing signal conveyance irrespective of information type.

Russia: *Information System Operator* means an individual or a legal entity operating an Information System, including processing the data contained in its databases²⁹.

Sweden: *operator* “means the provider or intended provider of a public electronic communications network or an associated facility”³⁰.

While both definitions involve entities engaged in information-related activities, “Information System Operator” is more specific, emphasizing the operation of information systems and data processing. On the other hand, “Operator” has a broader connotation, encompassing entities providing or intending to provide public electronic communication networks or associated facilities without explicit emphasis on data processing activities.

Russia: *Protection of information* “shall represent the undertaking of legal, organizational and technical measures towards:

- 1) ensuring protection of information against any illegal access, destruction, modification, blocking, copying, supply, dissemination and also against other illegal actions in respect of that information;
- 2) observance of confidentiality of information of limited access;
- 3) realization of the right of access to information”³¹.

Sweden: *the security of network and information system* means “the ability of electronic communications networks and services to withstand, at a given level of confidence, events that undermine the availability, authenticity, accuracy or confidentiality of the networks or services, of the data stored, transmitted

²⁶ Federal Law on Information. Art. 2.

²⁷ The ECA. Kap. 1 § 7.

²⁸ The Act on information security for essential and digital services 2018:1174 (Lag 2018:1174 om informationssäkerhet för samhällsviktiga och digitala tjänster) (hereinafter referred as “Lag 2018:1174”). § 2. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-20181174-om-informationssakerhet-for_sfs-2018-1174 (In Swedish) (accessed date: 20.04.2023).

²⁹ Federal Law on Information. Art. 2.

³⁰ The ECA. Kap. 1 § 7.

³¹ Federal Law on Information. Art. 16 p. 1.

or processed, or of the related services offered by or accessible through those electronic communications networks or services”³².

In summary, Russia’s focus is more information-centric, while in the Swedish legislation the main role is given to the resilience towards threats of the networks itself. Taking this into account, we can conclude that the term “protection of information” as defined in the Russian law, aims at comprehensive protection against unauthorized actions concerning information. Swedish approach is focused primarily on the ability of networks and services to withstand events, indicating a focus on the overall security and robustness of electronic communications infrastructure.

Russia: “Critical information infrastructure – objects of critical information infrastructure, and also electronic communication networks used for the organization of interaction of such objects.

Objects of critical information infrastructure – information systems, information and telecommunication networks, automated control systems of subjects of critical information infrastructure.

Subjects of critical information infrastructure – state bodies, public institutions, the Russian legal persons and (or) individual entrepreneurs to whom on the property right, leases or on other legal cause belong the information systems, information and telecommunication networks, automated control systems functioning in the field of health care, science, transport, communication, energy, the bank sphere and other spheres of the financial market, fuel and energy complex in the field of atomic energy, the defense, space-rocket, mining, metallurgical and chemical industry, the Russian legal entities and (or) individual entrepreneurs who provide interaction of the specified systems or networks”³³.

Sweden: *essential and digital services* – services provided in the following sectors: energy, transport, banking, financial market infrastructures, medical and health care, drinking water transport and distribution, digital infrastructure and digital services (online marketplaces, online search engines, cloud computing services).

As we can see, the term “critical information infrastructure” refers to the essential systems, net-

works, and assets that are vital for the functioning of a country’s economy, security, and public welfare. The definition of the «essential and digital services» also means that these services are essential for maintaining societal functions, economic activities, and public welfare

Russia: *A computer incident* is an event of disruption and (or) interruption of the functioning of a critical information infrastructure facility, telecommunications network used to organize the interaction of such facilities, and (or) a breach of security of information processed by such facility, including as a result of a computer attack.

Sweden: *An incident* is an event that has an actual negative impact on the security of networks and information systems.

Russia: “a search engine is an information system that searches the Internet at the user’s request for information of a certain content and provides the user with information on the page index of an Internet site to access the requested information located on Internet sites belonging to other persons, except for information systems used to perform state and municipal functions, provide state and municipal services, as well as to perform other public powers, provided by federal laws”³⁴.

Sweden: *internet search engine* means “a service that allows users to search virtually any website or website in a particular language by requesting any topic in the form of a keyword, phrase or other input, and returns links containing information about the requested content”³⁵.

In summary, while both definitions describe the functionality of internet search engines, the “Internet Search Engine” definition provides a broader description, while the “Search Engine” definition offers a more specific scope with exclusions for certain types of information systems.

The Swedish Act on Information Security for essential and Digital Services has similar concepts to the Russian Federal Law № 187-FZ About safety of critical information infrastructure of the Russian Federation. Although the list in the Russian law may seem more detailed, the areas of public activity classified as critical information infrastructure in both countries are almost identical.

³² The ECA. Kap. 1 § 7.

³³ Federal Law № 187-FZ About safety of critical information infrastructure of the Russian Federation (hereinafter referred as “FZ-187”). Art. 2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (in Russ.) (accessed date: 30.04.2023).

³⁴ Federal Law on Information. Art. 2.

³⁵ Lag 2018:1174. § 2.

The Swedish Post and Telecom Authority can be described as a relatively close equivalent of Russian Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media, although a significant number of functions in the sphere of cybersecurity are under the authority of the Swedish Civil Contingencies Agency (which is similar to the Russian Ministry of Emergency Situations).

In summary, while both the Swedish Post and Telecom Authority (PTA) and Russian Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media encompass regulatory functions in the IT sphere, Roskomnadzor focuses more on compliance oversight and licensing within the Russian Federation, while Swedish PTA has a broader scope including promotion, monitoring, and security management in electronic communications with potential international engagements.

Both Russian and Swedish law criminalize computer crime. However, the Swedish Criminal Code essentially reduces the entire range of punishable computer crimes to illegal access to data and focuses specifically on breaches of data security with relatively limited penalties. Russian Criminal Code provides a broader scope which clearly means a more comprehensive approach to addressing cybersecurity threats and protecting critical information infrastructure.

Both Russia and Sweden impose fines for breaches of critical information infrastructure legislation, but in our country these are listed in the CAO (administrative liability), with different fines for individuals and legal entities. In Sweden, there is no such distinction and the fines are specified directly in the act on essential and digital services; punishment for violations of data security is limited only to fines or imprisonment for a maximum of two years.

In licensing matters, Russia adopts a permissive approach recognizing its benefits such as mitigating risks associated with the IT sector, e. g. cybersecurity threats, data breaches, and misuse of technology are not always taken into account: in order to carry out a licensed activity, a permit must first be obtained. In Sweden, a notification procedure is applied first: the law requires only that an application be submitted to the regulatory authority without delay. The licensing procedure in Sweden applies only to the use of a radio transmitter.

While Sweden primarily relies on the EU in the sphere of standardization, Russia has a more broad spectrum of standards and seems to prepare ground for future regulation of for example AI-based services, etc. It is of great importance to understand and establish common terminology, methodologies, and criteria for quality assessment, facilitating the development, implementation, and evaluation of such systems and solutions, ultimately contributing to innovation, trust, and ethical use, etc. Nowadays, when the AI and its risks are on the daily agenda one can not look away and wait for the international community to agree on the applicable regulation.

Sweden's reliance on implementing EU regulations has its benefits such as harmonisation, interoperability and easier market access. However, this approach may limit the country's ability to meet its specific needs and may mean additional administrative burdens associated with compliance with EU directives. Moreover, changes in EU regulations could lead to a necessity to update domestic laws, potentially causing regulatory vacuum or uncertainty, especially in such sphere as the IT sector.

In conclusion, the comparative analysis of IT regulations between Russia and Sweden reveals several key observations. Both countries exhibit similarities in their approach to defining essential concepts such as critical infrastructure, reflecting shared concerns regarding for example security issues. While Sweden aligns closely with EU regulatory framework, Russia adopts a more expansive approach, addressing emerging technological challenges such as AI. For example, existing market practices in respect of contractual liability may not be suitable for the provision of AI systems/tools [Sundberg, Tressfeldt 2022:220]

However, achieving effective IT regulation necessitates finding a balance between international consistency and national adaptability to ensure strong cybersecurity, foster innovation, and maintain regulatory flexibility in a dynamic digital environment. With that being said, a final word from S.Malmgren, associate at the Swedish law and informatics research institute: "As much as one would like all problems to be solved by a well-written legal clause, regulation goes hand in hand with the development of technology" [Malmgren 2023: 561].

References

1. Appelgren J., Zouave E. *Regelverk och krav inom området industriella informations- och styrsystem*. Stockholm: FOI. 2021. (In Swedish)

2. Efremova M.A. Criminal Liability for Unlawful Impact on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation. – *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. № 4 (50). P. 86–92.

3. Ekfeldt J. *Om informationstekniskt bevis*. Stockholm: Stockholms universitet. 2016. (In Swedish)
4. Franke U. *Cybersäkerhet för en uppkopplad ekonomi*. Örebro universitet: Entreprenörskapsforum. 2020. (In Swedish)
5. *International Information Security: Russia's Approaches*. Ed. by A.V. Krutskikh, E.S. Zinovieva. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. 2021.
6. Jonason P. The Use of the Internet, Social Media and Search Engines by Public Authorities in the Context of Administrative Investigations. – *Scandinavian studies in law*. 2018. № 65. P. 271–284.
7. Karzlen H., Granlund H., Wedlin M. *Operationer i cyberdomänen. En inventering av svensk forskning*. Stockholm: FOI. 2018. (In Swedish)
8. Magnusson Sjöberg C. *Rättsinformatik: juridiken i det digitala informationssamhället*. Fjärde upplagan. Lund: Studentlitteratur. 2021. (In Swedish)
9. Malmgren S. Legal tech för dataskydd: Kan teknik lösa de problem som tekniken skapat? – *Dataskyddet 50 år – historia, aktuella problem och framtid*. Ed. by D. Westman, Magnusson C. Sjöberg, Ö. Sören, D. Törngren, M. Brinnen. Stockholm: Stockholm University. 2023. P. 561–572. (In Swedish)
10. Maunsbach U., Lindskoug P. Jurisdiction and Internet in Relation to Commercial Law Disputes in a European Context. – *Scandinavian studies in law*. 2010. Vol. 56. Stockholm: Stockholm Institute for Scandinavian Law. P. 303–328.
11. Romashkina N.P., Markov A.S., Stefanovich D.V. *Mezhdunarodnaja bezopasnost', strategicheskaja stabil'nost' i informacionnye tehnologii [International Security, Strategic Stability and Information Technologies]*. Moscow: IMEMO, 2020. (In Russ.)
12. Stenérus Dover A.-S., Bengtsson J., Olsson M. IT-incidenter på statliga myndigheter. – *Orsaker till utebliven rapportering*. Stockholm: FOI. 2020. (In Swedish)
13. Sukhomlin V.A. The International IT Standardization System, Its Role in the Development of the Information Industry and Its Operating Principles. – *Sovremennye informacionnye tehnologii i ITobrazovanie [Modern Information Technologies and IT-Education]*. 2022. Vol. 18 (2). P. 412–440. (In Russ.)
14. Sundberg C., Tressfeldt J. Contractual Liability when "Things Do Not Go As Planned": A Practical Perspective. – *Nordic Yearbook of Law and Informatics*. 2020–2021. Stockholm. Law Faculty, Stockholm University. 2022. P. 207–221.
15. Trenta C. The Role of Taxation in the Context of the EU Collaborative Cybersecurity Framework. – *Law and Sustainable Development: Swedish Perspectives*. Ed. by E. Kristoffersson and M. Qandeel. Uppsala:ustus förlag. 2021. P. 97–135.
16. Vylegzhnin, A.N., Shtodina, D.D. Mezhdunarodno-pravovaja harakteristika regulirovanija onlajn-torgovli v SShA i ES [International legal characterization of e-commerce regulation in the US and the EU]. – *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2022. Vol. 483. P. 227–239. (In Russ.).
17. Wahlgren P. The Quest for Scientific Methods: Sociology of Law, Jurimetrics and Legal Informatics. – *Combining the Legal and the Social in Sociology of Law: An Homage to Reza Banakar*. Ed. by H. Hydén, R. Cotterrell, D. Nelken & U. Schultz. Oxford: Hart Publishing. 2023. P. 227–238.
18. Wendleby, M. *Lagkommentar till NIS-lagen*. Stockholm: JP Juridiskt bibliotek. 2022. (In Swedish)
19. Wennerström E.O. *Informations- och cybersäkerhet i Sverige. Strategi och åtgärder för säker information i staten. Betänkande av NISU 2014*. Stockholm: Norstedts Juridik. 2015.
20. Westman D. Sociala medier – yttrandefrihet och Ansvar. – *Ord och rätt: Festskrift till Hans-Gunnar Axberger*. Ed. by A. Skarhed, J. Hirschfeldt, M. Ruotsi, D. Westman, S. Carlsson, Visby: eddy.se. 2020. P. 675–704. (In Swedish)

Информация об авторе

Elizaveta B. KIRILLOVA,

Attaché, MA International law, Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Sweden

Gjörwellsgatan 31, 112 60 Stockholm, Sweden

ebkirilova@mid.ru

ORCID: 0009-0004-4022-5279

About the Author

Елизавета Борисовна КИРИЛЛОВА,

Атташе, магистр права, Посольство Российской Федерации в Королевстве Швеция

Гьёрвеллсгатан 31, 112 60 Стокгольм, Швеция

ebkirilova@mid.ru

ORCID: 0009-0004-4022-5279